

Братья АЛОВЫ

СМИЛОВЫ
ПЕЧАТЬ

АН

РУССКИЙ ПРОЕКТ

Skin,ова печать //Олма-пресс, Москва, 2005
ISBN: 5-224-04299-2, 5-85197-314-5
FB2: "ve51 ", 11.02.2023, version 1.0
UUID: C6E60864-84F2-4AFF-AFF6-558B2C60A6A8
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 18, 2023

Константин Алов
Сергей Алов

Skinова печать (Опер Крюк)

В очередном крутом детективе Братьев Аловых простой российский супермен опер Крюков расследует обстоятельства гибели сослуживца. Все указывает на то, что преступление совершено экстремистами. Вот только претендентов на звание убийцы многовато: скины, национал-христиане, леваки из «Интербригады Че». А может, кто-то из родной ментуры? Время идет, число трупов растет, как в ходе битвы под Москвой. Впрочем, так оно и есть: дьявол с Богом борется, а поле битвы — подмосковный поселок «Дружба»...

Содержание

Пролог.....	0005
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Сдвоенные молнии.....	0008
1.....	0008
2.....	0039
3.....	0059
4.....	0080
ЧАСТЬ ВТОРАЯ Призрак опера.....	0092
5.....	0092
6.....	0113
7.....	0135
8.....	0150
9.....	0169
Эпилог.....	0191

Братья Аловы Skinova печать

*Зачем мне считаться шпаной и бандитом?
Не лучше ль податься мне в антисемиты?
В. Высоцкий*

Пролог

На втором этаже Управления специальной службы, посреди комнаты оперативников квашней расплылся на стуле задержанный юноша лет семнадцати. Он сидел с широко разведенными в стороны коленями, свесив голову на грудь. Руки его, повисшие, как плети, почти доставали пола. Молодой человек никак не реагировал на внешние раздражители, но ему не было плохо. Ему было очень хорошо. На языке наркоманов это называется «приход».

Напротив него за канцелярским столом, заваленным папками с документами, восседал с видом египетского фараона старший опер Виктор Мокеев, которому на днях присвоили звание майора. Он еще не совсем отошел от празднования столь знаменательного события, и ему пришлось «слегка поправиться» после вчерашнего, но все же его самочувствие не шло ни в какое сравнение с состоянием задержанного. В отличие от него, спину Мокеев держал подчеркнуто прямо.

Дверь открылась, и в комнату вошел старший опер капитан Крюков, более известный в ментовских кругах как «просто Крюк». И он был хмур. Может быть, именно потому он выглядел хмурым, что был трезв. Крюков так же должен был в ближайшем будущем получить, наконец, большую майорскую звезду, но то ли неудачное сочетание планет и звезд, то ли магнитные бури в который раз помешали его продвижению по служебной лестнице. Он только что вернулся из командировки и был удивлен непривычной пустотой коридоров родной конторы.

— А где все? — спросил Крюков недоуменно.

— На общегородском мероприятии, — неопределенно махнул рукой Мокеев. — Есть установка немного погонять футбольных фанатов.

— А ты что тут толчешься?

— Да вот, опасного преступника караулю, — Мокеев с неприязнью кивнул на витавшего в наркотических эмпиреях задержанного. — Сейчас за ним должны приехать. Представляешь — пацан ширнулся и колесил по Москве на красном «феррари». В состоянии сильнейшего кайфа. Врезался в старый бумер, а там такие же придурки, как он, сидели. Все трое почти всмятку, хорошо хоть живы остались, но тоже под кайфом находились, даже не заметили, как в реанимации приземлились. У этого орла. — Мокеев снова с кислой миной показал на задержанного, — полкило героина изъяли. И ствол, тэтэшник старый, наверняка где-то засвеченный.

Крюков аж присвистнул.

— Два в одном, отлично. Добыча что надо!

— Если бы! — Мокеев огорченно почесал затылок. — Стали пробивать по ЦАБу. Там установку не дают, назвали лишь номер телефона. Позвонил по этому номеру. Оказалось, то ли Дума, то ли администрация Кремля. Сначала на меня же и наорали, потом сказали, чтобы я сидел, сдувал с этого пидора пылинки, не дай бог с ним что случится, и ждал, когда за ним приедут.

— А что он за хрен с горы? — Крюков с интересом разглядывал человекоподобный студень, расплывшийся на стуле.

— Киндерсюрприз — сын Баринава. Слышал про такого деятеля?

Крюков задумался. Вообще-то политикой он не интересовался, поэтому время от времени ему доводилось сажать в кутузку очередного сорвавшегося с

ветви власти госчиновника или депутата за поступки, несовместные с их высоким положением. За что его не раз насекомило его же собственное начальство.

Вот и теперь он попытался для начала вспомнить, не вешал ли он когда-нибудь хомут этому самому Баринову. Нет, вроде не пересекались. Ни с отцом, ни с сыном, ни с бариновым духом. Кажется, этот тип был важной шишкой в Думе, и занимался там вопросами снабжения террористов.

То есть восстановлением разрушенного перманентными локальными войнами народного хозяйства отдельных регионов. Да, с таким дубом бодаться себе дороже! Но Крюкова, как показывала практика, любое сопротивление только возбуждало.

На столе Мокеева зазвонил телефон. Новоиспеченный майор взял трубку и выслушал говорившего.

— Ну вот, за нашим клиентом прибыли. Дежурный сказал — какие-то темные личности, — сообщил он капитану.

Через считанные секунды дверь распахнулась, словно от удара бампером, и в кабинет не то вломились, не то ввалились двое мордovorотов явно неславянской внешности. Типа — кунаки влюбленного джигита. Один из них был постарше, повыше и побровастей, второй пониже и почти без бровей, но оба походили друг на друга, как двое из ларца, одинаковых с лица. Только не из русской сказки, а из «Тысячи и одной ночи». И вели они себя, как завоеватели...

— Вы к кому, пацаны? — спросил Крюков с деланным изумлением. — Сдаваться пришли?

— Ты Мокеев? Мы за ним, — старший кивнул на расслабленного Баринова-младшего. — Тебе должны были позвонить...

Барчонок, наконец, открыл глаза. Судя по их выражению, он все еще отсутствовал. Старший из прибывших аккуратно взял его под мышки и придал ему более вертикальное положение, а затем похлопал по карманам. Результаты обследования его разочаровали. Ничего не обнаружив, он с удивлением посмотрел на майора.

— А где все?

— Вот то, что при нем нашли, — Мокеев достал из ящичка и бросил на стол пакет с документами и деньгами.

Второй гость подошел и внимательно осмотрел содержимое пакета. Потом тоже взглянул на Мокеева как бы с ожиданием.

— Что еще? — раздраженно обратился к нему майор.

— Ибрагим, он пустой! — сказал второй мордovorот, беспомощно оглядываясь на первого.

Бровастый грозно уставился на майора.

— Э, разве у него больше ничего не было? — спросил он с претензией в голосе.

Крюков усмехнулся. Он терпеть не мог хамов вне зависимости от половых, национальных и других отличительных признаков. Для себя свое отношение к этой категории обывателей он сформулировал так: после хамов, говорил он, я больше всего не люблю блеющих интеллигентов.

— А что ты, собственно, ищешь, урюк? — тихо поинтересовался у Ибрагима капитан. — Может, мешок героина? Или ствол засвеченный? А может, ты о

сроке мечтаешь, лет этак на восемь хочешь сесть? Я вам обоим ходку могу в пять минут оформить. Ты что, совсем наглость потерял, как говорит наш генерал? Или думаешь, что тебя твой Барин так же будет из дерьма вытаскивать, как своего недоумка?

— Ты к кому обращаешься? Урюк — это сушеный абрикос, — с нажимом произнес Ибрагим, буравя Крюкова взглядом. — Ты иногда словари почитывай, если русский язык забыл...

Сыщик счел необходимым выступить в защиту законопослушных трудящихся Востока.

— Все мирные абрикосы на рынке, — сказал Крюков наставительно. — А когда абрикос вооружен и очень опасен — это урюк. Он бегаёт по городу и ищет приключений на свою задницу. Ты тоже ищешь?

Ибрагим какое-то время продолжал метать молнии из-под кустистых бровей. Наконец он справился с гневом и взглянул на помощника.

— Эй, Мага, берем парня и уходим. С остальными потом разберемся.

Он сделал шаг к Барчонку, но Крюков остановил его и резко оттолкнул назад.

Был бы у Ибрагима кинжал, он бы зарезал Крюкова. Был бы у Ибрагима пистолет, он бы его застрелил. Направляясь в милицейскую контору, Ибрагим и его подручный предусмотрительно оставили оружие в машине, а саму машину спрятали за углом.

Но кулаки у Ибрагима были с собой, и он не замедлил пустить их в дело. Помощник его даже среагировать не успел, а Ибрагим с молниеносной быстротой нанес Крюкову прямой в переносицу. Но не попал, а через мгновение мешком завалился на пол от встречного удара сыщика. Помощник Ибрагима снова не среагировал вовремя на изменение обстановки, только стоял и хлопал глазами. Как, впрочем, и Мокеев, который не ожидал такой наглости от посетителя, тем более на своей ментовской территории. Обычно кавказцы ведут себя вежливо... Но эти двое давно уверовали в свою безнаказанность. Пока не нарвались на Крюкова...

Мокеев отвел капитана в сторону и долго что-то шептал ему на ухо, жестикулируя одной рукой. Крюков сначала не соглашался, но потом кивнул застывшим в ожидании окончания переговоров абрекам:

— Ладно, забирайте отсюда своего подопечного.

Те подхватили своего невменяемого протеже под руки, поволокли к выходу. В дверях Ибрагим задержался и метнул на Крюкова взгляд, полный ненависти. Крюков ответил ему лучезарной улыбкой.

— Что пялишься, дорогой? — спросил он заботливым тоном. — Напрасно стараешься, я мужиками не интересуюсь.

— Запомнить хочу, — процедил сквозь зубы Ибрагим.

— Ну, запоминай, — снова усмехнулся сыщик. — Меня зовут Крюк, — и добавил многозначительно: — Опер Крюк...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сдвоенные молнии

1

Борис Николаевич Баринов встречался в японском ресторане со своим главным сообщником и помощником. Баринов был раздражен. Ему только что доложили по телефону о последней выходке сына. Вырастил дурака на свою голову! Стакана воды на старости лет не дождешься. Но единственный сын — это все-таки сын. Кровиночка, блин!

Поэтому со звонившим Баринов говорил со сдержанной ненавистью, так крепко стискивая корпус дорогущего мобильника в руке, что тот жалобно поскрипывал.

— Я не пугаю, но если с моим сыном что-нибудь случится, я вам всем головы поотрываю! — с нажимом подчеркнул он. — Да, советую это понимать буквально.

Он убрал телефон и попытался успокоиться. Куда там! Даже сердце прихватило. По сути, сын — это единственное больное место Баринова. В остальном дела его шли на удивление гладко. На радость ему и на зависть друзьям.

Собеседник попытался разрядить ситуацию.

— Не волнуйтесь, Борис Николаевич, я держу ситуацию под контролем.

Но это не помогло. Раздражение Баринова усугублялось еще и тем, что, имея имидж либерала, он просто обязан был любить японскую кухню. А он ее ненавидел. Особенно обычай жрать палочками. Палки-копалки дурацкие! Баринов вырос в приличной советской семье, поэтому из всех столовых приборов признавал лишь ложку. Он даже вилку с ножом презрительно игнорировал. А тут выдрючивайся, как клоун в цирке, пытайся ухватить кусок сырой рыбы двумя карандашами. Да и сама жратва не лучше.

Баринов вздохнул тяжело, словно последний раз в жизни.

— Все у них, косоглазых, через одно место! Водка должна быть холодной, а закуска горячей! А у них все наоборот. Вот скажи мне, как там тебя...

Его собеседник сидел спиной к ярко освещенной стене из полупрозрачной рисовой бумаги, так что виден был лишь его силуэт.

— Я самокритично отзываюсь на кличку Оборотень, — усмехнулся он.

— Хрен с тобой, Оборотень, так Оборотень. Давай махнем за успешное завершение нашего грязного дела. С армянами, вроде, разобрались.

Они выпили. Баринов пил сакэ маленькими глотками, прикрыв глаза, всем своим видом изображая райское блаженство. Оборотень опрокинул в рот свою фарфоровую рюмочку без видимого удовольствия.

Речь шла о выселении армянских беженцев из гостиниц и общежитий, где те жили со времен Сумгаитского исхода. Баринов дал распоряжение Оборотню, и тот исполнил его в точности. Помещения освободили в рекордный срок, а населявших их людей выбросили на улицу.

Баринов, привычно скрывая отвращение, жевал лепестки сырой рыбы — то ли суси, то ли сасими. Некоторые по незнанию еще называют их «суши» и «сашими». Наливая сакэ в крохотные рюмки, он напомнил собеседнику:

— Я сунул тебя на хлебное место в президентскую комиссию не за краси-

вые глаза. Помнишь, я говорил, что мне нужно протолкнуть в Думе новый закон об экстремизме? И в президентской команде его ждут. Ты обещал устроить для этого небольшое выступление где-нибудь в центре города.

— Будет вам выступление, будет и экстремизм, — Оборотень посмотрел на часы. — Уже, наверное, начали.

— Где?

— В самом центре. Улица Калашный ряд, почти напротив парламента. Небольшой фашистский погром.

Баринов скривился как от зубной боли.

— Ой-ой-ой!

— Что не так? — насторожился Оборотень.

— Место, — Баринов сокрушенно покачал головой. — Там у нашего кавказского друга Анвара в его модном магазине товара на миллион, — Баринов от волнения вцепился Оборотню в руку. — Я тебя умоляю, проследи, чтобы у него ничего не пропало. Можешь считать это моей личной просьбой. Не надо загонять в угол даже мышь, а тем более такую жирную черную крысу, как Анвар.

— Ладно, не волнуйтесь, — Оборотень с неприязнью стряхнул руку Барина со своего запястья и достал мобильник. — Сейчас предупрежу своего человека, чтобы организовал охрану вашему человеку.

— Нашему, — с нажимом поправил Баринов.

Брезгливый жест собеседника ему определенно не понравился. Но он посчитал, что время для выяснения отношений еще не наступило.

Освобожденный от массивного корпуса гостиницы «Москва» центр столицы радовал глаз удивительным простором. От «Метрополя» до серого Дома на набережной за Москвой-рекой ничто не ограничивало перспективы.

«Уж если все сожгли и поломали, лучше бы так все и оставили, — подумал опер Крюков. — Получился бы роскошный сквер в самом центре города. Любимое место отдыха москвичей — сквер «Лужок».

Улицы вокруг были перегорожены. Именно здесь проводилось общегородское мероприятие, в котором руководство собиралось задействовать капитана Крюкова и его коллег.

Городские власти твердо взяли курс на проведение следующих олимпийских игр в Москве. По такому случаю решили возобновить практику трансляции спортивных игр на большие мониторы, установленные на главных городских площадях. Чтобы не позориться перед иностранцами, начали с малого. С внутренних чемпионатов. Сегодня должны были играть «Спартак» и «ЦСКА». Играли, кажется, в футбол. Крюков точно не знал, поскольку талантом болельщика не обладал вообще. Он предпочитал получать дозы адреналина бесплатно, вернее, на работе и за свою зарплату.

Площадь перед экраном монитора была поделена на две части цепью серых милицейских фуражек. По одну сторону разделительных турникетов колыхалась толпа красно-белых спартаковцев, по другую — красно-синих армейцев. Крюков с возвышения возле стеклянного купола подземного торгового центра окинул сборище грустным взглядом.

— И зачем мы здесь? Какая наша роль на этом празднике жизни? Тут ОМОН нужен, постовых в форме побольше. Казаки с пиками наперевес и нагайками пригодились бы.

Но милиции в форме оказалось немного. Вероятно, власти не хотели заранее дразнить и провоцировать болельщиков. Вместо этого решили внедрить в их ряды оперативников в штатском. Зачем? Крюков такую сложность не понимал.

Толпа перед большим экраном все росла. Напарник Крюкова — Мокеев, в отличие от него, был завзятым болельщиком.

— Может, передислоцируемся поближе к экрану? — предложил он.

Крюков пожал плечами.

— За каким хреном? Отсюда лучше видно.

— А если заваруха начнется?

— Тем более. Здесь безопаснее и есть маневр для организованного отступления.

Мокеев не отступал.

— Пойдем, потолкаемся. Что полезное услышим. Заодно и футбол посмотрим. У «Спартака», конечно, шансов мало, но чем черт не шутит?

Крюков решительно покрутил головой.

— Не пойду, ноги отдавят. Если приспичило, топай один. А я потом за тебя отомщу.

Мокеев сполз с перил и направился к толпе. Крюков увидел, как к нему подошел длинный парень.

Бритоголовый, в коротких камуфляжных штанах и куртке-бомбере. Крюков встречал его и раньше. Фамилия парня была Игнатов, кличка — Игнат. Когда-то он не изображал скинхеда, а был членом ореховской преступной группировки и стукачом Мокеева. Видимо, стукачом он так и остался. Он приблизился к майору, что-то сказал ему на ухо, после чего оба растворились в толпе. Крюков, как ни старался, не смог разглядеть Виктора среди множества людских голов.

Тем временем атмосфера в толпе накалялась. Заваруха все-таки началась после назначенного судьей пенальти. В чьи ворота? Крюков так и не понял. За что? Точки зрения сторон расходились, но преобладало мнение — потому что судья козел.

Толпа среагировала на забитый гол, как ученый бык на боевое красное знамя. Раздались яростные вопли. Внятно разобрать можно было только два слова: «мясо» и «конюшня».

Под «мясом», ясное дело, подразумевался «Спартак», под «конюшной» — «ЦСКА».

Постепенно от чисто спортивных аргументов — «кто хуже играть не умеет» — дискуссия плавно перешла на любимое поле — национальный вопрос.

Послышались серьезные обвинения.

— «Спартачи» — жида! У вас ни одного русского в команде нет!

В ответ неслось.

— «Кони» — черные! Вас чечены купили! Под кавказцев прогнулись!

Оскорбления были нешуточными. После этого говорить стало просто не о чем, и стороны прибегли к обоюдному физическому насилию. Турникеты разлетелись, как мусор под порывом ветра. Редкую цепочку серых фуражек смели в мгновение ока. В небо над толпой взмыли пустые бутылки. Странно... К экрану со стеклянной посудой вроде бы не пропускали, а на самой площади напитков в стеклянной таре не продавали.

Бутылки на излете застучали по головам. Если бы у кого-то из собравшихся вдруг оказались мозги, он мог бы заработать сотрясение. Но таких, к счастью, на площадь вообще не пускали. Эти самые мозги и не пускали. Остальным удары с воздуха ущерба не нанесли, напротив, только раззадорили.

Враждующие партии сошлись врукопашную. Футболисты на экране вяло доигрывали матч, но на них уже никто не обращал внимания. Самые интересные события сейчас разворачивались не на экране, а перед ним.

Драка определенно удалась. Вперед продвигались отряды спартаковцев, смелых бойцов. Но и армейцы не ударили лицом в грязь. Своим лицом. Зато от всей души постарались вывозить мордами в грязи своих соперников.

Крюков безуспешно пытался отыскать взглядом в толпе Мокеева или кого-нибудь из своих. За Виктора опер не опасался, его заинтересовал бритоголовый Игнат.

Неужели и скинхеды успели подсуеетиться? Обычно они сами использовали болельщиков в своих акциях, а тут получалось наоборот. Непонятно... И уж чего никак нельзя было ожидать от разобщенных и враждующих друг с другом фашистских группировок столицы — так это единой централизованной организации. Крюкову такая догадка очень не понравилась. Но ее следовало проверить.

Он направился в самую гущу битвы. Драки он не боялся. Больше того, любил повозиться под настроение. На подступах к эпицентру побоища на него выскочил паренек с бейсбольной битой в руках и ужасом в глазах. Его даже бить не пришлось. Бита как-то сама собой оказалась у Крюкова, а паренек помчался дальше, не разбирая дороги.

Крюков двигался в разъяренной, бушующей толпе осторожно, как среди зарослей крапивы. Биту он использовал не как оружие массового поражения, а скорее, как указку. Никого сам не бил, но если замечал атакующего, то коротким тычком палки направлял его в другую, безопасную для себя сторону. Чаще всего вниз, на асфальт.

Мокеев как сквозь землю провалился. И лысая башка Игната нигде не светила. Других бритоголовых Крюков тоже пока не заметил. Неужели он ошибся насчет единой организации?

Не тут-то было. Со стороны Охотного ряда с развернутыми черными знаменами, украшенными православным крестом и портретом Сталина и Спаса Нерукотворного стройными рядами приближались защитники веры и отечества.

Сами они называли себя «архангелами», так как руководил ими Михаил Архангельский по прозвищу Миха Архангел. Из уголовников. Говорили даже, что он был вором в законе, но Крюков над такими баснями смеялся. Миху он знал не первый год как облупленного. Когда-то тот воровал иконы по деревням, не гнушался и применением силы, если хозяину удавалось схватить его за руку. За эту силу, а также за дерзость, с которой он ею пользовался, его главным образом и уважали.

Иконы Миха толкал иностранцам за валюту. Тогда-то он и попал в поле зрения Крюкова. Чистая валютная статья «восемь-восемь», не считая краж и грабежей. Но посадить Миху не удалось. Не дали «ребята с нашего завода». Оказалось, что Архангел давно и усердно стучит для КГБ. Продолжал ли он это плодотворное сотрудничество сейчас, Крюков не ведал, но подозревал, что

старая дружба не ржавеет. Особенно, если ее подпитывают производственные отношения.

— С нами крестная сила! — дружно заорали «архангелы» и устремились в битву.

Они принялись лупить всех без разбора — как красно-белых, так и красно-синих. Но и те быстро сообразили, откуда ветер дунул, мигом перестроились и сообща ударили на нового врага.

Неожиданно перед Крюковым мелькнуло лицо Игната. Он был не один. За ним теснились бритоголовые пацаны в курточках без воротника — бомберах, коротковатых камуфлированных штанах и тяжелых ботинках. Многие шли с закрытыми лицами. На «архангелов» они не походили ни видом, ни идеалами и тут же вступили с ними в ожесточенную драку. У бритоголовых бойцов опер заметил нарукавные красные повязки с двумя перекрещенными молниями в белом кругу. Раньше такие символы носили фашисты не то в СС, не то в СД.

Крюков пересек площадь и пробился к милицейскому оцеплению возле парламента. Постовые с интересом наблюдали за побоищем, не проявляя при этом никакого желания вмешаться. Это была не их работа. К сфере их защиты относились депутаты-законодатели и кучка девиц легкого поведения, согнанных разгулявшимся народом со своих штатных рабочих мест.

Путанкам Крюков сочувствовал. Проститутки, особенно валютные, находились в сфере его профессионального внимания с приснопамятных времен застоя, когда никакой проституции в нашей стране как будто не существовало. Как и секса. При всем внешнем благополучии жизнь барышень легкого поведения отнюдь не напоминала сладкий сон на фоне бесконечного оргазма. Сегодня одна такая в норковой шубе гордо дефилирует мимо сыщика в двери Большого театра, а завтра он читает в сводке происшествий, что любительницу оперы и балета нашли мертвой со следами насилия на прекрасном теле.

Крюков махнул служебным удостоверением постовым милиционерам, прошел за их цепочку и кивнул знакомым девчонкам. Они в ответ мило заулыбались. Крюков был ментом не вредным, кровь не пил, на субботники никого не таскал. Собственно, он вообще их услугами не пользовался. Ну, почти не пользовался, а исключения лишь подтверждали правило. Но всегда мог рыцарски прийти на помощь и сурово наказать не в меру жадного сутенера, клиента-отморозка или своего обнаглевшего коллегу. Такие вот у него были методы воспитания.

Помощь участницам куртизанского движения он оказывал без всякой задней мысли, но взамен зачастую получал такую информацию, какую и за большие деньги не купишь. Вот и сейчас одна из путанок, рослая каланча по кличке Маленькая Вера, загадочно подмигнула оперу и поманила к себе.

— Ты не Витю Мокеева ищешь? — спросила она с заговорщицким видом. — Он тут с какими-то скинами лысыми крутился. Еще до того, как большая драка началась.

Крюков видел, как Виктор удалился в сопровождении одного лысого — Игната, своего стукача. Почему же Маленькая Вера употребила множественное число?

— И много с ним было скинов? — спросил опер.

Маленькая Вера наморщила лобик.

— Кажется, трое. Или четверо. Трое парней и девка. Один такой длинный,

совсем бритый. Под ноль.

«Это Игнат», — определил про себя Крюков.

— Другой — крепкий парень лет двадцати. Он не лысый, а просто коротко стриженный, одет в длинный кожаный плащ. А третьего я толком не разглядела. Он сзади держался, поближе к девке своей чумазой. Представляешь — эта бикса такая же бритая, как эти идиоты.

Всем своим видом девица выразила презрение к особам женского пола, которые болтаются с всякими бритоголовыми идиотами вместо того, чтобы соблазнять состоятельных мужиков.

— Куда они пошли? — спросил Крюков.

— В сторону Лубянки. Я их видела возле бутика «Дольче Анваро». И... не знаю, стоит ли говорить?.. Ты Клавку Шифер помнишь? В прошлом году путанила на Тверской. Крашенная крыска из Житомира, по депутатам работала. Так вот, она с ними отправилась. С этими бритоголовыми.

Теперь настало время напрячь память Крюкову.

— Она же вроде завязала путанить. Или я ошибаюсь? — припомнил он.

— Не ошибаешься. Замуж она собралась. Анвар на ней жениться обещал, представляешь?! Анвар! Почему так скромно — не Билл Гейтс и не Абрамович? Если врать, так уж с размахом!

Опер нахмурился.

— Говоришь, она за Анвара замуж собралась? И пошла в сторону анварова магазина с Мокеем и скинами? Забавное совпадение.

— Скины вроде ее провожали, а Витька сзади шагал. Будто следил, — пояснила уличная барышня.

— И на том спасибо.

Крюков перехватил поудобнее трофейный ударный инструмент и продолжил свой скорбный путь. Снова пришлось уворачиваться и отмахиваться от наиболее рьяных поединчиков. Вдоль улицы чадили подожженные хулиганами машины. Едкий черный дым вызывал резь в глазах и горле.

В нескольких метрах от Крюкова со звоном разбилась бутылка. Из нее вытекла вязкая тягучая масса и вспыхнула.

«А ведь это не просто бутылка с бензином, — подумал опер. — Самодельный напалм почище коктейля Молотова. И изготовлен явно не по «Поваренной книге анархиста». Квалифицированная работа».

Бутик с дурацким названием «Дольче Анваро» принадлежал Анвару. Вообще-то Анвару принадлежала половина столичных гостиниц и магазинов в центре города, но все через подставных лиц. Официально же он был владельцем лишь этого блестящего во всех отношениях магазинчика.

Пускали сюда не всех. На дверях торчали вальжжные мордовороты в недорогих темных костюмах и осуществляли фейс-контроль. Лиц со свинными рылами аккуратно отсеивали, вежливо объясняя, что нижний порог цен — на трусы, носки и прочую мелочевку — начинается с пятисот долларов.

Сейчас мордоворотам было не до высокомерия. Куда только подевалась их обычная надменность! Они с трудом отбивались от кучи наседавших «архангелов». Аккуратные черные костюмы были порваны в разных местах и покрылись пылью и грязью. Но и противникам досталось. Один валялся на асфальте без движения. А может, и без дыхания.

И все же положение мордovorотов выглядело незавидным. Численный перевес был на стороне противника. Они прижали охранников к дверям заведения. Но тут в тыл нападавшим ударила небольшая, но сплоченная группа. Бритые головы, высокие тяжелые ботинки-гриндерсы... Лица закрыты платками типа ковбойских или пионерских галстуков.

Крюков пригляделся внимательнее. Похоже, все трое его клиентов оказались тут. Игнат, которого опер узнал по одежке и широченным плечам. Другой, коротко стриженный пацан в кожаном пальто, замотал нос и подбородок белым шелковым шарфом. Третий, невзрачный, мог бы и не прятать морду. Такого снова встретишь — не узнаешь. И подружка при них. Она единственная из группы не прятала лица. «Ничего девочка, — подумал опер, — если отмыть ее и причесать. А для начала подождать, пока на бритой бестолковке волосики отрастут».

Предводительствовал нападавшими амбал семь на восемь. Этот скрывался под капюшоном с дырками для глаз. О нем Маленькая Вера не упоминала. Не заметила или он только что присоединился?

А вот Виктора Мокеева с ними не было. Крюков подумал, что тот может следить из укрытия за бритоголовыми. Знать бы только — зачем? И куда-то подевалась бывшая путанка Клавка Шифер, возомнившая себя будущей женой полубандита-полубизнесмена Анвара.

Со звоном разлетелось стекло витрины, и через пролом из бутика на улицу выскочили трое «архангелов». В руках одного из них был пластиковый пакет. Пакет зацепился краем за острый обломок стекла и порвался. Из него посыпался светло-серый порошок. Крюков замер в стойке охотничьей собаки. Неужели героин?

Тем временем к дверям бутика прихлынула новая толпа. Скинхеды вместе с охранниками успели раскидать «архангелов». Бритоголовый амбал обернулся к прибывшим и замахал руками.

— А ну стой! Кому, бля, сказано, по этой стороне ничего не трогать! Вон ларек с пивом — громи его!

Толпа замешкалась. Кто-то и в самом деле направился крушить ларек, но остальные продолжали топтаться на месте. Послышались отдельные выкрики.

— А пошел ты! А ты кто такой?! Мочи его! Нам скины не указ!

— Стой, это же сам Шварц! Я его сразу узнал!

— Да и фиг с ним! Что нам Шварц?! Мочи его! Ломай все!

Толпа замерла в нерешительности. Напряжение достигло максимума.

Из здания на противоположной стороне улицы за происходящими событиями наблюдал смуглый человек лет тридцати-сорока. Внешностью он напоминал молодого Омара Шарифа. В общем, помесь мачо и джигита. Он стоял у большого окна и говорил по мобильнику.

— Как обстановка, э?

— Хреново, Анвар, — доложил абонент. — Эти громилы вот-вот ворвутся в магазин. Часть товара уже «архангелы» уволокли. И девочка твоя нервничает. Сумка с сюрпризом у нее.

— Харашо! Уходи оттуда. У тебя три минуты.

Анвар посмотрел на часы. Секундная стрелка ползла по циферблату с чере-

пашьей скоростью. Он перевел взгляд на толпу возле бутика. Она, похоже, увеличилась. Анвар в сердцах выругался и прошелся пальцем по кнопкам набора номера. Ему ответил молодой женский голос.

— Это я, э, — сказал Анвар. — Клабочка, золото мое, где ты?

— Я в бутике, в твоём кабинете! — почти кричала девушка испуганным голосом. — Тут какие-то бандиты ломаются! Зачем меня сюда привезли?

— Ты же сама хотела выбрать платье к нашей свадьбе! Слушай, золото мое, а сумка, которую я тебе передал, с тобой?

— Со мной. Я ее не выпускаю из рук. У нее молния сломалась, и она не расстегивается. Что там внутри?

— Сюрприз, — Анвар улыбнулся и добавил: — Не бойся, дорогая, за тобой уже поехали мои люди. Сейчас тебя заберут. — Он нажал звездочку на пульте, потом набрал еще несколько цифр.

Взрыв прозвучал сравнительно негромко. За шумом и гвалтом на площади его можно было бы и не слышать. Но полыхнуло здорово. Анвар тяжело вздохнул. И Клава ему нравилась, и убытки просто огромные. Но безопасность дороже.

Крюков замер. Вот уж чего он никак не ожидал, так это взрыва. Сразу после него внутри бутика начался пожар. Из разбитых окон повалил густой жирный дым. Толпа разбежалась от магазина в разные стороны.

На площадь выскочил автобус ОМОНа и резко затормозил. Из него горохом посыпались бойцы. Попадать под раздачу пряников Крюкову вовсе не хотелось, и он принялся размахивать милицейским удостоверением, как белым флагом. Тем временем к горящему бутику подлетели пожарные машины. Боевые расчеты принялись за дело, и в считанные минуты с огнем было покончено. Прибывшие медики в голубой форме МЧС принялись выносить из помещения убитых и раненых.

— Слушай, ты, вроде, из милиции? — старший спасатель вышел из взорванного магазина и взял Крюкова за рукав. — Что с мертвыми делать? Выносить или ждать следственную бригаду?

— А много их?

— Трое вроде.

Крюков почесал затылок.

— Лучше не трогать. Пойдем, посмотрим.

Внутри уже можно было дышать без противогаза, хотя едкий запах взрывчатки заставлял глаза слезиться. Взрыв произошел на втором этаже. Здесь все оказалось разрушено и опрокинуто. Стены помещения обгорели дочерна.

И первый же из убитых показался Крюкову знакомым. Точно, он самый, напарник Ибрагима, с которым тот приезжал забирать Барчонка. Он лежал в дверях, вероятно, хотел свалить до взрыва, но не успел.

Бывшая путанка Клава Шифер так и не успела начать новую жизнь. Ее красивое тело было разорвано на куски. Голова отлетела в угол и теперь смотрела на опера удивленными глазами. Крюков поежился, хотя и повидал в жизни всякого.

— Эй, идите сюда! — позвал из небольшого коридорчика медик, держа в руках раскрытое красное удостоверение. — Тут ваш, майор милиции. Мертвый.

Крюков подошел медленным шагом. Он все еще надеялся на чудо. Ну, мало

ли в Москве майоров милиции? Но чуда не случилось, худшие опасения подтвердились. За диваном лежал его напарник Виктор Мокеев. С залитой кровью головой.

«Интересно, за каким лешим его сюда понесло?» — подумал сыщик и спросил: — Это его взрывом сюда забросило?

Врач пожал плечами.

— Вряд ли. Точно не могу сказать, экспертиза покажет, но, похоже, взрыв тут не при чем. Его ударили по голове чем-то тяжелым. Били от души, аж мозги наружу вылезли. Извините за подробности.

В дверной проем с шумом ворвался начальник убойного отдела полковник Шабанов. Как всегда недовольный всем: тем, что до сих пор не подъехали следователь прокуратуры и криминалисты, тем, что пожарные и спасатели затоптали следы. Ну, а присутствие Крюкова вызвало у полковника целую бурю гнева.

— Крюков, скотина, и ты здесь! Вестник смерти! Ты же куда ни сунешься, за тобой, как в песне у Высоцкого, «воронье и гробы»! И, конечно, все залапал! Если опять твоих отпечатков пальцев окажется больше всего, я тебя посажу! По крайней мере, лет десять под ногами крутиться не будешь.

Женьку Шабанова можно было понять. Каждый свежий труп — это как минимум новый воз работы, а как максимум — служебные неприятности, тут поневоле станешь бросаться на окружающих.

Спорить с Женькой сыщик не стал. Устыдился. Полковник Шабанов не раз предлагал Крюкову перейти на работу в его отдел, обещал чины и награды. Но опер скромно отказывался. Он справедливо считал, что от добра добра не ищут. К тому же — свято верил в старую истину, гласившую: хочешь потерять друга — дай ему займы или возьми к себе на работу. В данном случае — пойдди к нему на службу. Крюков терять старого друга Женьку не хотел.

Поэтому он ограничился тем, что помахал полковнику рукой и изобразил свою коронную улыбку. В ответ Шабанов разразился новым потоком брани. Под эти громовые раскаты мата Крюков и выбрался на улицу.

Здесь ситуация понемногу нормализовалась. По площади расхаживали пешие милицейские патрули, гордо разъезжали конные. Часть горящих машин пожарным удалось потушить, некоторые продолжали дымиться. Разрозненные кучки фанатов и хулиганов разбились по двое-трое и жалась к домам. Цепкий глаз сыщика сразу выделил знакомый силуэт Игната. То и дело озираясь, он удалялся от места происшествия. В несколько прыжков опер догнал стукача, дернул за руку, едва не вырвав ее из плечевого сустава, и прижал к стене.

— Игнаша?! Какой сюрприз! Неужели в бритоголовые записался? Растешь, сука! Быстро говори, фашист, что тут случилось, где Витю потерял?

Игнат растерялся.

— Я не знаю... Меня Виктор Алексеич...

Стукач вдруг попробовал вырваться. Но, хотя на вид он был высок и крепок, рывок не получился. Для убедительности Крюков слегка пнул его коленом в живот. Высоковато, но дотянулся. Игната немного скрючило. Теперь сыщику даже пришлось к нему немного наклониться.

— Бабушке своей будешь шары вкручивать! Говори быстро, что случилось с Виктором? Почему он оказался в этом магазине? Колись, иуда, иначе я тебя в

камеру закрою! А там знаешь, что с козлами делают?

Добровольный помощник милиции вытаращил глаза и разинул рот, но признаваться не спешил. Сыщику пришлось его слегка придушить. Лишенный кислорода доносчик лихорадочно засуетился в поисках выхода и выбрал самый простой и привычный путь: откровенности и чистосердечного признания своей неправоты.

— Мне нельзя в камеру! — заныл Игнат. — Я все скажу. Вон, смотрите — пацан в черном кожаном пальто. Кличка Хорст. Как зовут — не знаю. Я у них недавно. Внедрился по приказу Мокеева. Этот Хорст — фашист, пришел из организации «Фаланга 88». Я должен был только свести его с Виктором Алексичем. И свел. Они вошли в бутик. Я остался ждать на улице. А тут драка. Потом внутри что-то рвануло. Я в ту дверь сунулся, а там уже все горит...

Крюков недоверчиво покачал головой. Парень в кожаном плаще по кличке Хорст спокойно стоял на другой стороне улицы, словно ничего не опасаясь. Крюков пригляделся к нему повнимательнее. Высокий, худощавый, лет восемнадцати-двадцати. Волосы на его голове обриты не наголо, а торчали ежиком. Шелковый шарф не закрывал лица, а небрежно болтался на шее. Впрочем, лицо без особых примет. Вот только левая щека немного измазана в копоти. Крюков мысленно прокрутил его по учетам. Нет, в розыске этот Хорст определенно не находился. Разве что по кличкам прокрутить?

Сыщик смешался. Что делать? Брать этого Хорста на основании одних только показаний Игната? Крюков плохо знал этого стукача, но со слов Мокеева составил о нем впечатление как о весьма ненадежном типе. Виктор подозревал своего агента чуть ли не в двурушничестве. И все-таки отправился на стрелку с его подачи, даже не предупредив напарника и не подстраховавшись. Где и погиб. Странно это, господа...

Пока Крюков прокручивал в голове разные варианты поведения, объект наблюдения двинулся вдоль улицы и исчез за углом.

«Придется заняться парнем поближе», — решил для себя сыщик.

Но перед тем как отпустить вялое тело незадачливого осведомителя, опер еще раз прижал его за кадык.

— Имей в виду, фашист проклятый, будешь давать полезную информацию, будешь получать кислород для жизни! Если нет, я тебе его перекрою. Ферштейн? Жить может только то, что приносит пользу обществу, понял? Это ваш фашистский философ Зигфрид фон Шмультке сказал.

Тут сыщик отпустил стукача и пошел искать свою машину. День явно не задался. Может быть, бабушка была права, когда не советовала работать в воскресенье?

Девушка была очень молода и очень красива. При рождении ей дали имя Мухабат, но год назад, получая паспорт, она назвалась именем любимой певицы — Жасмин.

В комнате кроме нее находился смуглый мужчина лет тридцати. Лицом он напоминал артиста Омара Шарифа, этаким какавказским мачо. Правда, когда он начинал говорить, впечатление от его блестящей внешности несколько портилось.

— Э, слушай, женюсь на тебе, э! — пел мачо-джигит. — Я Анвар, меня каждый собака знает, мое слово закон, э! Трусы снимай, э! Ты не думай, Анвар не

собака — потрахал и убежал. У Анвара невеста была, Клавкой звали. Очень красивый. Погибла недавно. Террористы взорвали. И две жены было. Они тоже погибли. Теперь вот тебя полюбил. Женой моей будешь!

Жасмин с обожанием смотрела на Анвара, как Лейли на своего Меджнуна.

— Ты силен и благороден как могучий батыр-пехлеван, любимый. Но мой почтенный отец хочет отдать меня за Мусу, — пропела она. — Мой уважаемый отец работает на него. Муса — хозяин. Большой человек.

Благородный Анвар презрительно улыбнулся.

— Э, Муса — собачий сын, ишак! Свиному ест, я сам видел, э! Я на тебе женюсь. Самой любимой женой будешь, э!

И запел песню любви.

— Будешь жить в доме в три этажа. Самый верхний этаж — пол паркетный, два балкона — весь твой будет! Есть в мой дом большой холодильник «Вирпул», широкий, две двери. Обе двери закрыты на ключ, ключ у тебя будет! Ты самый главный в мой дом будешь, э! Есть в мой дом большой телевизор «Панасоник», экран во всю стену. Пульт, чтобы программы переключать и громко-тихо делать, у тебя будет. Ты самый главный в мой дом будешь, э! Будешь в мой дом жить, ничего не делать. Только стряпать, есть и толстеть. Зачем не веришь, э?

На этом песня кончилась. Жасмин залилась краской смущения. Что и говорить, предложение оболъстителю сформулировал убедительно — яснее некуда. Она кивнула.

— Я тебе верю. Только вот отец может не согласиться. Мы — шииты, а ты суннит. Перед тем как мы убежали из Ферганы, тамошние сунниты убили моего дядю и всю его семью. Они ворвались в его дом, связали всех. Женщин изнасиловали, а мужчин били палками и мотыгами. Потом они разрезали всем женщинам животы, а мужчинам перерезали горло. Детям просто разбили головы о камни очага. Потом они облили всех бензином и сожгли. Было очень страшно. — Она испуганно посмотрела на окно.

Благородное мужественное лицо Анвара снова испортила презрительная ухмылка. Язык у него просто чесался от желания выказать любимой все, что он думает об ее собачьих шиитах. Но он сдержался и лишь проговорил:

— А здесь чего боишься? Здесь не Фергана. Здесь Москва, люди мирный, немножко пугливый.

Но Жасмин покачала головой.

— Здесь еще страшнее. Все только и говорят о бритоголовых фашистах. Я их ужасно боюсь.

— Со мной никого не бойся, э! Я Анвар, меня каждый собака знает. Здесь все меня боятся. А про эту квартиру вообще никто не знает. Ни Муса, ни отец не найдет. И фашисты не найдут.

И тут неожиданно диалог влюбленных был прерван шумом во дворе. Жасмин бросилась к окну, выглянула и отпрянула в неопишемом ужасе.

Прошло несколько дней. В бывшей ленинской комнате Управления специальной службы МВД России полным ходом шла утренняя пятиминутка. Заседали уже с час. Обсуждали недостатки в оперативной работе, внешний вид личного состава и агрессивную политику США в Ираке.

Во главе стола восседал начальник управления генерал Николай Андре-

евич Мышов по прозвищу Альпенгольд. За время беспорочной и бесполезной службы генерал уже трижды летал по заданию Генеральной прокуратуры в Швейцарию в поисках золота. Трижды искал он сокровища — компартии, Бородина и Березовского. Но так и не нашел ничего, кроме замечательного шоколада. За что и получил свое вкусное прозвище.

Генерал Мышов не терпел демократической волокиты вроде избрания президиума, секретаря и тому подобной чепухи, и всегда сам вел собрания, на которых присутствовал. Вот и сейчас он взял со стола бумажку, пожевал губами и сообщил.

— Значит со вторым пунктом повестки дня — «Борьба с внешним видом» — разобрались. Короче, чтобы никаких техасских штанов системы джинсы я больше не видел. Советский... в смысле, российский милиционер — государственный служащий. А это накладывает... Понимаете, что это значит?

Ответом было гробовое молчание. Не дождавшись реакции с мест, генерал ответил сам:

— Мы служим нашей родине, поэтому не имеем права носить национальную одежду наиболее предполагаемого противника. Поэтому внешний вид все должны иметь аккуратный и подтянутый: костюм-тройка, можно недорогой, галстук, лучше темный, рубашку, лучше светлых тонов. Я тоже люблю красиво одеться, но на работу всегда одеваюсь прилично.

И генерал автоматически смахнул невидимую пушинку с рукава пиджака своего скромного итальянского костюма стоимостью полторы тысячи евро.

В это время открылась дверь. На пороге показался лучший оперативник управления — вечный капитан Крюков. Генерал при виде сыщика сильно оживился.

— А вы, Крюков, опять проспали? Или застряли в лифте? Придется вас записать в злобные опозданцы... В злостные опоздуны, — поправился он.

— Това-а-ариц генерал, мы же по ва-а-ашему приказу в засаде всю ночь проторчали, — зевнул в ответ опер. — А я, между прочим, предупредил — дохлый номер эта засада. Даром время потратим и народные деньги пропьем... В смысле проедем. Так и вышло.

Генерал нахмурился.

— Я не спрашиваю, откуда вы пришли. Я спрашиваю — где вы были? Если хотите снова что-то сказать, то лучше помолчите. И не надейтесь, что я нормальный, я могу быть и беспощадным! Ладно, садитесь. И побрейтесь, а то смотреть тошно!

Крюков направился на свободное место, но генерал усмотрел еще ряд недостатков в экипировке подчиненного. В частности — майку под расстегнутым воротом джинсовой рубашки и кроссовки «Пума».

— Застегните воротничок, чтобы постельное белье на шее не торчало. И снимите вы, Крюков, эти кеды фабрики «Рита». Если не во что обуться, разрешаю ношение форменных ботинок. Кстати, и брюки можно носить форменные, предварительно выпоров красный кант. Как условно гражданскую форму одежды.

— А фуражку? — спросил Крюков.

— Что фуражку? — не понял генерал.

— Если кепки нет, милицейскую фуражку можно носить? Козырьком назад, как условно гражданский головной убор. А кокарду пластырем заклеить.

Генерал подумал и резко качнул головой.

— Нет, Крюков. Вы не дождетесь, чтобы я опустился до вашего низменного уровня. И вообще, всех касается. Вы не в театре, потрудитесь сесть по стойке смирно! А то спят тут, понимаешь, как гремучие гадюки на солнце! Переходим к главному вопросу. В нашем городе проходят месячные по борьбе с фашизмом. И вот что я хочу довести до вашего сознания...

Подобные перлы, вроде «месячных», генерал выдавал нередко. Генерал встал из-за стола и подошел к узкой трибуне, украшенной двуглавым орлом. В руках он держал внушительную стопку бумаги. Поверхность трибуны имела небольшой уклон, чтобы бумаги не соскальзывали на пол нижний край наклонной плоскости был ограничен рейкой. Но толщина генеральского доклада значительно превышала ее высоту. Листки мелованной бумаги поехали вниз и посыпались на пол, шурша, как листья в октябре.

Генерал с кряхтением согнулся и полез под трибуну их собирать.

— Вашу мать, — тихо, но внятно произнес он себе под нос. — Просил же на пять минут докладик набросать. Так нет, нахерачили «Войну и мир»...

Выбравшись на свет, Альпенгольд гранитной глыбой навис над трибуной. Он покрутил перед собой собранный урожай. Страницы доклада безнадежно перепутались. Он порылся в них и выбрал, наконец, самое ценное.

— Вот что пишут жители Москвы, на страже которых мы, так сказать, стоим, — многообещающе сообщил он и принялся читать вслух, громко и с выражением: — «Уважаемый начальник милиции уголовного розыска! И когда же это, наконец, прекратится? Наши отцы и деды боролись с фашизмом не за тем, чтобы сегодня эти выродки поганили нашу столицу! Мы живем возле Кутузовского парка. И с некоторых пор сюда повадились ходить бритоголовые фашисты. Поглядели бы вы на это отребье! Лысые головы, грубые ботинки, лица, как у идиотов. О чем говорят — не разберешь. Как гуси гогочут. Дебилы какие-то. Они собираются небольшими группками. Есть среди них и девушки, на вид такие же дебилные, как и пацаны. А после них бутылки остаются из-под пива и бумажки от конфет. Мы боимся выпускать в парк детей. Примите меры, иначе мы не пойдём на выборы».

Генерал обвел зал строгим взглядом.

— Внизу двести пятьдесят подписей! — сурово сообщил он и добавил со вздохом. — Да, плохо мы с вами работаем, товарищи! Надо работать лучше! А вот еще одна жертва бритоголовых — Жасмин Султанова. Ее изнасиловали и чуть не задушили. Опять наша с вами недоработка!

— В следующий раз доработаем, обязательно задушим! — заверил с места начальника Крюков.

Генералу такая готовность почему-то не понравилась. Он обиженно заметил.

— Знаете, Крюков, я иногда замечаю на вашем лице осмысленный взгляд, что в целом для вас нехарактерно. Так что вы там думаете серыми шариками своего ума? Почему наши отцы и деды воевали с фашизмом, а мы, то есть вы, опустили руки?

Крюков встал и задумался. Вопрос был непростой. И ответ напрашивался не легче.

— Насчет фашизма ничего сказать не могу, — признался опер. — С немцами мой дед действительно воевал. И медаль получил — «За победу над Герма-

нией». А вот за фашизм у него никаких медалей не было.

Речь сыщика залу понравилась, и аудитория отреагировала бурными аплодисментами. Но генерал снова выразил неудовольствие. Ну, никак ему не угодишь!

— Нет, не с того конца вы жизнь начинаете! Вы, Крюков, ведете себя как какой-нибудь питекантроп или как этот... антрополог. Стыдитесь! Сейчас вот матом ругаетесь, а потом в тот же самый рот хлеб будете класть. Это нехорошо. Кстати, в субботу в нашем ведомственном клубе будет познавательная дискуссия о происхождении матерной ругани. Выступить будет профессор Святополк Жидоморов. Малокультурным советую сходить, а вам, Крюков, особенно.

Крюков согласился и до конца затянувшейся пятиминутки больше в прения с начальством не вступал. Выйдя из ленинской комнаты, он первым делом направился к дежурному.

Дежурный по управлению майор Попович когда-то считался крутым опером, но однажды променял полную романтики и опасностей должность оперуполномоченного на спокойное местечко в дежурке. Теперь он если и рисковал, то разве что обжечься горячим чаем. Попович был занят двумя делами сразу — пил чай и шастал по Интернету. Он с раздражением оторвался от экрана монитора, но, узнав Крюкова, оживился и заговорил с неистребимым белорусским акцентом:

— Ты только пасматры, что в мире дзелається! В Амерыке помер всемирно известный миллионер. Наследников найти не могут. Падазрываюць, что остались в России. И фамилия самая что ни на есть белорусская — Рабинович. От слова «рабына». Это рябина по-вашему. Ну, почему не Попович?

— От слова «попа»? Жопа по-нашему, — подсказал опер.

Дежурный хотел обидеться, но Крюков сунул ему записку.

— Кончай мечтать, Леша. Слухай мэна, сябр. Пробей-ка ты мне пацана по кличкам. Какой-то Хорст, вроде из фашистов. Что накопаешь, все сыпь — кто, откуда, чем занимается, и почему его до сих пор не убили и не посадили.

Попович проворчал что-то типа: «Дзелать мэна больше нечего». Но из Интернета выгрузился и защелкал мышью, погружаясь в дебри секретной картошки...

Крюков тем временем направился в кабинет генерала. Секретарши на месте не оказалось, и он направился прямо в начальственную дверь. Альпенгольд встретил его по обыкновению радушно.

— Почему вы, Крюков, суетесь без разрешения? Языка нет в дверь постучать?

Генерал часто выдавал подобные перлы. Опер замялся, прикидывая, с чего начать.

— Тут такое дело, палка века наклевывается, — сообщил он, наконец. — Я имею в виду взрыв во время демонстрации футбольного матча. У меня есть оперативная информация, что в бутике Анвара хранился героин. Майор Мокеев нашел его и был по этой причине убит. И к его смерти причастны члены фашистской группировки.

Генерал поднял на сыщика взгляд, полный страдания.

— Ну, скажите, Крюков, что вам все время неймется? Какие фашисты, ка-

кой героин? Вот у меня данные экспертизы! — генерал потряс бланком с печатью. — Мокеев погиб в магазине в результате несчастного случая при взрыве газового баллона. А что ему там понадобилось — это мы будем выяснять. И кое-кому может не поздоровиться. Доступно объясняю, намек ясен? Так что выплюньте из головы ваши фанатерии и идите работать.

В ходе разговора взгляд генерала постепенно из страдальческого становился все более суровым и подозрительным. Теперь он смотрел на Крюкова с нескрываемым осуждением.

— Я ведь вижу, где паршивая овца зарыта. И бросьте вы эту свою затею с поджогом Рейхстага! Тьфу, взрывом этого... бутика. Вы бы, Крюков, лучше работали, а не фокусами занимались. У вас определенно мания величия. Кроме того, это террор, тема не наша. ФСБ узнает, что мы туда полезли, сразу заберет себе все материалы. А нам, чтобы не совались, по шее дадут. Мне лично. Вы бы лучше фашистов ловили.

Генерал пощелкал кнопкой вызова секретарши. Ее по-прежнему не было. Наконец в приборе громкой связи раздался ее голос:

— Слушаю, Николай Андреевич.

— Где вы все время шляетесь?! — заорал генерал. — Я же велел не ускользать, пока я не кончу! Бумаги по Мокееву мне на стол, живо!

— Они у вас на столе. Прямо перед вами, — обиженно сообщила секретарша и отключилась.

— Да? В самом деле... — генерал надел очки и уставился на свой стол.

Он взял лежавший перед ним листок со штемпелем министерства и внимательно осмотрел, словно подозревая подделку. Потом перевел взгляд на Крюкова.

— Вот направление в Сводную общественную комиссию по предотвращению случаев экстремизма и террора. Она создана по личному распоряжению президента. Первоначально туда планировали направить Мокеева, но раз он не может, пойдете вы. Там и проявляйте свою инициативу. А пока свободны. Пока свободны, — добавил он с нажимом.

Крюков, как человек тактичный, встал и ответил соответственно:

— Пока, товарищ генерал.

И вышел. Получилось глупо, как и весь разговор в целом. А что делать, если служба такая? Так он и шел по коридору, слегка ошарашенный. Вот уж действительно — нашел работу на свою задницу!

Когда он проходил мимо комнаты дежурного, тот окликнул его:

— Эй, Крюк, я тут по твоему Хорсту информацию уже получил! Забавный паренек...

Крюков подошел к нему, взял справку и углубился в чтение.

«Дмитрий Минаев, адрес, год рождения, бывший студент МГУ. Исключен за драку. В кафе подрался с неграми. Является членом организации «Языческое братство».

— И это все? Богатая информация — с неграми подрался!

Дежурный в ответ ухмыльнулся.

— Не просто с неграми. С сержантами морской пехоты США из охраны их посольства. наших было двое, а негритосов — трое.

Крюков посмотрел на него с сочувствием. За годы сидения в дежурке бывший опер Алеша Попович совершенно утратил квалификацию.

— Леша, меня интересует не беллетристика, а результат, — вздохнул сыщик.

Дежурный в недоумении потер лоб, потом пожал плечами.

— Ах, результат?... Ну, в общем, наши победили...

— И на том спасибо. Дякую, — вздохнул Крюков, похлопал дежурного по плечу и направился в комнату оперов.

Давным-давно, в незапамятные времена, посреди поля на равном удалении от окрестных деревень вырос забор моторно-тракторной станции. По соседству возвели несколько барачков-общежитий для рабочих. Позже здесь возвели административное здание и к нему несколько жилых домов. Возникший таким образом безымянный поселок назывался «Центральной усадьбой колхоза «Дружба». В середине восьмидесятых колхоз вошел в состав агропромышленного объединения. Хозяева-машиностроители возвели клуб и два пятиэтажных корпуса. Потом началась перестройка, машиностроители махнули на свои труды и собственность рукой и забыли дорогу в подшефный колхоз.

Понемногу цивилизованный центр обстраивался частными домами, поскольку механические мастерские поселка превратились в автосервис и единственное место в районе, где можно было хоть что-то заработать. Реализовывать урожай с полей и огородов помогал местным жителям бывший председатель колхоза Герой Социалистического Труда Алихан Магомедов. Или Алик Мамедыч, как его звали колхозники. Успехи хозяйства были обусловлены не в последнюю очередь тяжелым кулаком Мамедыча, которого местные пьяницы боялись, как огня.

С приходом рыночных отношений колхоз не только не распался, но, наоборот, резко пошел в гору. Молоко, картошку и прочие продукты у крестьян скупали по вполне терпимым ценам земляки Алика Мамедыча. Не простаивала и такелажная фабрика. Сырье для нее — коноплю — выращивали здесь, а также привозили из Чуйской долины. Привозили официально, вагонами. Для охраны ценного и опасного груза Алик Мамедыч использовал опять-таки своих родственников и земляков.

Так в «Дружке» появился Анвар. Это было давно. Прошли две Кавказские войны, и едва не началась третья. Анвар сумел скупить половину центра столицы, но продолжал держать штаб-квартиру в «Дружке». На краю села возвышался его особняк-замок.

Поэтому они, местные, молились на Лайка Мамедыча Богу и, в то же время, боялись сунуть нос в «Царское село», ближний к лесу край поселка, который вдруг быстро застроился особняками Лайка Мамедыча и нагрянувших неизвестно откуда его многочисленных земляков. Дела там творились темные и страшные. Но местных жителей они не касались, и те продолжали сосуществовать с опасными соседями по принципу «моя хата с краю». Правда, несколько любопытных все же нашлось. Они исчезли, их тела потом выловили в речке километрах в пяти от «Дружки».

Сейчас Анвар принимал у себя дорогого и опасного гостя. Они сидели вдвоем в большой, устланной коврами комнате. Молчаливые, словно зомбированные, женщины, скользя, как тени, приносили и уносили тарелки с угощением. Поскольку Аллах запретил пить вино, Анвар и его гость пили водку. Ведь

насчет водки никаких указаний сверху не поступало.

Анвар впился зубами в большой кусок жирной баранины. Горячий сок потек по усам и подбородку. Анвар принялся медленно, с чувством, жевать. Изпод полуприкрытых век он внимательно рассматривал своего гостя. Имени его он не знал, только кличку — Полковник. Как и сам Анвар, тот был наполовину русским. Во всяком случае, так говорили. Говорили еще, что Полковник был агентом ГРУ. Верилось в это с трудом, но Анвар хорошо помнил один эпизод.

После нападения на Дагестан отряд Полковника окружили федеральные войска, сверху его людей поливали огнем вертолеты. Полковник позвонил кому-то по спутниковому телефону, после чего распорядился: «Будем прорываться!»

Он приказал снять с автомашин крышки капота. После этого отряд пошел на прорыв. Но пробиваться, собственно, и не потребовалось. За всю дорогу им не встретилось ни одного вооруженного федерала. Несколько раз над автоколонной зависали вертолеты, но, видимо обнаружив условный сигнал — открытые крышки капота — уходили куда-то в сторону, откуда слышались взрывы и выстрелы. Из окружения отряд Полковника вышел без потерь в людях и технике.

Лет Полковнику было немного — от силы тридцать с небольшим. Анвар спросил гостя:

— Откуда твое прозвище? Ты ведь еще молодой совсем, а уже Полковник.

Гость усмехнулся.

— Молодой, говоришь? В моем отряде я оказался самым старым. Для моих людей я не то что полковником — генералом мог быть. Да, вот они были молодыми. И погибли. Сейчас много звону идет — какие бандиты, звери, как могли в детей стрелять! В Сослане мой отряд состоял из бойцов, которые десять лет назад сами были детьми. И тогда в них, в детей, стреляли из пулеметов и танков, их дома бомбила авиация, на их глазах убивали их родителей. Их тогда не щадили, чего же теперь с них спрашивать? Их растили зверями, и они выросли зверями.

— А откуда у тебя в отряде негр взялся? — спросил Анвар.

— Ха! — воскликнул Полковник. — Я и сам сперва понять не мог — о каком негре по радио толкуют. Потом догадался — кто-то из моих ребят в пожаре обгорел дочерна. Потом, я слышал, в морге, его отмыли и поняли, что прокололись. Но позориться не стали, замяли для ясности. Ты же наши средства информации знаешь.

— Да, люди — хворост для священного огня джихада, — поддержал и развил мысль гостя Анвар.

— Но глупцов этот огонь сжигает, а мудрые возле него греются, — заметил Полковник и поднял рюмку с водкой.

Они выпили и некоторое время молча ели, обжигаясь горячим мясом. Наконец Анвар нарушил молчание.

— Тебя опять опознали в каком-то убитом парне, — сообщил он Полковнику.

Тот небрежно отмахнулся.

— Меня похоронили уже раз десять, но мой аппетит от этого не уменьшился. По количеству моих трупов я, наверно, могу претендовать на рекорд в кни-

ге Гиннеса. А как твои дела? Ты не женился, по-прежнему один?

Анвар издал печальный вздох, похожий на стон.

— Один, совсем один. Работы много, людей мало. У меня ведь две жены было! И какие жены! Обе погибли!

Полковник согласился.

— Да, мало нас. Хватало бы людей — я бы хоть каждую неделю государственный траур устраивал. Разве это власть? Смешно! Что они могут нам сделать со всеми своими атомными подлодками и ракетами? Пусть строят их побольше. Пусть создают все, что можно использовать против них самих.

Анвар отщипнул крупную виноградину и отправил в рот.

— А как ты ушел тогда из школы в Сослане?

Полковник расплылся в гордой улыбке.

— Элементарно. Переоделся в камуфляж. Федералы и милиция все очень умные: кто в черном — тот и террорист. А в камуфляже — свой.

— А камуфляж где взял? — удивился Анвар. — Неужели с собой принес?

— Смеешься? Меня бы мои люди убили, если бы случайно нашли. Камуфляж я снял с местного мента, который оказался в заложниках. А на него свой черный комбез напялил.

— На мертвого? — уточнил Анвар.

— Зачем? На мертвого надевать трудно. Пока надевал, он живой был, потом выстрелил в него. Правда, ранил только. Сначала хотел добить, но передумал. Его, в мой клифт одетого, наверняка спецназовцы или местные замочили. Шутка такая. А меня на «скорой» в больницу вывезли. С ветерком и почетом прокатился. Заодно больницу посмотрел. В следующий раз пригодится. Они же теперь школы охранять начнут, а мы опять по больнице ударим. Как в Буденновске. В больницах-то нас уже не ждут.

Анвар задумался.

— Думаешь, теперь тебя никто не опознает?

— На дело я всегда хожу в маске. А кто меня в лицо видел, того на свете нет...

Алан Асаев вышел из поезда «Минеральные Воды — Москва» рано утром.

Двое патрульных в мятой форме тормознули его практически сразу, не дав отойти от поезда. И тут же отпустили. Помогло место прописки — город Сослан. Прочитав, милиционер вернул Алану его паспорт и козырнул. Спросил только.

— С какой целью приехали в Москву?

«С целью осуществления кровной мести», — подумал Алан, но вслух сказал:

— Я жертва теракта. Приехал на лечение.

Он уже слышал, что говорил президент в своем выступлении о недопустимости мести и самосуда. Призывал действовать только в рамках закона. По сути, мстители в его выступлении приравнивались к бандитам. А он решил мстить.

Алан президента не боялся. После трехдневного пребывания в заложниках он вообще никого и ничего не боялся. И желал одного — отомстить. Ждать, что это сделает государство, было просто смешно.

Еще недавно Алан работал опером уголовного розыска. Он заходил в злощастную школу № 1, когда бригада ингушей-шабашников делала там ремонт.

Алан проверил у них документы — они оказались в порядке — и запомнил всех поименно. Он просил директрису присматривать за рабочими и соблюдать осторожность, но для той существовал лишь один аргумент: ремонтники дешево запросили. Обвинять ее Алан не мог. Школа едва сводила концы с концами.

Алан рос в интеллигентной семье и в детстве любил читать книжки. «Бойся данайцев, дары приносящих», — вспомнились ему тогда строки Вергилия.

Дарами данайцев оказались взрывчатка и оружие, которые ремонтники спрятали в подвале школы. С данайцев Алан и начал, едва выписался из больницы. Он выследил их и убил. В милицию он уже не вернулся — здоровье не позволяло. Табельный пистолет пришлось сдать, но его это не беспокоило. Этого добра, слава богу, в республике хватало, хотя власти предлагали деньги за сдачу оружия.

Однажды несколько простачков им поверили. И умылись кровью.

А теперь президент пугал Алана, что сделает с ним то же самое, что с захваченными террористами. Алан не отказался бы посмотреть — что именно с ними собираются сделать. Только вот не было их — захваченных террористов. А когда власть не может справиться с бандитами, ей остается лишь отыгрываться на мирных законопослушных гражданах, журналистах и правозащитниках...

Алан хорошо знал, что его ждет, если его поймают, но не боялся. Бандитов он ненавидел, власть презирал.

Прямо с вокзала он поехал на квартиру друзей. Молодые супруги, оба работали врачами... Они не обрадовались появлению Аслана, смущенно извинились и попросили его не задерживаться у них. Им было стыдно отказывать ему в крове, но страх оказался сильнее. Алану дали ключи от снятой для него квартиры и деньги на первое время. Ключи он взял, но от денег отказался.

Квартира оказалась однокомнатной, обставленной просто, но в ней имелось все необходимое: холодильник, телевизор, видекамера. Правда, телефона не было, но он Алану и не требовался. Приехав, он первым делом принял ванну. Лежа в горячей воде, Алан вспоминал недавние события.

Его захватили прямо перед школой в первые минуты нападения. Он едва успел выхватить пистолет, как был ранен и потерял сознание. Очнулся в учительской, связанным. Его держали отдельно от остальных заложников-мужчин, сидевших в коридоре, есть и пить не давали. Когда раздались взрывы, началась стрельба, и спецназ пошла на штурм, главарь бандитов пришел к пленнику, развязал, и тот впервые увидел его лицо без маски. Бандит под дулом пистолета заставил Алана снять камуфляжный костюм и облачиться в его черный комбинезон. После этого выстрелил ему в спину. Алан потерял сознание, но лицо главаря навсегда осталось в его памяти.

Если бы в учительскую, где Алан лежал без сознания, первыми ворвались федералы, они бы убили его, приняв за боевика. Но его нашли свои, милиционеры из городского ОВД и ополченцы. К счастью, он лежал лицом вверх, иначе и они могли бы выстрелить на всякий случай.

Алана доставили в больницу, где он довольно быстро пошел на поправку. Выписавшись, он поставил перед собой одну цель — отомстить. И отныне главной его мишенью стал главарь бандитов по кличке Полковник. Кроме

Алана, найти его не мог никто, потому что лишь он знал его в лицо. Фантастически сложная задача, но он был уверен, что убьет Полковника, даже если придется погибнуть самому...

Согласно штатному расписанию опер Крюков трудился в отделе оперативной разработки. Руководил отделом полковник Галкин. Величали полковника Александром Израилевичем, но в милиции сотрудникам с такими установочными данными приходится сталкиваться с трудностями. То есть, пока сотрудник молодой, его окликают исключительно по фамилии или прозвищу. В данном случае — Галкиндом.

Со временем Галкин достиг такого уровня профессионализма, что стал незаменим, сделал карьеру, и у него появились подчиненные, вынужденные обращаться к нему по имени-отчеству. А это вызывало трудности с точки зрения удобопроизношения. Пришедший тогда в отдел молодой Крюков нашел выход из этой ситуации, и с его легкой руки Александра Израилевича перекрестили для языковой экономии в Сан Ильича. Дошло до того, что некоторые в управлении пребывали в полной уверенности, что Галкина именно так и зовут. Галкин не остался в долгу. Учитывая, что имя Крюкова мог выговорить без подготовки далеко не каждый носитель русского языка, он стал звать опера Пал Палычем. И это прижилось.

Галкин частенько приглашал Крюкова в свой кабинет, якобы для разноса. На самом деле они пили кофе, играли в шахматы и проводили рабочее время в приятной беседе. Вот как, например, сейчас. И повод был — командировка Крюкова в состав Сводной общественной комиссии по экстремизму и терроризму, сокращенно СОКЭТ.

В кабинете полковника Галкина пахло кофе и валерьянкой. И от того, какой из запахов преобладал, становилось ясно — побывал ли уже полковник на вливании у генерала или только еще туда собирается.

Утреннее вливание уже состоялось, посему кабинет наполняли ароматы кофе. На столе kloкотала кофеварка. Разговор начальника с подчиненным носил исключительно академический характер.

— А знаете, Пал Палыч, — говорил полковник, прихлебывая кофе из маленькой чашки, — в Индонезии живет такой зверек, который питается кофейными ягодами. Поедает он их целиком. Кофейное зернышко в его желудке не переваривается и выходит с пометом. Так вот, местные жители собирают эти зернышки, сушат и продают. Этот сорт кофе в мире считается самым редким и дорогим.

Крюков подозрительно посмотрел на свою чашку.

— Собирают и сушат, говорите? А помыть эти зернышки они не пробовали? Полковник Галкин рассмеялся.

— Не волнуйтесь, Пал Палыч. Такой кофе стоит не одну тысячу долларов. Мы с вами пьем йеменский «иргачиф». Тоже неплохой сорт. Настоящая арабика. Выращивается в лучших мавританских традициях.

Крюков восторженно, будто вспомнил что-то важное.

— Кстати, о маврах, — пробормотал он. — Мавры — это ведь арабы, а где арабы, там и евреи. Сан Ильич, вы что-нибудь слышали о профессоре Жидоморове?

Полковник Галкин о Жидоморове слышал. Тот никаким профессором, соб-

ственно, не был. Звание присвоил себе сам от имени несуществующей Академии общественно-патриотических наук.

— Жидоморов — странная фамилия. Слишком уж одиозная. Наверняка ненастоящая, и он ее сам придумал, — высказал предположение Крюков.

— Вы, Пал Палыч, правы, но только отчасти. Фамилия это, конечно, не его. Но она настоящая. Слово «жидомор» к национальному вопросу никакого отношения не имеет. Оно даже у Даля в словаре имеется. На Руси в старину жидоморами называли жадных людей, которые морят голодом своих близких и холопов. И фамилия, от него производная, иногда встречается. Наш профессор нашел где-то женщину с такой фамилией, чуть ли не бомжиху запойную, привез в Москву и женился на ней. Якобы из любви к истории Отечества.

— А потом развелся?

— Опять не угадали, Пал Палыч, — усмехнулся Галкин. — Со своей супругой герой наш поступил проще и подлее. Убил он ее. Но доказать этого не смогли. Потом он основал так называемое «Языческое братство». По сути — фашистская организация на базе неоязыческих культов. Позже в нее влились остатки разгромленной «Фаланги 88». Враждуют со всем миром, а особенно — с национал-христианами Михаила Архангельского и «Интербригадой Че».

Крюков почесал в затылке.

«Языческое братство» — это же тот самый пионерский кружок, в котором состоит Дмитрий Минаев по кличке Хорст. Интересный тип этот профессор Святополк Жидоморов, и паренек этот, Хорст, тоже интересный», — констатировал опер.

Некоторое время они дегустировали напиток, священнодействуя, как два жреца культа кофе. Наконец Крюков собрался уходить. Сан Ильич тоже поднялся из-за стола, но вдруг наклонился к сыщику и сказал очень тихо:

— Ты, Пал Палыч, в этой комиссии держи ухо востро. Она хоть и общественная, но я подозреваю, что общественность туда на пушечный выстрел не подпустят. И те гражданские, которых ты там встретишь, просто погоны свои на время в шкаф убрали. Для отвода глаз. Так что будь осторожен. Не нравится мне эта комиссия. Я и Виктора предупредить хотел, да не успел.

Крюков вышел от начальника и задумался. Из всего запутанного клубка вопросов наружу торчал лишь маленький кончик. И назывался этот кончик — Дима Минаев по кличке Хорст.

Спортзал размещался в большом просторном ангаре, но назывался он по-старому — Подвалом, поскольку все, кто здесь тренировался, вышли именно оттуда, из подвалов-качалок.

Тяжелый восьмидесятикилограммовый боксерский мешок, подвешенный к потолочной балке, ходил ходуном под ударами Хорста. Последнюю серию он выдал на полный износ. Несколько ударов в максимальном темпе, затем секундный перерыв, потом еще серия из пяти-шести ударов в полную силу. Следом снова секундный отдых. И так до изнеможения.

Пот слепил глаза. Хорст сбросил с рук шингарты — снарядные перчатки — и вытер лицо подолом майки. Он окинул взглядом зал. Народу собралось мало. Ваня с Таней в углу отрабатывали в паре технику «липких рук» и «липких ног». Игнат привел какого-то толстяка и тянул его поработать в спарринге. Толстяк был брит наголо и одет в камуфляжные штаны и черную майку со

свастикой. Похоже, из скинов, но Хорст его не помнил. Может, из пополнения?

Хорст направился к тренажерам. На скамейке гонял штангу в жиме лежа немолодой человек. Немолодой — мягко сказано. На вид никак не меньше шестидесяти лет. В Подвале все звали его дядей Федором и слушались беспрекословно.

Телосложением дядя Федор напоминал античную статую Геракла. Кто он и откуда, никто толком не знал. Ходили слухи, что из вояк, отставник. Вроде даже бывший десантник или спецназовец.

— Устал мешок долбить? — спросил дядя Федор, с грохотом опустив штангу на рогульки стоек.

— Как выючная индейская собака, — признался Хорст.

— Тогда самое время мышцу подкачать.

Дядя Федор знал, что говорит. Хорст, да и другие ребята, которые занимались в Подвале, тренировались по его методике.

«Сначала тренируй резкость, это сила плюс скорость, — учил дядя Федор. — Потом берись за выносливость. Чувствуешь, что совсем выдохся — начинай работать над техникой. Усталое тело само ищет оптимальную траекторию для удара или блока, ничего лишнего не допускает. А после этого, когда мышцы просто ноют от усталости, приступай к атлетической части. Ведь что в атлетизме главное? Последние повторения, те, что делаются через не могу. А все, что до этого — только предварительная часть. Так лучше утомить мышцы сложной, квалифицированной отработкой скорости, выносливости и техники, чем тупо гонять туда-сюда одну гантель. Когда вся полезная работа проведена, можно и немного косметики добавить. Бицепсы-трицепсы, дельту и прочий камуфляж. Для настоящего, смертельного боя это, конечно, лишнее. Но для гражданских тьюфяков-пижонов вполне сойдет. На пляже перед телками выделяться».

Хорст взялся за штангу и принялся накачивать бицепсы. Сгибая руки со штангой в локтях, Хорст тянул ее не к плечам, а ко лбу, как учил Арнольд Шварценеггер. Он считал повторения, шевеля губами на выдохе. Дядя Федор это заметил.

— Никогда не считай, сколько повторений или сколько подходов ты сделал. Работай до полного изнеможения и еще через не могу хотя бы три раза.

За бицепсами наступил черед трицепсов. Для этих мышц — разгибателей руки — Хорст предпочитал выполнять «французский жим». Подняв штангу над головой узким нижним хватом, он опускал ее за спину, сгибая руки в локтях. После третьего подхода внимание Хорста привлек шум в противоположном конце зала. Там, в углу, покрытом зелеными прямоугольниками татами, проводили спарринги любители рукопашного боя.

В центре внимания оказался бритоголовый толстяк, которого привел Игнат. Он ходил по залу босиком, и Хорсту до отвращения не понравились его грязные пятки.

Когда Хорст посмотрел в его сторону, толстяк как раз удачно вмазал Ване. У того из носа брызнула кровь. Толстяк победно поднял руки.

— Кто следующий? — спросил он с вызовом.

Ответа не последовало. В это время — между утренней и вечерней тренировок — зал всегда пустовал. Несколько человек занимались каждый сво-

им делом. Толстяк позвал Игната.

— Давай с тобой помашемся.

Тот уже неохотно вышел на татами.

— Ты, Дыня, слишком грубо работаешь, — сказал Игнат.

Хорст заметил, что толстяк и в самом деле походил на дыню.

— На войне как на войне! — с гордостью ответил он и обрушился на Игната.

Дыня был одного роста с Игнатом, но значительно превосходил его весом. А реакция для такой комплекции у толстяка оказалась просто превосходная.

Игнат едва успевал защищаться от обрушившегося на него града ударов. Наконец он не выдержал темпа, пропустил боковой в ухо, потом удар ногой в печень. Игнат сначала согнулся, а потом и просто улегся на ковер. Дыня прохаживался по татами, тяжело переводя дух.

— Ну что, больше желающих нет? — вымолвил он, с трудом восстановив дыхание.

Хорст оставил штангу и направился к торжествующему победителю.

— Откуда ты, придурок? — спросил он во всеуслышание.

Толстяк посмотрел на него с недоумением. Он уже решил, что стал тут самым главным. Не дожидаясь ответа, Хорст подошел и звонко хлопнул Дыню по животу.

— Ну что, толстопузый, подвигаемся?

Тот среагировал на обиду молниеносно. Перед носом Хорста мелькнула черная подошва стопы. Растяжка у Дыни тоже оказалась на уровне. Хорст резко подсел под слоновью конечность противника и врубил ему обратную вертушку, подбив опорную ногу. Это было непросто. Все равно, что опрокинуть ударом ноги колонну Большого театра.

Дыня рухнул на татами, и весь зал содрогнулся от сейсмической волны. Упав, толстяк тут же снова оказался на ногах и нанес Хорсту сокрушительный удар пяткой. От злости бил он со всей силой, на которую был способен. Если бы попал, Хорста пришлось бы хоронить в закрытом гробу. Но он ушел в сторону, и нога промчалась мимо, рассекая воздух, как магистральный электро-воз. Кто стоял на платформе, когда мимо пролетает скорый поезд, хорошо помнит это ощущение воздушного толчка.

Хорст не удержался от соблазна и нанес по проезжающей мимо него ноге короткий удар. В колено бить не стал, пожалел. Врезал в кость, покрытую толстым слоем мяса и жира, именуемую в народе окороком. Но и этого оказалось достаточно. В ноге что-то хрустнуло и отозвалось в недрах Дыниной туши утробным жалобным всхлипом. Гигант снова обрушился на ковер, заставив содрогнуться пол, стены зала и массивные тренировочные снаряды.

Хорст разглядывал поверженного стонущего противника, когда услышал за спиной насмешливый голос:

— Тако посрамил Мстислав Удалой злого Редедю пред полки касожския.

Хорст быстро обернулся. Рядом с дядей Федором стоял молодой мужчина лет тридцати. В куртке из черной кожи, но не такой дубовой, как пальто Хорста, а тонкой и мягкой. Звали парня Вадимом. Он изредка появлялся в Подвале и общался только с дядей Федором. О чем они говорили, никто не знал. Вадим производил впечатление аристократа преступного мира. Иногда он подвозил дядю Федора на своем навороченном джипе. Что объединяло столь раз-

ных людей, можно было лишь догадываться.

Под мышкой Вадим держал свернутую в длинный рулон и перехваченную шпагатом велюровую скатерть. Из свертка торчали предметы, в оценке которых Хорст ошибиться не мог. Это были рукоятки мечей. Один японский — катана. Другой прямой, европейский, норманнский, с массивным яблоком на конце рукоятки.

Вадим поправил темные очки в тонкой оправе, с которыми никогда не расставался даже в темноте, и повернулся к дяде Федору.

— Федор Иванович, время.

Тот кивнул головой.

— Да, конечно, я уже готов. — И засобирился на выход.

Хорст равнодушно посмотрел на стонущего Дыню, махнул товарищам и пошел в душ.

Хорст вышел из зала и направился домой. Чтобы сократить дорогу, он выбрал короткий путь через пустырь. Прохожих здесь почти не встречалось. Чужие о проходе не знали, а свои как раз слишком хорошо знали, что тут можно нарваться на неприятности.

Эту тройку Хорст увидел издалека. Он сразу догадался, кто они, и по чью душу вышли покурить к помойке. Неделю назад он поймал возле метро негра, который торговал героином. Дал в зубы так, что щеки, упакованные в шарики из фольги, которые тот прятал за щекой, полетели, как брызги серебряного дождя...

На следующий день там же, возле метро, на Хорста напали. Кроме афроссиянина (или афромосквича, как их там называть, чтобы не обиделись?) в группе нападающих были еще трое славян. В широченных штанах-трубах и куртках-размахайках. Волосы у пацанов были заплетены в дурацкие войлочные косы. Крутости — немерено, но бойцами оказались никакими.

Они набросились неожиданно, всей кучей сразу, что и спасло Хорста в первый момент. Нападавшие столкнулись и смешались, подарив ему драгоценную секунду — он перехватил инициативу. А дальше жертва вдруг превратилась в охотника. Негр получил свою дозу первым и надолго затих под мусорными баками. Следом получили гостинцы двое бледнолицых. Хорст наградил каждого серией сокрушительных ударов. Один, не выдержав, ударился в бегство. Другой не побежал, потому что не смог. Он уполз на карачках, получив от Хорста прощальный пинок в мягкие ткани.

Последний противник слегка струхнул при виде такого избиения младенцев, но меры принял неадекватные. Он выхватил из кармана складной нож-бабочку и ловко, как ему показалось, закрутил ею в воздухе восьмерку. Его внимание сосредоточилось не на противнике, а на собственной ловкой руке.

Хорст подбил вооруженную руку ударом мыска, по-футбольному. Нож-бабочка выпорхнул из ладони и улетел напрямиком в мусорный бак. Следующим футбольным ударом Хорст размозжил ловкачу запястье, дабы отбить у него охоту играть с оружием...

И вот новая засада. Неужели их только трое или остальные прячутся в резерве? Эта тройка на вид выглядела покруче, чем нахальные реперы у метро. На морду лица — типичные кавказцы. «Неужели негритос чеченов подпи-

сал? — подумал Дмитрий. — Или он толкал принадлежавший им товар? Очень может быть!»

Рядом на дороге, проходившей возле пустыря, Хорст заметил приткнувшийся черный бумер. В машине могло находиться подкрепление. Не исключено, что у джигитов имеются и стволы.

Хорст физически ощутил холодную волну смертельной опасности, исходящую от тройки. Да, это тебе не репер с ножичком и не толстый хулиган Дыня. Эти наповал бить будут. Еще не поздно повернуться и убежать, но Хорста почему-то вдруг обуяло ослиное упрямство. Он продолжал покорно топтать в гибельном для себя направлении.

От тройки отделился один из джигитов и двинулся навстречу Хорсту. Почему только один? Джигит что-то крикнул Хорсту, но тот не расслышал. Да и не вслушивался особо. Что этот тип мог ему кричать? Гадости и оскорбления, другого от них не дождешься.

Джигит полез за пояс. Хорст находился уже достаточно близко к нему, чтобы разглядеть черную рукоятку пистолета.

«Кердык мне...» — мысленно сказал себе Хорст.

Против пистолета в умелых руках, да еще как минимум при двух помощниках, ему не выстоять. А все потому, что Хорст испытывал неприязнь к огнестрельному оружию и совершенствовался в мастерстве рукопашного боя. Он стал в этом деле специалистом, а специалист подобен флюсу, полнота его, как сказал Козьма Прутков, односторонняя. Вот где кроется ошибка. Жаль, что судьба не дает ему шанса эту ошибку исправить.

В конце прохода за спинами джигитов появился черный силуэт. К Хорсту и тройке убийц шел какой-то мужик. Вот попал! Вряд ли его оставят в живых. Случайные свидетели никому не нужны.

Хорст вдруг удивился, что в такой ситуации может думать не о себе, а о ком-то другом. Мужик был странный. Спортивного вида, в мягкой кожаной куртке, джинсах и ослепительно белых кроссовках. На вид — учитель физкультуры, выигравший в карты стопку долларов. Двое джигитов тут же рванулись к нему, на ходу доставая пистолеты. Тот, который направлялся к Хорсту, тоже обернулся в направлении пришельца.

Поведение бандитов показалось Хорсту странным, но удивиться он не успел. Разбогатевший физрук вдруг с быстротой молнии выхватил из-под черной куртки короткий обрез двуствольного охотничьего ружья. Жерла стволов показались Хорсту пугающе огромными. Обрез изрыгнул пламя. Два выстрела практически слились в один. Двух джигитов буквально отбросило на груды сваленного у стены ржавого железа.

Третий — тот, что находился ближе к Хорсту — вскинул руку с пистолетом. Незнакомец не успевал перезарядить свою карманную артиллерию. Но Хорст в прыжке достал абрека ударом ноги в затылок. Тот не сразу упал, а попытался развернуться. Тут к нему подскочил физрук. Абрек выпустил из правой руки пистолет, но тотчас выхватил закрепленный на предплечье кавказский кинжал. Острие рассекло воздух в миллиметре от глаза Хорста.

Физрук перехватил вооруженную руку, ударом колена в пах заставил на секунду отключиться нападавшего и вогнал ему в живот кинжал его же собственной рукой. Потом, наклонившись к тяжело раненному бандиту, вежливо попросил:

— Если выкарабкаешься, передай от меня привет Ибрагиму. Меня зовут Крюк, — и уточнил: — Опер Крюк.

Потом он ощупал карманы убитых и раненых бандитов. У одного из них был мобильник, и опер бросил его недорезанному джигиту.

— Держи, вызовешь себе «скорую».

Тот со стоном сжал телефон окровавленной рукой и принялся набирать номер, но потерял сознание.

Опер с интересом изучил трофейные документы. Прописка — поселок «Дружба» Битцевского района Московской области. Место работы — АО «Дружба». Должность — охранник. Документы двух других сделаны как под копирку.

Хорст молча наблюдал за манипуляциями своего спасителя. Впрочем, он тоже спас ему жизнь. Как тот назвал себя? Опер Крюк. Жалко, что мент, вроде ничего мужик. Ментов Хорст не переваривал.

— Хорст, — он протянул руку своему спасителю.

Опер крепко пожал ее. Хорсту показалось, что Крюк рассматривает его слишком внимательно, будто старается запомнить, или, наоборот, вспоминает, где он его видел. Но одновременно Хорст почувствовал, что между ними установилась незримая связь. Никакие обещания и клятвы дружбы до гроба не требовались. И так ясно, что на этого человека Хорст теперь может рассчитывать в любой ситуации. На чем они и расстались. На прощанье опер бросил Хорсту:

— Тебя здесь не было. На всякий случай найди себе алиби на сегодня. И запомни время. Сейчас ты должен находиться на противоположном конце города.

Хорст шел домой и никак не мог сообразить, на кого же все-таки устраивали засаду? На него или на этого опера Крюкова?

Хорст открыл дверь и вошел в свою квартиру. Родители были дома. Из кухни доносился шум, там мать готовила обед. Отец, как всегда, валялся на диване и смотрел телевизор. Его снова выперли с работы, что не особенно его расстроило. В этой жизни его интересовала только политика.

Мать приносила домой из супермаркета, где работала фасовщицей, полные сумки продуктов. Часть продавала, потому что всего не удавалось съесть. Холодильник ломился от икры, лососины, копченой колбасы и прочих деликатесов. В баре громоздилась батарея бутылок коньяка, медовой горилки, итальянского и французского вина.

Хорст прошел в свою комнату. Дома он был просто Митей. Здесь он мог расслабиться. Здесь находились его книги, его компьютер, его лазерные диски и видеокассеты. Говорят, Пушкин перед смертью с книгами прощался, как с самыми близкими друзьями. Пожалуй, у Дмитрия Минаева ближе книг тоже не нашлось друзей. Множество переплетов размешалось вдоль стен на стеллажах.

Здесь же на полке стоял музыкальный центр, а под полкой — ящик с лазерными дисками и видеокассетами. И никакой роскоши. Вместо кровати над полом возвышался на четырех кирпичках толстый пружинный матрас-сексодром. В углу наклонная скамейка, посреди комнаты свешивался с крюка для люстры боксерский мешок.

Дмитрий включил музыку. Вкус у него был классический, изысканный. Современной попсе и тяжелому року предпочитал он старый добрый «Лед Зепелин». Слушая «Моби Дик», он разделся и прошел в душ.

Под струями воды хорошо думалось, а подумать было о чем. В голову лезли тревожные мысли. Он чувствовал, что атмосфера вокруг него становится все более напряженной. С ним и окружающими происходили странные вещи, в помещении «Языческого союза» крутились странные люди. Непонятно вел себя Игнат, да и Шварц неприятно удивил. К тому же куда-то пропал лучший друг — Витас.

Хорошо, что он не одинок. Есть товарищи — Ванька, Татьяна, тот же Шварц. Есть наставник, гуру — профессор Святополк Жидоморов. Они не предадут. Да и вообще, как говорит Шварц — в куче не замерзнешь. Он вдруг ощутил сильный озноб и прибавил горячей воды. Постепенно довел ее температуру до максимума. Когда почувствовал, что уже сварился до полной готовности, врубил холодную. И так — от горячей до ледяной — несколько раз.

После душа он обнаружил, что усталость ушла... Он вернулся в свою комнату, растянулся на своем широком матрасе и погрузился в свои мысли. Такая уж у него была привычка: перед сном обдумывать прошедший день...

Когда он стал скином? Давно. И не стеснялся в этом признаваться. Он терпеть не мог ханжеского словоблудия и считал, что само слово «фашизм» ничем не хуже понятий «коммунизм» или «социализм». И означает примерно то же самое — быть частицей одного сообщества, группы, пучка, и подчинять личные интересы общим. Недаром фашистская партия Германии называлась национал-социалистической и рабочей.

В раннем детстве он слышал сказку про старика, который заставлял своих сыновей ломать веник то целиком, то по отдельному прутику. И делал вывод — один человек слаб, в группе — сила. В школе учили тому же, только не могли объяснить — чем объединение по классовому принципу лучше принципа национального? Ему всегда было легче идентифицироваться с группой, чем с самим собой.

В семье Дмитрия национальным вопросом не интересовались. В школе тоже. Димка с первого класса учился с Вовкой Фридманом из соседнего подъезда. Кличку тому смешную дали для еврея — Фриц. Но тогда это никому не приходило в голову. Димка ни разу не слышал, чтобы Фрица кто-то назвал жидом. Да и за что? В их дворовой компании слово «жид» означало жадина, а Фриц был нормальным пацаном, своим в доску.

Однажды в гости к родителям Дмитрия зашел то ли родственник, то ли друг. Звали его Николаем Петровичем, работал он инженером на каком-то секретном заводе. За столом Николай Петрович пил мало, зато рассказывал очень интересные вещи. Они шли вразрез с теми сведениями, которые излагались в школьных учебниках.

От Николая Петровича Дима услышал впервые о «Протоколах сионских мудрецов», о губительной роли евреев в русской революции. Николай Петрович рассказал и о том, что идею концлагерей большевики позаимствовали у англичан, которые первыми опробовали ее на бурах в Южной Африке. Но большевики, среди которых было много евреев, применили эту технологию для массового уничтожения своих противников. От него же Митя узнал, что великий Сталин ценой огромных жертв прекратил это великое еврейское на-

ступление на Россию.

Отец Дмитрия, Павел Федорович, только посмеивался над горячностью гостя. Он доказывал, что «Протоколы» — фальшивка, подготовленная антисемитами для дискредитации сионистского движения, а большевики-евреи, наряду с преступлениями, сделали немало полезного. Например, создали под руководством Троцкого непобедимую Красную армию, первоклассную разведку, а позже — советскую атомную бомбу. Да и сам Советский Союз не стал бы тем, чем он стал — великой державой — без евреев... Разве большевики уничтожали только русских? Все народы кругом стонали... Классовая война, батенька!

Но отец раздражал Дмитрия своей бесхребетностью, и мнение предка для него мало что значило. Точнее, не значило ничего. Поэтому он без колебаний перешел на сторону Николая Петровича...

А потом Николая Петровича убили. Кто-то забил его насмерть обрезком ржавой трубы в скверике прямо возле собственного дома. Кто — так и осталось неизвестным. На похоронах Николая Петровича Дима познакомился с профессором реальной истории, как он сам представился, Святополком Жидоморовым. Тот пригласил Диму в свою группу изучения подлинной, нефальсифицированной истории родины. Занималась группа в маленьком зале при ДЭ-Зе, но народу на лекции приходило много, стульев не хватало.

Сначала Диму смешила фамилия профессора, но потом он к ней привык. На лекциях профессор рассказывал много интересного. Особенно любопытно звучала история Киевской Руси и хазарского ига в его интерпретации.

По Жидоморову выходило, что Киев при первых князьях Рюриковичах, Олеге, Игоре, святой княгине Ольге — был пограничным хазарским городом, и вся тогдашняя Русь платила воинственным соседям дань.

Хазары в свое время приняли иудаизм, сделав его государственной религией, и призвали еврейских учителей на свою землю. И только князь Святослав, сокрушив их империю-каганат, сделал Киев столицей своего княжества. Но, утратив независимость, хазары не утратили своего влияния. Выходило, что с тех пор евреи на протяжении всей истории влияли на русскую политику и русскую жизнь.

А как профессор Жидоморов рассказывал о крещении Руси! Сперва слушаешься, а потом призадуматься... И здесь он нашел еврейский след! Ведь первые христиане вкупе с Христом были представителями богоизбранного народа. А позже их потомки навязали свою религию римлянам, грекам, славянам, германцам...

Зато к немцам профессор относился с особым почтением. Он целиком разделял норманнскую теорию о германском изводе князей Рюрика дома. Он соглашался и с Карлом Марксом относительно того, что Новгород и Киев — лишь промежуточные стоянки викингов на пути к Константинополю.

Великую Отечественную войну профессор считал недоразумением. Советский Союз вместе с Гитлером должен был сокрушить страны западной демократии и стать мировым гегемоном. «Гитлер напал на Советский Союз только для того, чтобы освободить русский народ от тех же евреев-комиссаров!» — доказывал профессор с пеной у рта, хотя никто с ним не спорил.

Однажды после лекции несколько идеологических противников подстерегли Жидоморова и попытались опровергнуть его аргументы с помощью кула-

ков. Дмитрий стал на защиту наставника. Его поддержали двое крепких бритоголовых парней, и профессора спасли.

Дмитрий познакомился с пришедшими на помощь союзниками. Один из них, по кличке Шварц, руководил боевой бригадой «Шварц♦88». Второй, Витас, был членом этой организации. Так Дмитрий Минаев впервые встретился с настоящими фашистами. Он вступил в их организацию и получил кличку Хорст.

От новых друзей Дмитрий узнал, что Хорст Вессель слыл крутым пацаном в тридцатые годы двадцатого века. Он был фашистом, и его убил бандит и сутенер по имени Али. Имя наталкивало на размышления. После смерти Хорста песня о нем стала гимном молодежи.

Сначала бригада Шварца входила в состав более крупного формирования, именуемого «Фалангой♦88». После ряда дерзких выступлений власти разгромили «Фалангу», ее руководители оказались в тюрьме. Шварцу удалось собрать тех, кто остался, и привести соратников к Жидоморову. Тот проповедовал национал-язычество и идеи арийского превосходства, что прекрасно сочеталось с постулатами «Фаланги». Так Дмитрий оказался в рядах «Языческого братства», а сдвоенные молнии стали общим символом.

Единственным камнем преткновения для «фалангистов» и «язычников» оставался пресловутый еврейский вопрос. Жидоморов был ярым антисемитом и первостепенной задачей считал искоренение «власти жидомасонов». Все остальное его не интересовало.

Шварцу такая постановка вопроса казалась неумной и ограниченной, а проблема — надуманной. Он ставил во главу угла борьбу с «черными» — неграми, арабами и представителями монголоидной расы. В этом раскладе евреи могли при определенных обстоятельствах перейти в разряд союзников, хотя бы на время.

Со Шварцем у Дмитрия наладились хорошие отношения, но настоящим другом стал для него Витас. Они вместе ходили на тренировки, вместе поступили в Московский университет на истфак. И вместе были отчислены за драку.

Это случилось прошлой весной. Дмитрий с Витасом сидели в кафе, когда туда вошли трое веселых, широко улыбающихся негров. Казалось, ничто и никто не в силах испортить им настроение. Они стали снимать девчонок, очевидно, приняв студенток за проституток. Те сначала пытались объяснить им ошибку, а потом просто послали по матери. Один из приставал грубо схватил девушку за руку, потащил к своему столу. Та закричала, стала звать на помощь. Дима подскочил к грубияну и вырубил его одним ударом. Тот картинно отлетел назад, будто в сцене драки в салуне из голливудского вестерна. Друзья негра пришли ему на помощь, но Витас подключился к контракте, и соединенными усилиями ему и Дмитрию удалось поставить агрессоров на место. А точнее, положить на место.

Негры оказались сержантами морской пехоты из охраны американского посольства. Шум поднялся невероятный. Дмитрия с Витасом едва не посадили, но Жидоморов задействовал свои связи в Думе и отмазал единомышленников.

И вот теперь Витас куда-то пропал...

— Митя, иди обедать! — позвала мама.

Семья Минаевых была невелика — отец, мама и Дмитрий, но за одним столом собиралась редко. Каждый из членов семьи жил своей жизнью. Вот и теперь отец уселся за стол, отгородившись от жены и сына газетой.

— Положи газету, — велела мама, наливая суп в тарелку.

Она говорила тоном учителя начальной школы. Так произносят обычно фразы типа: «А теперь, дети, положите ручки и откройте учебники на странице восемьсот тридцать пятой». Собственно, она когда-то и была школьной учительницей. Преподавала математику. Теперь ее знания пригодились в иной сфере.

Отец не прореагировал. Похоже, за годы совместной жизни он вообще перестал слышать свою супругу. Он сложил газету, но тут же развернул ее снова на другой странице.

— Нет, ну ты только погляди! Что хотят, то и делают! — завопил он вдруг.

Хорст решил, что отец ошпарился горячим супом. Но дело оказалось куда более серьезным.

— Все возвращается на свои круги! — взволнованно сообщал отец из-за газетного разворота. — Они снова строят однопартийную систему! Вот они — новые старые гимны, красные флаги! Нас снова хотят загнать в стойло!

— Кто не захочет, того не загонят, — твердо возразил Хорст.

Отец выглянул, наконец, из-за газеты. Он презрительно рассмеялся и посмотрел на маму, как бы приглашая ее в свидетели. И обратился к ней:

— Нет, ты только послушай, что они говорят!

«Они» — в данном случае означало молодое поколение, рупором которого выступал непутевый и бестолковый отпрыск почтенной семьи Минаевых Дима. Отец между тем продолжал. Он отточил ораторское мастерство в длительных дискуссиях с телевизором и обрадовался, что может теперь выступить хотя бы перед столь небольшой аудиторией.

— Они думают, что кроме них других умных нет. Что до них люди жили в пещерах и не владели их паршивой идеологией, рассчитанной на неоперившихся птенцов. Они просто не знают, что система делает с такими крутыми парнями. А их просто уничтожают вышестоящие. И на их примере воспитывают остальных. И тогда тех, кто остался, уже не надо гнать в стойло, они бегут туда сами, наперегонки. Потому что отстающие — кандидаты на очередное уничтожение. А мы все это уже проходили. И пустые полки в магазинах!

Хорст не выдержал. Не так давно отец в очередной раз потерял работу из-за длинного языка. Теперь он целыми днями валялся на диване и до хрипоты спорил сам с собой. Тема для дискуссии всегда одна — раньше, при советах, ничего не было, потом все появилось, но скоро опять ничего не будет. Потому что такое правительство.

Хорст отложил ложку и отодвинул от себя тарелку с супом.

— Да ладно, слышал уже! — раздраженно воскликнул он. — Предел мечтаний — банка шпрот к празднику, шампанское под Новый год по карточкам, батон колбасы на Первое мая! Туфта это, батя. Не в шпротах счастье. Ты же сам эти пайковые шпроты вспоминаешь, как праздник! Народ — быдло! А быдлу не шпроты нужны и не икра. Колбасы сейчас завались, а народ недоволен. Ему порядок нужен! И мы этот порядок дадим!

Отец посмотрел на Хорста, потом беспомощно переглянулся с матерью. Как объяснить молодому идиоту, выросшему среди заваленных жратвой и выпивкой витрин, что такое пустые прилавки и деньги, которые просто некуда девать? Не потому, что их чересчур много, а потому, что на них нечего купить. И что насилие лишь умножает насилие, ничего не решая по большому счету. Уж сколько народу большевики погубили, а что в итоге? Отец ткнул пальцем в газету.

— Вот ваш порядок! Снова бритоголовые девушку изнасиловали. Мухабат Султанову, беженку из Ферганы, где погибли ее родственники.

Хорсту стало обидно.

— Во-первых, я ее не насиловал, — резко заявил он, — во-вторых, ее родственников в Фергане вырезали не бритоголовые фашисты, а их же мусульмане. Те самые, которые там и русских резали. Азиатам, значит, можно наших резать, да?

На этот раз отец не только возмутился, но и проявил несвойственную ему твердость. Его достала ни на чем не основанная уверенность сына и подобных ему молодых зубастых хищников в своей правоте.

— Резать и насиловать ни тем не позволено, ни другим, — сказал он жестко. — В этом случае каждый становится преступником, независимо от разреза глаз и цвета кожи. А делить людей по крови — пережиток неолита. Пойми, сын, это примитивная позиция, стыдно это! Есть общечеловеческие, европейские ценности, гуманизм, в конце концов. То, что вы предлагаете, — тот же самый тоталитаризм, но не классовый, как у большевиков, а расовый. И что в этом хорошего? Опять диктатура? Мы это все уже прохо...

Но Хорст перебил отца.

— Да, как же, слышал сто раз! — крикнул он возмущенно. — Люди делятся на хороших и плохих независимо от цвета жопы! Только вот сами кавказцы и азиаты этого почему-то знать не хотят. Тогда почему им можно быть националистами, а нам нельзя? Ваше хваленое братство наций и народов накрылось медным тазом! Просто тебе с твоего дивана этого не видно.

— Дмитрий, как ты разговариваешь с отцом! — возмутилась мать. — Я стараюсь, кручусь!..

— Да идите вы все!.. — Хорст вскочил так резко, что стул отлетел к стене.

Он вылетел из-за стола и скрылся в своей комнате. Через несколько минут, переодевшись, он натянул сапоги, накинул пальто и вышел из дома, хлопнув дверью.

По распоряжению полковника Галкина Крюков разбирал агентурные дела, оставшиеся после Мокеева. Ничего перспективного, одно барахло. Как и следовало ожидать! Он и сам старался не светить своих ценных агентов, а на бумаге гнал всякую туфту — лишь бы отписаться. Так что все литературное наследие Мокеева надо было отправлять в мусорную корзину. Правда, оставался еще Игнат.

Крюков вызвал Игната на конспиративную квартиру. Тот пришел с опозданием, сказал, что проверялся, боялся хвоста.

— Вы не представляете, как я рискую, — убеждал он нового куратора, явно набивая себе цену. — Эти люди шутить не будут. Страшная публика. Одно слово — фашисты.

Крюков решил с самого начала поставить агента на место и резко оборвал его причитания:

— Ладно, заткни пасть! Теперь будешь работать со мной. Можея ты не убе-рег, поэтому пеняй на себя. Придется мне наложить на тебя тяжкую эпиталаму, как говорит генерал Альпенгольд. Запомни, сладкая жизнь для тебя кончилась. Я тебя уже предупреждал, повторю только один раз. Не будет реальной отдачи, пойдешь в камеру. Материала на тебя — выше крыши. И за свои дела премиальную койку возле параша ты давно заслужил. Так что я тебя слушаю.

Игнат поломался еще немного для порядка, потом приступил к изложению. Сведения, которые он сообщил, были так себе. Кое-что Крюков и сам знал, кое о чем догадывался. Самым интересным оказалось сообщение, что сегодня в парке Кутузова состоится очередной сбор.

Крюков вспомнил письмо жителей, зачитанное Альпенгольдом, и решил сходить туда, чтобы лично проверить факты.

2

Игнат привел Крюкова на место встречи членов «Языческого братства» и ушел, чтобы не засветиться, хотя в этот час Парк культуры и отдыха имени Кутузова еще совершенно безлюден. Налетевший порыв холодного ветра заставил Крюкова поежиться. Он стоял на высоком, продуваемом всеми ветрами берегу Москвы-реки возле памятника знаменитому полководцу Кутузову. На постаменте красовались выведенные белой краской свастика и надпись: «Фельдмаршалу — за сожжение Москвы».

Опер переместился поглубже в лес и приготовился ждать. Видно отсюда было несколько хуже, зато он сам стал практически не заметен со стороны... Первым, кого Крюков заметил, оказался его давешний знакомец, Хорст. Тот самый парень, который случайно помог ему в разборке с приятелями Ибрагима. Хорст прошел мимо клумбы с засохшими цветами к одной из пустых лавочек, легко вскочил на нее и уселся на спинку. Спустя несколько минут к нему присоединился Игнат. Не иначе — добежал до метро и вернулся...

Хорст появлению Игната не обрадовался. Не нравился ему этот долговязый тип. В глаза не смотрит, в нужный момент вечно куда-то исчезает, ведет себя непонятно. Да и рожа больно хитрая. Так и хочется по ней врезать. Один раз, но изо всех сил.

К счастью, долго мучиться в одиночку Хорсту не пришлось. На дорожке парка показались Таньша и Ваньша. Так их звали, коша видели вместе. В остальных случаях Таню называли Татьянкой, по имени атомной бомбы, взорванной полвека назад над Тоцким полигоном, Ваню же за начитанность — Ботаником.

Они подошли и поздоровались.

— Слава России!

— России слава!

Хорста от этих детских приветствий и похожих на пионерские речовки слоганов коробило. Но некоторые вещи он делал автоматически, по привычке. Вот так и сейчас поздоровался. Татьянка уселась на спинку скамейки рядом с Хорстом, Ваня отошел с Игнатом немного в сторону покурить. Заморосил дождик. Татьянка накинула капюшон куртки. Погода не располагала к общению.

После долгого молчания Татьяна спросила Хорста:

— Про Витаса новостей нет?

Хорст не ответил, лишь отрицательно покачал головой. Татьяна еще помолчала, потом поинтересовалась:

— А ты Бормана знал?

— Конечно, — ответил Хорст, — мы с ним одновременно в «Шварц♦88» вступили.

— Он погиб неделю назад.

— Как это? — удивился Хорст.

— Поехал в Ярославль. Там у его брата были какие-то напруги с местными байкерами. Борман убил одного из них, а ночью его вытащили из дома, привязали к ногам трос и таскали по городу за мотоциклом, пока не умер. Может быть, и Витаса тоже нет в живых?

Хорсту не хотелось верить в такой вариант. Но возражать он не стал, промолчал...

Крюков следил за сборищем из-за деревьев. К группе подходили все новые люди. Многие, несмотря на дождь и холодный ветер, отсвечивали бритыми головами. Здоровались они странно — пожимали друг другу руки особым образом — за запястья. Словно сектанты какие... Один из них что-то вешал с видом уличного проповедника, размахивая руками, остальные окружили его со всех сторон...

Хорст слушал Ванину лекцию со скептической улыбкой на губах. Ботаник утверждал, что Владимир Святой был евреем, а его мать звали Малкой, что по-еврейски означает «царица».

— Тогда почему он Русь в христианство обратил, а не в иудаизм? — поинтересовался Дмитрий.

Но Ваня Ботаник оказался подкованным на все четыре копыта.

— Да разве православие — христианство? Это же просто перелицованный иудаизм, заквашенный на местном славянском идолопоклонстве. Кстати, мудрый царь Соломон так же поступал — и в Иегову верил, и идолам на всякий случай поклонялся. Так в Библии написано. А крещение Руси по Владимиру — это что-то! Его дядя по матери Добрыня — Добран — огнем и мечом Новгород крестил, силой людей в храм загонял. Это по вашему христианство? Где же тут милосердие и прощение врагов? Нет, Христос тут никаким краем не проходит.

Ванину речь прервало появление новых персон. Группу подошедших молодых людей возглавлял человек с лицом, скрытым под низко надвинутым капюшоном. Несмотря на попытки сохранить инкогнито, его сразу узнали.

— Шварц пришел! Слава России!

Хорст прыгнул со скамейки и обнялся со Шварцем. Похоже, они были большими друзьями.

Шварц по-хозяйски оглядел собравшихся.

— Все собрались? Построиться... Становись!

У Крюкова бестолковая суета бритоголовых вызывала стойкую неприязнь. Из армии он демобилизовался в звании сержанта и за такое построение гонял бы вверенное ему подразделение до посинения, пока последний раздолбай не научится выполнять команду четко и в установленный срок. Наконец Шварц

цу удалось кое-как выстроить свое воинство. Большая его часть не только не служила в армии, но даже никогда не маршировала в рядах пионерской дружины. Не те времена. А ведь в строю стоять — не жвачку жевать и не монстров на экране компьютера мочить.

Шварц обратился к строю:

— Сегодня мы проводим экзамен на арийскую твердость. Я сам покажу вам пример. Кто со мной? Добровольцы — шаг вперед!

Из строя, небрежно отодвинув стоявшего в первом ряду бритоголового паренька, вышел Хорст.

— Я с тобой.

За ним шагнула Татьяна.

— И я...

Следом потянулся Ботаник. Вышел и встал рядом, не сказав ни слова. Неожиданно для всех, и для Хорста, в первую очередь, вперед выдвинулся Игнат.

— За компанию и повеситься не запахло, — сострил он.

Шварц оглядел остальных и презрительно усмехнулся.

— Что, больше нет желающих? Ладно, следуйте за мной!

И направился вглубь парка. Группа добровольцев двинулась за ним, остальные потянулись следом.

Желающих участвовать в экспериментах Шварца нашлось немного по причине его всем известной репутации отморозка. В прошлый раз проверка на арийскую твердость называлась «Ромашкой». Испытание прошли все те же Хорст, Татьяна, Ваня Ботаник и еще один ветеран «Фаланги» по кличке Капрал. Игната тогда с ними еще не было. Добровольцы улеглись лицом вниз, головами к центру круга в нескольких шагах от него.

Шварц раздал всем армейские каски. Потом он выбил каблуком небольшую ямку в грунте и положил туда ручную гранату. Шварц выдернул кольцо и бросился ничком на землю между Хорстом и Татьяной. Щелкнул спусковой рычаг запала. Взрыв разорвал окрестности. Хорст почувствовал как над головой просвистели осколки, на спину шлепнулись комья земли. По каске вскользь ударил не то осколок, не то камень.

А Капралу не повезло. Нервишки подвели, очко сыграло. Запаниковав, он оторвался от земли, вместо того, чтобы плотнее вжаться в нее. И получил сразу три осколка в голову. И каска не спасла. Еще живого, его довели до ближайшей больницы и там оставили возле приемного покоя. В больнице он и умер, не приходя в сознание.

Сегодня Шварц повел группу к железной дороге. Лесопарк сменился пустырем, за ним потянулись гаражи, за ними вдоль насыпи темнела защитная лесополоса. Крюков держался в отдалении. Сидеть на хвосте у объекта он умел мастерски. Тем более такого объекта — шумного и беспечного.

Отряд фашистов галдел, как цыганский табор. Возле полотна железной дороги зрители рассредоточились и уселись на невысоком травяном откосе. Шварц посмотрел на часы, потом сделал добровольцам знак.

— Пора.

Вся группа экзаменуемых на предмет арийской твердости выстроилась

вдоль рельсов. Первым встал сам Шварц, за ним — Татьяна, за ней — Ботаник, следующим — Хорст и последним — Игнат. Шварц упал на руки перпендикулярно рельсу и дал команду:

— Делай как я. Подняться можно только после меня. Упали!

Добровольцы расположились в указанном порядке. Хорст с неодобрением провел рукой по своему кожаному плащу. Насыпь местами была покрыта пятнами мазута.

Хорст поудобнее пристроил шею на рельсе и ощутил сильную вибрацию. Приближалась электричка. Он предпочел бы сейчас товарный поезд. Все-таки медленнее едет. Хотя и не всегда.

Он повернул голову влево и впился взглядом в застывший гранитной глыбой затылок Шварца. Татьяна тоже не суежилась, а вот Ваня Ботаник извертелся. Понятно, волнуется человек. А кто бы на его месте не волновался. За спиной Хорста было тихо. Игнат демонстрировал чудеса воли.

Зрители затаили дыхание. Всем стало ясно, что приближается кульминационный момент. Стук колес поезда становился все громче, нарастал с пугающей быстротой. Хорст напрягся, изготавившись оттолкнуться от рельса и отпрянуть как можно дальше. Шварцу было легче. Он хоть и лежал первым, зато сам решал, когда ему вскочить. В этом и заключалась его подлая натура: подставить, а потом смотреть, как человек выпутывается. Всем лежавшим за ним нужно будет время на то, чтобы обработать поступивший сигнал и успеть среагировать. Поезд двигался быстрее.

За спиной Хорст услышал яростное бормотание, потом захрустела галька под ногами. Он понял, что Игнат не выдержал и свалил.

И вдруг Хорст увидел, как голова Ботаника безвольно упала на рельс. Сквозь шум приближающегося поезда ему показалось даже, что Ванькина шея хрустнула. Вот это расслабился парень! Что с ним, неужели отключился? На раздумья времени не оставалось. Электричка была уже в двух шагах... Шварц отпрянул от рельса и, как камень из катапульты, отлетел от насыпи.

Татьянка также продемонстрировала хорошую реакцию и скорость. Она практически не отстала от Шварца, разве что на долю секунды. Ботаник не подавал признаков жизни. Когда нужно было лежать, Ваня ворочался, теперь же, когда требовалось двигаться, причем быстро, он словно одеревенел. Так что же с ним — заклинило или вырубился? Выяснить некогда...

Хорст зарычал и сжал зубы так, что стало больно. Он оттолкнулся от рельса, схватил бесчувственное тело за воротник и пояс и рванул на себя. Рванул так сильно, что едва сам не отлетел назад.

Кувыркаясь по насыпи, Хорст и Ботаник скатились в кювет. Над их головой уже всю грохотали колеса поезда. Зрители повскакали с мест и возбужденно кричали. Шварц и Татьяна, бледные, что было заметно даже в темноте, бросились к ним. Но Хорст уже и сам поднялся, и успел привести в чувство Ботаника парой пощечин. Кажется, на этот раз обошлось без жертв. Впрочем, Игнат трусливо сбежал...

Крюков издали наблюдал за происходящим. При виде подвига Хорста он только усмехнулся и покачал головой. Про такое испытание он читал лет двадцать назад. Западные неонацисты устраивали таким образом проверку новичкам. Тогда все это было у нас просто немыслимо: и фашисты, и проверки.

А теперь — пожалуйста! — даже в каком-то фильме нечто подобное показали. В общем, «Конкурс МПС на лучшую Анну Каренину», блин!

Крюков дождался, когда фашисты соберутся и уйдут. После себя они оставили пустые пивные бутылки и обрывки пакетов от чипсов. Конфетных бумажек он на месте происшествия не обнаружил. Или это не те фашисты, про которых писали избиратели?

Наутро Крюков отправился к новому месту службы — в Комиссию по экстремизму, как он его определил для краткости. Остальные ингредиенты названия ему запоминать было лень. Комиссия располагалась в небольшом старинном особнячке в центре Москвы, в одном из переулков Сретенки. Сам особнячок был выделен Общественной палатой по контролю госаппарата. В том, что организация эта серьезная, сыщик убедился сразу же по прибытии.

На входе он предъявил милицейское удостоверение, однако охранник в штатском попросил его подождать и позвонил по служебному телефону. Через пару минут из двери, ведущей внутрь особняка, показался сравнительно немолодой — ровесник Крюкова — хваткий на вид мужик в неброском, но хорошо сшитом сером костюме и при галстуке.

Опер сразу вспомнил наставления полковника Галкинда насчет здешних сотрудников в штатском и дал себе слово быть поосторожнее.

— Ты Крюков? — запросто спросил прибывший. — А я Крамской, Гена.

Они обменялись рукопожатием. Рука у Гены оказалась крепкая. Он представился оперу чиновникам Общественной палаты по контролю госаппарата. Крюков, когда-то прочитавший множество работ Ленина, сразу вспомнил одну из них: «Как нам реорганизовать Рабкрин». Рабоче-крестьянская инспекция, по мысли вождя, призвана была контролировать разлагающийся госаппарат, но из этой затеи ничего не вышло, так как инспекторы разложились еще быстрее, чем подконтрольные бюрократы...

Кроме того, Крамской числился начальником аналитической группы, в которую, кроме самого начальника и Крюкова, входил еще один человек — заместитель Крамского Миша Волгин. Он был значительно моложе опера и носил форму с погонами майора Вооруженных сил.

— А где Мокеев, разнарядка ведь на него пришла? — спросил он, наливая сыщику кофе в кружку с гербом в виде шита с мечом и надписью «НКВД».

— Мокеев погиб, — сухо ответил Крюков, присаживаясь к столу. — Вместо него меня прислали. Может, и я на что стожусь.

— А тебя-то к нам за какие грехи?

— За поджог Рейхстага, — уклончиво ответил Крюков, принимая протянутую кружку.

В Волгине Крюков сразу заподозрил сотрудника разведки. И Гена, и Миша только недавно вернулись из командировки, связанной с террористическим актом в городе Сослане.

— Нашу маленькую группу называют «Отделом по борьбе с насилием и расовой дискриминацией», — пояснил Крамской. — Функции наши точно не определены. Работы полно, людей не хватает. Мы по самое горло завалены заявлениями. Чуть где нерусскому глаз подбили — тут же материал к нам. Работа ассенизатора... Будешь выезжать на места с проверкой и сортировать материал. Если наш, забираешь. Нет — вертай взад территориялам. Пусть сами

разгребают. Ну, а по серьезным вещам — убийство там или тяжкие телесные, подключишься к расследованию и будешь его курировать.

«Женька Шабанов просто умрет от счастья», — подумал сыщик.

— Ты про дело Жасмин Султановой слышал? — спросил Крамской. — Тогда вот тебе первое задание. Съезди, разберись с заявлением этой Мимозы. В смысле — Жасмин, я в ботанике слабо рублю. Дело это темное. Ее отец на рынке работает, в месяц получает от силы двести баксов. А она хату снимает за четыре сотни. Нечисто тут что-то. Разнюхать бы надо.

— Нет проблем, разнюхаем, — Крюков допил кофе и поднялся.

Сыщик остановил свою бронированную старушку — «Волгу», экс-такси, именуемое им «рябухой», в районе новостроек рядом с рынком. Искомая квартира находилась на третьем этаже.

Он не воспользовался лифтом, а поднялся по лестнице. Дверь в квартиру Жасмин Султановой оказалась не заперта. Из-под двери пробивался косой луч света. Опер осторожно толкнул ее. В квартире кто-то был. Больше того — его ждали. Если бы не опыт, профессионализм и врожденная осторожность, быть бы этому визиту опера последним в его жизни. Но он вовремя сориентировался.

По пахнувшему из-за двери табачному духу Крюков безошибочно вычислил присутствие противника. Сыщик ударил в дверь ногой. Распахнувшись, она с невероятной силой обрушилась на притаившегося за ней человека. Тот яростно выругался, отлетел в комнату и по дороге сшиб кого-то еще, видимо, своего напарника. Один растянулся тут же, второго отбросило в комнату.

Крюков вломился в квартиру, на ходу вынимая из-под куртки свое любимое оружие — обрез двустволки. Обрез собрал глухой еврейский мастер из деталей ружей разных марок. Стволы от «Джеймса Пердея», ударно-спусковой механизм и ложа от «Бенелли». Сложив «Пердея» с «Бенелли» и разделив пополам, Крюков получил нечто среднее — «Перделли». По-румынски это значило «занавески».

Стрелять не пришлось. Один из неизвестных сиганул на балкон, а оттуда на козырек находившегося внизу магазина. Там по крыше припаркованной у магазина легковушки он соскользнул на землю и сгинул. Второй, через недвижимое тело которого Крюкову пришлось перепрыгнуть в прихожей, внезапно ожил и резво исчез за дверью.

Крюкову было не до преследования. Посреди комнаты лежала девушка, видимо — та самая жертва нацизма, обладательница красивого цветочного имени.

Опер наклонился над ней, пощупал артерию на шее. Пульса не было. Лучше бы он попытался захватить хотя бы одного из беглецов! Но кто же знал, что она мертвая? А вдруг ей еще можно было бы помочь?

Это только коммунисты в фильмах бросают своих раненых и умирающих товарищей, чтобы гнаться за убегающим врагом. «Отряд не заметил потери бойца»... Хорошенькое дело: мы за ценой не постоим, главное победа! На место одного погибшего борца за счастье народное тотчас встают двое новых... И вот печальный результат — Россия в демографической пропасти...

Он наскоро осмотрел тело, наружных повреждений не заметил. Правда, на шее погибшей виднелись синяки. Что ж, на этот раз ее додушили. Знать бы,

кто?

Фашисты? На это прямо указывала свастика, нарисованная на зеркале губной помадой.

На полу сыщик заметил оброненное кем-то удостоверение. Он аккуратно, за торцы, поднял документ и раскрыл корочки.

Студенческий билет на имя Дмитрия Минаева... Хорст... Знакомая личность, только что-то слишком часто в последнее время мелькает перед глазами. К тому же, его здесь не было, это Крюков определил безошибочно. Если бы они не столкнулись недавно на пустыре, опер, вероятно, мог бы подумать, что один из беглецов — Хорст. Но сейчас он был уверен в обратном. Или ушел раньше? Странно это, господа...

В прихожей послышался шум. Он аккуратно убрал студенческий билет в карман и выглянул в прихожую. В квартиру осторожно входили двое постовых в милицейской форме. Что-то они слишком быстро... И форма какая-то мятая и грязная. А менты ли это?.. У одного на плече болтался автомат, другой нервно поглаживал кобуру. Но доступность оружия не помогла.

Крюков появился в блеске внезапности и ореоле неожиданности. На людей в милицейской форме уставились стволы его обреза. В глубине черных отверстий двенадцатого калибра тускло поблескивали свинцовые головки жаканов, и бодрости они не вселяли.

— Лапы в гору, носом вниз! — распорядился опер. — Я из Общества рыболовов и охотников за оборотнями. Что, попались? Будете знать, как безобразничать. Сейчас я вас буду критиковать. С особой жестокостью.

Стражи порядка невольно растерялись от такого напора. Они подняли руки вверх, правда, ложиться на пол не спешили.

— Ты это... Мы не это... Не оборотни мы. Ты, мужик, кончай дурить, хуже будет.

Крюков обиженно опустил уголки рта.

— Ты кого мужиком назвал, портянка? Я — мент в законе! Меня зовут Крюк, — и добавил многозначительно: — Опер Крюк... Слышал про такого?

— Нет базара, — с уважением произнес один из пленников.

Второй одобрительно замотал головой, как цирковая лошадь. Оба непроизвольно расслабились. Значит, и правда свои. Но свои тоже разные бывают. Говорят же, что свои как раз и предают, потому что чужим такое удовольствие просто недоступно. Поэтому Крюков не спешил втыкать в землю штык и переходить к братанию.

— Откуда вы? — сурово спросил он.

— Да мы тут поблизости объект один охраняем... — замялся боец с автоматом.

— Рынок, что ли? — спросил Крюков.

— Ага...

Опер некоторое время молча изучал обоих стражей правопорядка: чем-то они напоминали Бивиса и Батхеда. Только российской выделки.

— Значит, на Мусу корячитесь? Понятно. А здесь как оказались?

— Так это... Стреляли, — промямлил автоматчик.

— Ну да, соседи сказали, что тут какой-то шум слышали, а потом мужик из окна выпал, — поддержал его коллега.

Крюков опустил, наконец, свою пушку и указал стволами на тело девушки.

— Шум, — передразнил он. — Не слышно шуму городского, теперь тут могильная тишина. Мокруха. Ловить надо было того мужика, который из окна выпал, а вы хлебалом щелкали. Короче, один из вас пусть охраняет место преступления, а другой звонит на Петровку в убойный. Спроси полковника Шабанова, скажи про труп.

— А сам почему не позвонишь? — удивился автоматчик.

— Мне нельзя, — признался Крюков. — Если он мой голос услышит, его кондрашка хватит. А кто тогда убийства раскрывать будет? Я пока жилой сектор оттопчу. Может, соседи что видели?

Опер вышел на лестничную площадку и позвонил в соседнюю дверь. Соседей то ли не оказалось дома, то ли они не желали общаться с незнакомым подозрительным типом. Зато противоположная дверь начала раскрываться сама. Крюков хотел выстрелить навскидку, так, на всякий случай, но тут из-за нее высунулась миловидное женское личико.

— Ой, а вы из милиции? — спросила соседка. — Неужели с Жасминкой что случилось?

— Я из санитарной инспекции, — соврал Крюков. — Мы тут тараканов морить собираемся. У вас тараканов нет?

— Ой, а вы зайдите и посмотрите, — захихикала соседка и гостеприимно приоткрыла дверь.

Опер не заставил себя просить дважды и переступил порог. Хозяйка провела его в комнату, усадила в кресло.

— Меня зовут Оксана Короленко, — сообщила она доверительным тоном.

— А я — Крюк, — сказал капитан и добавил многозначительно: — Опер Крюк...

— Ой, а правда, что Жасминку убили?

— Это закрытая информация, — нахмурил брови сыщик. — А вы откуда знаете?

— Так вы же там на весь подъезд гутарили, — призналась соседка, — а дверь не закрыли.

Крюков окинул комнату профессиональным взглядом. Все как у людей. Полированная стенка, хрустальная люстра, большой телевизор. В углу бар-камин — чтобы водка не остывала.

Хозяйка вышла в другую комнату и вернулась, переодетая в шелковый халат-кимоно. Она подошла к бару, распахнула его дверцы. Внутри подсвеченного бара сияли всеми цветами радуги разнокалиберные бутылки.

— Выпьете или вам не полагается? — спросила хозяйка.

— Почему не полагается? Разве я похож на басурмана? — обиделся Крюков.

— Вам чего налить? Могу предложить виски, бренди, джин, текилу.

— Каплю сакэ. Шучу. Водки, конечно.

— С чем?

Крюков изумленно уставился на девушку.

— Водки? С водкой, ясное дело.

— А лед положить?

— Да, и шесть кусков сахара. Это я опять пошутил и опять удачно. Смеетесь вы, что ли, Оксана Короленко? Зачем же водку разбавлять? Менделеев назначил ей крепость сорок оборотов в минуту. И ни секундой больше!

Сбитая с толку хозяйка налила ему водки в толстостенный хрустальный стакан. Себе же смешала коктейль из текилы, лимонного сока и чего-то еще. Пока она отхлебывала смесь маленькими глотками, Крюков залпом махнул свою порцию.

Оксана посмотрела на опера с неподдельным одобрением.

— Не, ты на басурмана не похож. А вот Жасминка — та стопудово басурманка была, а девка — хорошая. Она тут не всегда жила, приезжала с парнем своим трахаться. Квартиру-то он для нее снимал. Она его даже женихом называла. Жених! Из него жених, как из дерьма пуля. Но она верила, что он на ней женится. Отец не знал ничего, да кто-то ему, видно, донес. Он их застукал, жених сбежать успел, а Жасминке пришлось сказать отцу, что скинхеды ее изнасиловали. Она уж беременная была.

— А как парня звали? — поинтересовался сыщик.

Оксана растерянно захлопала ресницами.

— Ой, как же его звали-то! Вроде как президента ихнего... Саддам? Абдель? Нет, похоже на ангар! Точно, она его Анваром звала! Красавец вылитый из «Золота Маккены».

Крюков задумался. Кроме покойного президента Египта он знал еще только одного Анвара — того самого, в чьем магазине при взрыве погиб Витя Мокеев.

— А вещей каких-нибудь она не оставляла по-соседски? — спросил на всякий случай Крюков.

Оксана пожалала плечами и задумалась.

— Нет, вроде. Хотя... После того, как отец ее застукал, а потом милиция к ней приходила, так она мне пакет один принесла. Тяжелый.

— А что в нем? — насторожился опер.

— Я не смотрела.

Сыщик недоверчиво усмехнулся и дернул плечом. Оксана правильно поняла его пристальный взгляд.

— Ну, одним глазком только. Там сверток какой-то был. Запчасти разные. Провода, винтики.

— Болтики, гаечки, картечинки, шрапнелька, — в тон ей продолжил Крюков. — Бомба, что ли? А ну, показывай!

Оксана побледнела и заохала:

— Ой, блин! А я и не подумала! Там этот пакет, в ванной лежит. Только я к нему теперь и близко не подойду.

Крюков отстранил ее и прошел в ванную. Под раковиной лежал большой пластиковый пакет. Опер осторожно приподнял его. Тяжелый, килограмма на два-три. Вполне хватит на то, чтобы вдребезги разнести самолет или вагон метро.

С лестничной площадки послышался виртуозный мат. Так каламбурить мог лишь один знакомый Крюкову человек — начальник убойного отдела полковник Шабанов.

— Крюков, отзовись по-хорошему! — зывал Женька. — Я же знаю, что ты где-то здесь! Скотина! Клянусь, ничего тебе не сделаю, только в глаза посмотрю! Я же в отпуск собирался, а ты опять труп подсунул!

Крюков аккуратно развернул сверток. Риск, конечно, был, но если до сих пор эта штука не взорвалась, то, может, и дальше не сразу рванет? Стараясь

реже дышать, сыщик вышел в коридор, а оттуда на лестничную площадку. И здесь носом к носу столкнулся с Женькой.

Сыщик виновато улыбнулся и прежде, чем полковник успел вымолвить хоть слово, сунул ему находку. Тот вздыбил брови от удивления.

— Что это еще за херня?

— Ты говорил, что я только трупы находить умею. Вот видишь — не только. Получите и распишитесь — пояс шахида, размер сорок шесть — сорок восемь. Полнить не будет, гарантирую. И цвет веселенький, светло-черный.

Шабанов автоматически принял пакет и обалдело замер, глядя на подарок друга.

— И что я с ним должен делать? — проговорил он, наконец.

— Ну не знаю, — Крюков развел руками. — В конце концов, ты полковник, ты начальник. Придумай что-нибудь. А мне на работу пора.

Шабанов обернулся на дверь квартиры, откуда так же обалдело выглядывали его подчиненные.

— Что вылупились? Вызывайте взрывников!

Избавившись от груза, Крюков вышел из подъезда, сел в свою «рябуху» и запустил движок...

Тем временем в квартиру к Оксане позвонили. Она открыла — на пороге стоял человек в камуфляже.

— Оксана Короленко? — спросил он. — Собирайтесь, с вами хотят побеседовать.

— Кто?

— У нас мало времени, — поморщился гость, делая шаг назад, будто собрался уходить. — Я жду вас внизу, в машине...

По лестничной площадке сновали люди в милицейской форме. Оксане и в голову не могло прийти ничего плохого. Она оделась, спустилась вниз и вышла на улицу. Полковник ждал ее внизу, опершись на крышу иномарки.

— Садитесь быстрее, — приказал он, открывая дверцу.

Оксана устроилась на заднем сиденье. Полковник сел рядом, левой рукой зажал ей рот и вонзил в плечо иглу шприца. Оксана вздрогнула, хотела закричать, но почувствовала, что теряет сознание.

Сидевший за рулем Ибрагим оглянулся на Полковника и спросил:

— Можно трогать?

— Да, поехали, — распорядился тот.

Иномарка тронулась с места и влилась в поток других машин.

Алан приехал на рынок, принадлежавший известному барыге Мусе, рассчитывая получить здесь информацию о Полковнике. К тому же в целях конспирации ему пришлось оборвать связь с земляками. Денег от них он также принимать не хотел. А где еще можно заработать, как не на рынке?

Для начала он походил по рынку. Народу здесь было — не протолкнуться. Алан издали увидел здание администрации. Он вошел в дверь и поднялся на второй этаж. В кабинете с надписью «Директор» за столом сидел человек весом под центнер с типичным лицом кавказца.

— Чего тебе? — спросил он неприязненно.

— Работу ищу, — ответил Алан.

— Откуда ты?

— Из Нальчика, — соврал Алан. — Туристов на Эльбрус водил, но сейчас работы не стало, опасно. Не местные, так федералы голову открутят. А с той стороны хребта сваны налетают. Я так чуть две группы не потерял...

Толстяк откинулся на стуле, внимательно разглядывая Алана.

— Воевал?

— Приходилось. В составе Абхазского батальона.

— Ладно, — толстяк облокотился на стол. — Меня Мусой зовут. Я тут самый главный. Пока будешь грузчиком работать, а там посмотрим. Устраивает?

Алан согласился. Работа грузчика давала ему оперативный простор. Он бы не хотел быть привязанным к какой-то отдельной палатке.

Выйдя с рынка, он столкнулся с толстым бритоголовым здоровяком, комплекцией не уступающим Мусе. Здоровяк пришел в ярость.

— Ты что, хрен гребаный, обурел в корень? Не знаешь, на кого бочку катишь? Я — Дыня!

И махнул кулачищем размером с ведро. Резкости ему было не занимать. Алан едва успел нырнуть под бьющую руку. Не разгибаясь, он провел серию ударов по пузу толстяка, целясь в печень и желудок. Дыня замер. Точный удар сбил ему дыхание. Алан выпрямился и нанес сокрушительный удар коленом в корпус, а за ним — удар ногой в голову с разворотом. Дыня завалился на спину, сбив несколько лотков.

К месту схватки спешили охранники рынка. Алан нырнул в толпу и растворился в ней.

Прежде, чем возвратиться в Отдел насилия и расовой! дискриминации, Крюков заскочил в родное управление. В лаборатории он застал криминалиста Крестинина.

— Привет, старик, дело к тебе имеется, — обратился к нему опер. — Документик один определить надо.

Он протянул эксперту удостоверение Хорста. Тот аккуратно взял корочку за ребра, не касаясь поверхности, и стал пристально разглядывать.

— А что тут определять? — сказал он. — Обычный студенческий билет. Что тебя интересует? Хочешь узнать, не фальшивый ли?

— Нет, — возразил сыщик. — Просто обнюхай его со всех сторон, пальчики сними. В общем, не мне тебя учить.

— Ладно, с тебя коньяк, и зайди завтра, — проворчал криминалист.

Из управления Крюков поехал напрямик в старинный особнячок, где квартировала Сводная комиссия. В их комнате никого не было. Не успел Крюков вскипятить себе чайник, как прибыл Крамской.

— А мы обедали, — доложил он. — Как съездил?

Крюков как-то неопределенно повертел пальцами в воздухе, как будто пытаясь поймать нечто невидимое и неуловимое.

— Утверждать не могу, но считаю, что фашисты тут ни при чем.

— Ну, спасибо, порадовал, — Крамской уселся за стол и посмотрел на часы. — Слушай, ты не хочешь сходить на лекцию Жидоморова? Тема интересная: «Русский мат как средство национальной самоидентификации». Любопытный фрут этот профессор реальной истории, как он себя называет. Пещерный антисемит. У нас в плане разведбеседы с руководителями экстре-

мистских группировок, поэтому пообщаться с ним все равно придется. А так можем убить двух зайцев одним топором. Что решим?

— Поехали, — поддержал его начинание Крюков.

Лекция проходила в клубе ГУВД. Народу собралось много. Пришли молодые люди с бритыми головами, но были и другие, длинноволосые субъекты, явно косящие под товарища Че. Видимо, интерес к родному языку проявляли самые разные слои общества. Крюков и Крамской устроились на заднем ряду, чтобы видеть и держать под контролем весь зал. В первых рядах собрались сторонники и последователи профессора. Время от времени над их головами взмывали флажки со сдвоенными молниями. В зале стояли шум и гам.

Но как только на сцене появился самозванный языковед, воцарилась тишина. Причем он ничего для этого не делал специально. Это казалось тем более странно, что вид у профессора был довольно нелепый: он напоминал бога-мола с окладистой бородой а-ля Солженицын. Лысый, тощий, с длинными конечностями...

Хорст тоже находился в клубе, но садиться не стал. Вместе с друзьями он стоял в дверях, ведущих из зала в коридор, и следил за порядком. В зале, кроме членов «Языческого братства», маячили «архангелы», антифашисты «Интербригады Че» и представители других экстремистских организаций. От них можно было ожидать чего угодно — от хулиганских выкриков до мордобития и тому подобных чудес.

Профессор поднялся на трибуну с эмблемой МВД, окинул притихший зал мрачным взглядом и неожиданно воздел руки к потолку. Его слова обрушились на притихший зал, как лавина.

— Покайтесь! — крикнул он с видом проповедника. — Покайтесь, говорят нам! — повторил он и выдержал паузу, которой мог бы позавидовать сам Станиславский. — Сейчас, отвечаем мы. Только штаны подтянем! — оратор опустил руки и, судя, по всему, выполнил то, что обещал.

Зал заревел от восторга. Профессор мановением руки призвал собравшихся к порядку. И продолжил:

— Они предлагают нам покаяться. А в чем наша вина, позвольте спросить? В чем и перед кем мы провинились? Ведь нас, русских, никто никогда и ни о чем не спрашивал — ни когда попы нас крестили, ни когда коммунисты звездешили. И стыдиться нам не за что! Разве что за долготерпение наше! Мы невинны, как младенцы. Наши деяния впереди! Наши грехи и наш стыд впереди! И мы еще нагрешим! Помяните мое слово, так нагрешим, что содрогнутся и Земля, и Небеса!

— Нагрешим! — поддержала его аудитория. — Пускай содрогнутся!

В течение следующих пятнадцати минут Жидоморов излагал свою концепцию истории России как субъекта сионистской эксплуатации от Святослава и Владимира Крестителя до наших дней. Это уже интересовало собравшихся гораздо меньше. Публика заскучала.

— Давай про мат! — предложил кто-то из зала.

Его поддержали соседи.

— Мы про мат пришли слушать, а ты нас какими-то хазарами грузишь!

Профессор воинственно выставил бороду.

— А что такое мат? — грозно спросил он.

Зал снова затих, заинтригованный. Профессор прошелся по сцене взад-вперед и снова обратился с вопросом к аудитории:

— Скажите мне, что кричит русский мужик, когда уронит себе на ногу бревно или, скажем, пудовую железную болванку? Он кричит: «Господи, помилуй»? Нет! Этого он не кричит.

Зал затаил дыхание. Профессор продолжал:

— А что кричал русский мужик в солдатской шинели, когда бежал в атаку с винтовкой наперевес? Может быть: «За Родину, за Сталина?» Опять не угадали! Так кого же призывал русский мужик на помощь во всех критических случаях жизни? Какое-такое волшебное слово произносит он чаще всего и по любому поводу? Правильно. Блядь!

Зал восторженно зашумел, но голос профессора набрал вдруг силу и перекрыл гомон публики.

— А почему? Кто мне ответит? Да потому, что верил в нее, родимую. И продолжает верить. И будет верить, пока жива русская земля! Иудео-христианская церковь веками старательно выкашивала, выпалывала и вытаптывала ростки этой веры. Ни в одной стране нет такого запрета на сквернословие, как у нас. У французов все, что связано с половой сферой, считается любовной лирикой. В американских фильмах только и слышишь: «Фак, фак». У них это не запрещено. А у нас почему все наоборот? Да потому, что все связанное с половым сношением — это терминология древнейшего русского пантеона богов. Род, плодородие — вот древнейшая русская религия, а не всякие Христы и Моисеи. Были местночтимые, локальные боги — Сварог, Дажьбог и Перун. А кому поклонялись все русичи? Правильно — Бляди! Это праматерь всех людей, в том числе и русских. Церковные мракобесы осквернили этот святой для нас образ, истолковали его в срамном смысле. Но тогда ответьте мне, почему говорить «блядь» — неприлично, а «развратная женщина» — нормально? Почему слово «хуй» — нецензурное, а «половой член» — вполне литературное? Если суть от этого не меняется? И так далее, со всеми остановками! Значит, дело не в смысле самого слова, а в некоем формальном сочетании букв или звуков. А ведь это самая настоящая магия! Сочетания букв, цифр и прочих закорючек. И запрет на эти закорючки — такая же магия.

— А что такое «хуй»? — раздалось со зрительских мест.

Профессор ответил:

— Хороший вопрос. Изначально слово «хуй» означало вовсе не анатомический мужской орган, а ритуальный пест с утолщением на конце, которым жрецы толкли в ступе жертвенное, орошенное человеческой кровью, зерно.

— И где же его толкли? — спросил тот же голос.

— Где-где? В пизде! То есть в ритуальной ступе. И называлось такое действие «еблей». Процедуру же выполнял жрец, которого называли «мудаком», — самозванный профессор торжественно поднял к потолку тонкий и длинный, словно карандаш, указательный палец.

Говорить дальше ему не дали. Зал зашелся в крике. Слушатели хлопали, орали, свистели. Довольный профессор сиял, как новенькая пятирублевая монета. Он дождался, пока шум немного стихнет, и снова водворил в зале тишину одним мановением руки.

— Теперь о фашизме. Да, я фашист, — признался он, — и горжусь этим. Тут

мы с вами опять сталкиваемся с магией буквосочетаний. Почему фашизм — это плохо, а коммунизм — хорошо? Да тот же осуждаемый всеми Гитлер уничтожал в основном чужие народы, а коммунисты — свой собственный!

С места поднялся человек, прилично одетый, в костюме-тройке с галстуком, внешне резко отличавшийся от маргинального большинства.

— И фашизм, и коммунизм сегодня безнадежно устарели! — заявил он уверенно.

— Врете, неправда ваша! — легко парировал его тезис профессор. — Сегодня, как и вчера, книгу, в основе которой не лежат идеи фашизма, никто не будет читать. Фашизм начинается там, где есть деление на наших и не наших. Вы читали «Библию фашизма»? Нет, это не «Майн кампф». Это «Библия». Та самая обычная «Библия». Сколько в ней презрения и ненависти к филистимлянам, к египтянам и прочим «недоизбранным», а значит, и неполноценным народам! Девиз — кто не с нами, тот против нас — это ведь оттуда. Едем дальше. Копнем классиков массовой литературы. Вот, например, Дюма. Какие же сволочи у него гвардейцы кардинала! А что плохого они сделали? И чем они помешали д'Артаньяну? Тем более, что батюшка его приказал ему служить лишь королю и кардиналу. Кардиналу! И, между прочим, никакого де Тревиля в этом контексте! Вам мало? Откроем Фенимора Купера. Названия племен — гуроны, минги, ирокезы — звучат как ругательства. А чем они хуже ваших любимых делаваров? Так же кишки друг другу выпускали, скальпы снимали. А все дело в том, что делавары — «наши», а все остальные — «не наши». Диктатура пролетариата — это тот же фашизм. Только социальный, граница проходит не по национальному признаку, как у национал-социалистов, а по классовому. И во всех других областях без нормальной фашистской идеологии нам не обойтись. На хрена нужны солдаты, которые не любят своих и не испытывают ненависти к противнику? На хрена нам милиция, не испытывающая ненависти к преступникам? Борьба за права человека скоро аукнется нам так, что мир содрогнется. Помните, как в Сомали аборигены надругались над телами убитых рейнджеров? Африка — это не просто желтый песок и пирамиды, это океан лютой ненависти к сытым европейцам. Наша миссия заключается в том, чтобы поставить на колени тех, кому положено ходить на четвереньках, потомков Хама! Это сделаем мы — дети Яфета. Белая власть!

— Ур-р-ра! Даешь белую власть! — откликнулась часть аудитории.

Другая часть зашлась в неартикулированном крике. И тут в середине зала, где сидели антифашисты, вдруг вскочил длинноволосый парень с рыжей бородкой, и, перекрывая вой оппозиции, заорал:

— Позор нацистам! Вива Че!

Его поддержала группа собравшихся вокруг него молодых людей. Они повскакивали с мест, затопали ногами, засвистели. В Жидоморова полетели сырые яйца. Одно из них, пущенное меткой рукой юной антифашистки в штормовке, разбилось о профессорскую лысину и оросило его высокое чело желтком. Новый снаряд угодил ему прямо в ухо.

В дело включились и «архангелы». Стены зала задрожали от их боевого клича:

— С нами крестная сила! Бей язычников!

— Сатанисты! Жидомор поганый! Язычник! Хриstopродавец! Бей, кто в Бога верует!

Члены «Языческого братства» отвечали им:

— Урки! Жидолизы! Масонам продались!

Кто-то из противоположного лагеря самозабвенно орал:

— Бей антифу!

Скины и язычники молотили антифашистов, «архангелы» — скинов, а антифашисты — и тех, и других. Крюков едва выбрался из общей свалки. Крамского он где-то потерял и старался лишь не получить в глаз и не вымазаться в яйцах и помидорах, рассекающих воздух во всех направлениях...

Хорст среагировал на начало драки оперативно. Он вклинился в толпу дерущихся и стал прокладывать себе путь к рыжебородому вождю антифашистов. Он шел, как ледокол, и почти добрался до рыжего, когда почувствовал болезненный удар по шее и услышал крик:

— Уходи, Санчес!

Рыжий Санчес понял без разъяснений, его голова исчезла из поля зрения Хорста и возникла уже в коридоре. Обидчик, ударивший Хорста по шее, и предупредивший вождя, метнулся туда же. Хорст рванул за ними. В том, что сумеет отметить обоих, он не сомневался. Беглецы кинулись вдоль коридора к запасному выходу. Хорст усмехнулся. Ключ от этого выхода лежал у него в кармане, он сам закрывал его час назад.

Рыжего он догнал возле поворота и провел подсечку. Тот неловко растянулся на скользком полу, и все, что Хорст успел себе позволить — это на ходу приложить его ногой в задницу. Его главной целью был обидчик. То оказался проворнее своего соратника, и Хорст догнал его только под лестницей у двери служебного выхода.

— Яйца оторву! — прорычал он.

Беглец, не оборачиваясь, ударил ногой назад, потом с разворотом. Хорст легко отбил неловкий, плохо поставленный удар, врезал сам в открывшееся лицо и едва успел остановить свой кулак в миллиметре до кончика носа противника. Получилось бесконтактное каратэ. Перед ним была девчонка, которая так метко запустила яйцом в Жидоморова. Ее карие глаза бесстрашно смотрели на бритоголового парня и, как ни странно, она ничуть не испугалась мощного противника.

— Тьфу, — Хорст выругался и машинально отступил назад.

Он женщин не бил из принципа, но они не всегда платили взаимностью.

— Что же яйца не отрываешь? — спросила она с вызовом.

— Как же оторвать то, чего нет?

Неожиданно для себя они оба рассмеялись. Ситуация и в самом деле сложилась забавная. Хорст окинул ее взглядом. Красивая девчонка, и глазомер у нее развит неплохо. Он почувствовал к ней симпатию.

— Дура ты! Смотри, допрыгаешься со своими антифами. Кому нужны эти ваши детские забавы с метанием яиц и помидоров?

Она обиженно задрала нос.

— Дура? Меня Машей зовут. А насчет метания... Разве твой Ницше не учил ниспровергать любые авторитеты?

Во дает! Конкретных мужиков цитирует! Хорст Ницше читал и уважал, поэтому девчонка сразу выросла в его глазах. На полголовы по крайней мере! Он вспомнил, как смешно выглядел Жидоморов с желтком на лысом черепе,

усмехнулся и достал ключ от служебного входа.

— Ладно, яйцеемка, пойдем, выведу. Если тебя наши поймают, не поглядят на пол и возраст. Или наоборот, поглядят. Но, думаю, тебе это понравится еще меньше. — Хорст вывел ее через заднюю дверь. — Дуй давай!

Оказавшись за порогом, девушка повернулась к Хорсту лицом и с интересом уставилась на него, словно энтомолог на неизвестного науке жука. Бритая голова, армейские ботинки зашнурованы белыми шнурками, хеви-металлическая футболка, металлические черепа и свастика на черной куртке — полный скинхедовский набор. Вот только взгляд какой-то из другой оперы. Умный, печальный, не злой. И глаза редкого цвета — сине-голубые.

Некоторое время они словно играли в гляделки. Потом она кивнула ему на прощанье, как давнему знакомому, и быстрым шагом пошла прочь. Она давно скрылась за углом ближайшего дома, а он стоял, смотрел ей вслед, и чувствовал себя полным идиотом. Но почему-то его это радовало.

Драка постепенно утихла. Бойцы выдохлись и, вяло переругиваясь, выбрались на улицу. Крюков, наконец, разглядел в толпе Крамского. Тот тоже его заметил и направился к сыщику.

— Пойдем, побеседуем с потерпевшим, — предложил он с ухмылкой.

Они поднялись наверх, в кабинет администратора. Профессор Святополк Жидоморов был здесь. Секретарша директора суетливо снимала желток с его головы и костюма костяным ножом для резки бумаги. Рядом на черном антикварном диване времен очаковских и покоренья Крыма сидели с хмурым видом трое громил-охранников.

Крюков взял инициативу на себя. Он вышел вперед, махнул «муркой» перед носом секьюрити и обратился к Жидоморову.

— Мы с коллегой хотели бы задать вам несколько вопросов.

— А почему вы меня спрашиваете? — сварливо огрызнулся профессор. — Спросите тех, кто устроил это безобразие. Или вы никого не поймали?

Крюкову не понравился самоуверенный желчный старикашка. Крамской тоже не стал с ним миндальничать.

— Мы никого и не собирались ловить, — отрезал он. — А безобразие устроили вы. Если и дальше будете путать лекцию с митингом, оппоненты вам за просто голову оторвут. И никакая милиция не поможет. А что касается наших вопросов, то чем быстрее вы на них ответите, тем быстрее мы уйдем.

Профессор обиженно поджал губы, но решил, что есть только один способ избавиться от представителей охраны порядка. Он повернулся к назойливым посетителям.

— Задавайте свои дурацкие вопросы.

— Имя, фамилия? — спросил Крюков.

Профессор гордо подбоченился и с вызовом спросил:

— Вы что, афиши не видели? Меня зовут Святополк Жидоморов.

Крюков с Крамским обменялись ехидными усмешками. Начальник «Отдела насилия» наклонился к профессору.

— Вы не поняли, нас интересует ваша девичья фамилия. И имя. А также отчество, год и место рождения. Те, что вы получили при рождении. Ну и прочие данные. А не ваш рекламный бренд типа Святополк Окаянный. То есть, простите, Святополк Жидоморов.

Профессор засопел.

— Моя настоящая фамилия, в смысле, семья, подверглась репрессиям в годы революции.

— Хорошо, но назвать-то вы ее можете?

— Я же сказал, моя фамилия претерпела жесточайшие гонения! У вас есть мои нынешние данные, с вас достаточно.

Крамской с Крюковым были удивлены. Вот уж чего они никак не ожидали! Нет, как держится, прямо как партизан на допросе. Видимо, присутствие мордоротов придет ему уверенности. Крюков решил зайти с другого боку.

— Тогда подробнее о графе «национальность». Вы кто?

— Русский, конечно! — оскорбленно взвился Жидоморов.

— Это тоже ваши нынешние данные? Или назовете настоящие? — потребовал Крюков казенным тоном.

Охранники уставились на лидера в недоумении. Уж чего-чего, а такого от своего вождя они не ждали. Жидоморов был близок к истерике и обмороку. Видимо, тоже не предполагал, что ему зададут такие простые вопросы и попросят дать простые, но точные ответы.

Крамской тронул капитана за плечо. Он разделял желание своего подчиненного позлить профессора-самозванца, но не хотел доводить дело до эпилептического припадка. Не важно, настоящего или его имитации, потом их действия можно будет интерпретировать как издевательство над свидетелем. Но Крюков не унимался.

— А скажите, ваша эмблема — сдвоенные молнии — символизирует принадлежность к эсэсовскому Главному управлению рас и поселений? — с невыразимым ехидством поинтересовался опер. — Ее придумал, кажется, Вальтер Хек в двадцатые годы прошлого века.

Жидоморов подпрыгнул на месте и снова начал брызгать слюной.

— Какой еще Вальтер Хер? Что за бред вы тут несете? Может, и свастику он придумал?! Да, немцы использовали языческие символы и древнегерманские руны. Свастика — символ солнца, сдвоенные молнии — символ Перуна. Надеюсь, больше вопросов нет? И вообще, аудиенция закончена. Вас проводят. — Он нетерпеливым жестом согнал охранников с дивана, упал на него пластом и затих.

Крюкову даже показалось, что он испустил дух. Он подошел к профессору и, не обращая внимания на протесты охранников, без всякой деликатности принялся его тормозить. Результат — нулевой. Ох, не прост профессор, ох, не прост, придется выдергивать его на допрос в контору.

Сыщики вышли из клуба и направились к «рябухе» Крюкова.

— Да, не получилась разведбеседа, — недовольно заметил Крамской, садясь на переднее сиденье рядом с водителем.

— Почему? — не согласился опер. — Беседа, может, и не получилось, но разведка прошла нормально. С этим суперязычником все ясно: легко возбудим, акцентирован на идее национального превосходства. Ты обратил внимание, как он театрально нервничает? Подумаешь, яичком по лысине получил! Так ведь не камнем. К тому же он этого и добивался, специально эпатировал публику, он от этого кайф ловит. Нет, тут дело посерьезнее, может, он только паяц из картона, а тогда вопрос возникает — кто его за ниточки дергает? Ладно, будем напрягать агентуру...

На работу Крюков с Крамским вернулись ближе к вечеру. В кабинете они застали Волгина. Тот выказывал крайнюю степень нетерпения.

— Ну, где вас носит? — напустился он на коллег. — Нам же Крюкова еще прописать надо! Стынет все.

Начальник посмотрел на свой письменный стол и свистнул от удивления.

— Ну, ни фиги себе! Молодец, майор. Придется повесить тебя в должности до главного интенданта.

Стол был накрыт с бивуачной простотой и спартанской изысканностью. От такого натюрморта и непьющий язвенник непременно бы оскоромился. Из напитков преобладала водка. Кроме нее, собственно, других и не оказалось. К водке, как и полагается, подали соленые, ни в коем случае не маринованные, огурцы. Крупные куски черного хлеба были словно не нарезаны, а нарублены пашкой. Тут же стояла тарелка с салом, тоже крупно нарезанным. Украшением стола стали рыбные блюда, так сказать, апофеоз закусок. Гурман Волгин представил их в ассортименте: бычки в томате, килька в томате и рыбные тефтели все в том же томатном соусе.

По первой выпили с ходу, не раздеваясь. Стало тепло и хорошо. После этого группа тесно сплотилась вокруг стола и приступила к кулинарной оргии. Завязалась непринужденная беседа на светские темы.

— А что фашисты? — риторически обращался к самому себе Волгин. — Я во многом с ними согласен. Европа чернеет на глазах, Америка туда же. И мы следом. Посмотри, в новых районах детишки в футбол играют — одни кавказята.

Крамской философски помахивал вилкой с насаженным на нее куском сала.

— Миша, дорогой, это и есть эволюция. Дарвин! Выживает наиболее приспособленный. Когда-то древние греки и римляне сплошь были блондинами, енисейские киргизы тоже, впрочем, как и все жители степей от Венгрии до Монголии. И жители Канарских островов тоже. И что из них получилось? Ну, не любят блондины работать, ничего не поделаешь! Я вот как-то первого января зашел в магазинчик за бутылкой вина. Отдел был закрыт, я пошел искать хозяина. Нашел я его в пустой подсобке. Естественно, лицо кавказской национальности. В подсобке холодно, так он в пальто сидит, по виду боевик смотрит, ждет клиентов. Ты бы первого января стал на работе сидеть?

— Мне приходилось дежурить, — заметил Крюков. — И ничего.

Майор поддержал его:

— А я даже в карауле стоял.

Но Крамской замотал головой.

— Э, нет! Это вы по приказу корячились. Из-под палки мы все стахановцы. А ты попробуй добровольно, когда никто не заставляет! В собственной лавке. Вот то-то и оно! Нет, ребята, торговать — это их работа. И мне нисколько не завидно. Каждый должен делать то, что он умеет делать хорошо.

— Хорошо, пусть торгуют, — согласился майор. — Но вот когда они лезут в правоохранительные органы, да еще взятки берут?

Крамской откупорил новую бутылку и принялся разливать.

— А ты не берешь? — спросил он с наигранным удивлением. — Если бы русских подвергали побиению камнями за взяткодачество, население у нас

уменьшилось бы наполовину. Ладно, посошок и разбежались. У меня на сегодня еще шкурные дела.

— Какие дела на ночь глядя? — удивился майор, но первым стал убирать со стола остатки пиршества.

Опер и начальник подключились к наведению порядка, и через несколько минут все следы оргии были уничтожены. На этом рабочий день закончился.

Но не все в этот тихий вечер пребывали в покое и ожидании отдыха. Профессор Жидоморов бесился от ярости. В нем все клокотало. То, что антифашисты забросали его яйцами, было в порядке вещей, не это его бесило. Но вот предательского поведения «архангелов» он простить не мог. Вместо того, чтобы слиться с «Языческим братством» в едином порыве и под его, разумеется, знаменами, эти вчерашние уркаганы и бандиты играют в христиан, да еще вставляют ему палки в колеса. Их следовало проучить.

Профессор подумал: «А не пора Ли заказать самого Миху Архангельского?». Но сам же себя и одернул — рано. Сначала надо продемонстрировать противникам собственное подавляющее превосходство, а потом убирать их лидера. Тогда рядовые члены, обезглавленные, сами прибегут и попросятся в ряды его «Братства». Потому что главное для них — бить. А кого бить — укажет им он, Святополк Окаянный... Тьфу, блин, менты проклятые! Укажет он, Святополк Жидоморов.

По его приказу Шварц должен был забить «архангелам» стрелку на ближайшие дни. Да и бойцы застоялись, пора дать им размяться. Но сначала требовалось воодушевить паству на новые подвиги. И вождь назначил большой сбор. Точнее — «собор».

Хорсту позвонил сам Шварц и назначил время всеобщего схода. Собираться велели к двадцати трем. Место «собора», как обычно, — Кутузовский парк.

Уголок идеальный. Нормальным людям никогда не пришло бы в голову гулять там поздно вечером или ночью. Тропинки парка были слишком узкими, чтобы по ним могла проехать милицейская машина, и слишком неровными и покрытыми корнями для конных патрулей. Днем еще куда ни шло, но ночью любая лошадь непременно переломала бы в потемках ноги. Пешие же милицейские патрули не появлялись по ночам в Кутузовском парке с тех пор, как на службу в милицию перестали принимать сумасшедших. Потому что даже милиционеру хочется жить.

Хорст перезвонил Ботанику Ване, дальше тот сам передал сигнал по цепочке. После того, как он спас Ване жизнь, тот стал просто боготворить его.

К половине одиннадцатого почти все собрались. Шли последние приготовления к ритуалу. Одни заканчивали сколачивать факелы из черенков лопат и консервных банок, другие копали яму посреди поляны, третьи воздвигали рядом столб.

Больше всех суетились «микроны» и «карлики» — малолетки и мелкая шпана, которых Жидоморов гордо именовал будущим нации. Все дело в них, от них зависит то, в каком обществе мы все будем жить — это была его любимая фраза.

Хорсту давно надоели эти нелепые вымученные обряды вроде факельного

шествия. Он считал их дешевой рекламой, но вождь-профессор придавал им огромное значение. Поэтому приходилось терпеть.

Хорст заметил Шварца. Тот по обыкновению прикрывал лицо низко надвинутым капюшоном. Они крепко обнялись по обычаю «Братства».

— Ты Витаса не видел? — спросил Хорст.

— Его сегодня не будет. Он на особом задании, — отозвался Шварц.

Что-то в его тоне Хорсту не понравилось, но что — он не понял.

В центре поляны появился Святополк Жидоморов. Это было сигналом к построению. Хорсту стало тошно — он терпеть не мог всех этих построений в колонны, но взял себя в руки и направился к своему месту в первой шеренге.

Застолье в кабинете расслабило Крюкова. Ездить под градусом он не любил и решил прогуляться. Но, отойдя от уютного особняка на несколько кварталов, он вспомнил, что оказался практически безоружным.

Свой табельный «Макаров» сыщик предпочитал держать в сейфе дежурного по управлению. Благодаря техническим характеристикам этот пистолет служил скорее источником проблем, чем оружием самозащиты. Его легче было потерять, чем применить по назначению — для поражения живой силы противника. В работе опер предпочитал обрез двенадцатого калибра — вещь совершенно неотразимую. Но сейчас вдруг оказалось, что «Перделли» остался запертым в «рябухе».

Вспомнив о мстительных кунаках Ибрагима, сыщик устыдился собственной беспечности и поплелся обратно. Добраться до припаркованной возле особняка «рябухи» оказалось непросто. Узкий въезд перегородила «Газель». Когда Крюков уходил отсюда, никакой «Газелью» тут не пахло. Это показалось ему странным. Учреждение давно закрылось, сотрудники разошлись по домам, наелись вкусной манной каши и теперь, вероятно, спят в своих теплых постельках. Так что тогда тут делает грузовой фургон? Привез охране рогалики и пиццу? Спросить бы водителя...

В кабине мелькнул свет. Значит, внутри кто-то есть. Опер совсем забыл, что не вооружен. Он рванул на себя дверь машины. Сюрприз. Водитель автоматически уцепился за ручку двери изнутри. Но рывок был так силен, что шофер вывалился наружу.

Крюков не стал задавать вопросов, а начал с грубого насилия. Несколько ударов достигли цели. Водитель отключился. Крюков выволок его на светлое место. Парень как парень. Волосы светлые, очень коротко острижены. На его руке опер прочел татуировку: «Витас».

Сыщик вытащил из штанов поверженного противника ремень и на всякий случай стянул ему руки за спиной и привязал к ним одну ногу. Потом осторожно подошел к «Газели» и заглянул в открытую дверь.

В тусклом свете лампочки он увидел, что салон забит плотными пакетами. Пришлось забраться внутрь и надорвать упаковку на одном из них. Увиденное заставило его вздрогнуть, спина покрылась холодным потом. Машина была под завязку набита взрывчаткой.

3

Устроившись на рынок грузчиком, Алан с самого утра начал катать тележки, доверху нагруженные коробками и банками. Кроме того, он должен был в начале рабочего дня ставить палатки, а вечером убирать. Ну, и без тележек приходилось подбрасывать товар то в одну, то в другую точку. Времени на то, чтобы поспрашивать народ насчет Полковника, не оставалось. К вечеру он просто с ног валился, а утром снова — на работу.

Перед концом рабочего дня подошел сам Муса. Он о чем-то договаривался с бритоголовым толстяком, который обозвал Алана хачем и представился Дыней. Алана он не узнал или просто не заметил. Интересно, какие у Мусы могут быть дела с фашистами? Закончив беседу, Дыня пошел к выходу, а Муса подошел к хозяину торговой точки, где трудился Алан.

Муса о чем-то спрашивал торговца, глядя при этом на Алана. Хозяин, неплохой мужик, вопросами остался явно недоволен. Алан как работник ему очень понравился — непьющий, сообразительный и исполнительный. Но возражать Мусе не посмел.

Муса похлопал Алана по плечу.

— Хвалят тебя. Завтра новую работу получишь. В охрану пойдешь, мне такие люди нужны. А сегодня немножко помочь надо при шашлычной. Ребята совсем зашиваются.

Алан пожал плечами.

— Нет проблем.

Шашлык ему приходилось делать не один раз, ремесло это было хорошо ему знакомо. Муса отвел его в шашлычную. У входа в павильон висел большой пластиковый орел — копия бронзовой птицы в Минводах. Шашлычник обрадовался помощи и велел Алану сходить на склад, принести мешок древесного угля. Мешок оказался легким, и Алан отдыхал под такой ношей.

Он занес мешок в подсобку. Кроме угля здесь валялись собачьи шкуры. Шашлык, разумеется, делался из диетического собачьего мяса. Добавление бараньего жира придавало ему вкус натуральной баранины. Из шкур шашлычник собирался пошить к зиме шапки-ушанки.

Подсобка находилась между общим залом и «греческим». Так в шашлычной именовался отдельный кабинет для особо уважаемых гостей. В этот вечер Муса принимал в «греческом зале» очень важного человека, самого Анвара.

Алан не собирался подслушивать их разговор. Зачем ему лишняя информация? Меньше знаешь — дольше проживешь. Но не затыкать же специально уши.

Поневоле Алану пришлось выслушать часть разговора двух предводителей враждующих между собой течений Ислама и двух конкурирующих на столичном рынке диаспор. Но сейчас они обсуждали общие проблемы. Речь шла о наркотиках. Анвар объяснял Мусе, что весь полученный у него товар погиб при погроме, устроенном фашистами в центре Москвы. Но Муса не соглашался признать эти обстоятельства форсмажорными.

— Какие фашисты-машисты, слушай? Какой форс-мажор? Это что — землетрясение, наводнение, ураган Иван Грозный? Охранять надо было лучше. Муса на охране никогда не экономит. Поэтому как брата тебя прошу, давай останемся друзьями. Ты товар получил, деньги отдай, — в медово-сладких интона-

циях голоса Мусы отчетливо прозвучала затаенная угроза.

Но Анвар ссориться не захотел, настроенный весьма миролюбиво.

— Хоп, договорились! Какой базар-мазар, э! — отозвался он. — Будут тебе деньги. Не будем ссориться по пустякам. Только ты смотри, хорошо охраняй свой товар. Ты зря фашистов не боишься. Как бы жалеть не пришлось, э!

В коридорчике, ведущем из общего зала в кухню, слышались шаги. Алан быстро вышел из подсобки и чуть не остолбенел. Он нос к носу столкнулся с человеком, которого так долго искал, с Полковником. Ему хватило выдержки скрыть свое изумление и ненависть. В мозгу гранатой взорвалась одна мысль — встретил врага, а убить не смог. Нечем было. От досады он с силой закусил губу, но даже не почувствовал боли.

Алан разминутся с Полковником и нарочито неторопливо прошел в пустую кухню. Здесь он схватил огромный, достигавший в обухе толщины большого пальца, нож, которым повар рассекал суставы и небольшие кости, и бегом бросился обратно. Но Полковника и след простыл. В этот момент он уже находился в «греческом зале».

— Слушай, Муса, давно у тебя этот парень? — спросил он хозяина рынка.

— Нет, недавно. Но очень старательный. Хочу его в охрану взять, — гордо сообщил тот.

Полковник усмехнулся.

— Боюсь, тебе придется искать другого охранника.

Муса посмотрел на него с удивлением.

— Ты зачем так говоришь? Садись лучше шашлык кушать.

Но Полковник уже вышел из кабинета.

В темном коридоре Полковник остановился. Он сразу узнал Алана, память у него была профессиональная. Тот самый раненый мент, одеждой которого он воспользовался в Сослане... Сунул ему свой черный комбез и забрал его камуфляжку. Он тогда не стал добивать заложника. Решил пошутить, предоставить это его коллегам. Полковник просто давился от смеха, представляя, как менты узнают в убитом ими террористе своего же товарища по оружию. Шутка не получилась. Не добились, раньше времени узнали. И вот — нечаянная встреча. Впредь наука. В деле, которому посвятил себя Полковник, чувство юмора неуместно.

Узнал его мент или не узнал? И почему он оказался в Москве? Ушел из ментовки и решил свалить подальше от места трагедии? Ничего странного. Сам Полковник оказался здесь по той же самой причине. Или мент все-таки искал его? Но встреча вышла случайной, за это Полковник мог поручиться. Узнал тот его или не узнал, а мента надо мочить. А если это не он, а только похожий на него мужик? Даже если это так, мочить все равно надо. Значит, не повезло мужику.

Стрелять Полковник не хотел. И дело не в шуме, у него был при себе ствол с глушителем. Просто он не мог возиться с трупом. А это означало «запалить» свой ствол, да еще навести ментов на свой след. Другое дело нож. Подумаешь, кавказцы что-то не поделили, и один другого зарезал. Дело житейское. Искать убийцу никому и в голову не придет.

Полковник бесшумно извлек из ножен длинный боевой нож и скользнул в кухню. Кажется, мент направился именно туда. Но в кухне никого не оказа-

лось. Полковник осторожно двинулся по коридору.

Тем временем Алан прикрыл нож пакетом, прошел в большой зал и, не найдя там врага, повернул обратно. Полковник не подозревал, что мент ищет именно его. Просто видел, что тот мечется по павильону, и решил встретить его в темном проходе. И, когда мент шагнул в полумрак коридора, Полковник, не видя жертвы, нанес ножом прямой, хорошо поставленный смертельный удар.

Алан в юности серьезно занимался боксом. Удар ножом он, скорее, не увидел, а почувствовал и среагировал автоматически. Он ушел под бьющую руку нырком и в ответ, также не видя противника, полоснул его своим мясорезом.

Лезвие рассекло пакет, в котором находился нож, штанину и кожу ноги Полковника. Тот не удержался и больше от досады, чем от боли, яростно выругался. В это время открылась дверь «греческого зала», и в коридор вышли Анвар и Муса.

Полковник рванулся вперед, корпусом сбил Алана с ног и буквально выломился из павильона шашлычной. Падая, Алан ударился головой о косяк двери и выронил нож прямо к ногам изумленных Мусы и Анвара. Анвар пришел в себя первым. Не понимая толком, что произошло, он быстрым шагом озабоченного делами человека пересек большой зал и исчез за дверью. Мусса, наконец, тоже очухался и принялся поднимать Алана. Тот встал и поблагодарил хозяина. Муса ждал объяснений.

— Что себе позволяешь, слушай! А я тебя в охрану хотел взять!

На шум примчались быки Мусы, но, увидев, что их помощь не требуется, переминались в стороне.

Алан рассудил, что иногда лучше говорить правду.

— Я сейчас одного козла встретил. Случайно. Он бандит, в Сослане детей убивал.

Муса разгневался не на шутку.

— Вах, ишак! Я бы сам такого задушил. Еще раз его увидишь, сам не лезь. Мне скажи. Надо Анвара предупредить, кто у него в друзьях ходит.

Но у Алана на такой случай имелись свои планы.

Где-то вдали бушевала поздняя гроза. Грома слышно не было, но темное небо постоянно освещалось вспышками зарниц. Место для «собора» выбрали с большим искусством.

Легионеры «Братства» выстроились на склоне высокого холма лицом к вершине. Зимой здесь пролегали трассы горнолыжников. Сейчас черные каркасы подъемников тонули во мраке, но в свете зарниц четко вырисовывались черными скелетами на фоне низких тяжелых туч.

Понемногу и Хорст поддался общему настроению. Картина вызывала восхищение своей мрачностью. На вершине холма полыхал костер. В руках легионеров горели самодельные факелы. Порывы ветра то угнетали языки пламени, то заставляли их распускаться ослепительно-яркими цветками.

Ветер развеивал знамена «Братства». В отблесках пламени их темный пурпур казался почти черным. На нем ярко выделялся белый круг со сдвоенными молниями.

Выше всех стоял Святополк Жидоморов, магистр «братства», облаченный в мантию цвета знамени. Ниже располагались офицеры, и первым — Шварц.

Все — в белых балахонах и закрывающих лица островерхих колпаках с прорезями для глаз типа куклуксклановских. По идее Хорст должен был также находиться среди них, но в последнее время он почему-то испытывал от подобных мероприятий только раздражение.

Магистр Жидоморов воздел руки к небесам. На фоне частых вспышек он смотрелся очень эффектно. Его дребезжащий голос приобрел вдруг басовые и металлические тона. Или это звучала фонограмма?

Жидоморов указал на черный гроб, стоявший возле вырытой на вершине холма ямы.

— Здесь списки предателей! — проревел он.

И ночь содрогнулась от его голоса.

Затем Жидоморов указал на висящие под перекладной подъемника, словно на виселице, чучела людей.

— А это наши враги! — пояснил он столь же громовым басом.

Нет, этот точно была фонограмма. Не мог Жидомор так горланить. А речь между тем продолжалась.

— Сегодня мы подвергаем наших врагов символической, ритуальной казни, — оправдывался магистр. — Но уже завтра их настигнет реальное возмездие!

Никто в это особенно не поверил, но эффект получился — выше некуда. Докладчик перешел к списку приговоренных.

— Михаил Архангельский! Муса Мирзоев! Моисей Гершензон! Иван Сомко!

Ванька Ботаник? Хорст ведь только что ему звонил, передавал вызов на «собор».

Имена и фамилии продолжали падать, как камни при обвале.

— Виталий Плотников!

Витас?! Хорст вообще перестал понимать смысл происходящего. Он уже не удивился бы, услышь следующим собственное имя. Но не услышал. Тем не менее, ощущение нелепой фантазмагии осталось.

Он, как сквозь сон, наблюдал за прохождением дальнейшей церемонии. Смотрел, как жгут чучела изменников, как складывают пепел в большой черный гроб, и как гроб закапывают в глубокую яму на вершине холма у основания главного подъемника. Смотрел и не видел.

В завершении «собора» Жидоморов призвал всех к борьбе не на жизнь, а на смерть с неграми, врагами, изменниками, а, главное, с треклятыми «архангелами» и велел готовиться к акции. Какой — не сказал, но все и так поняли. Будем бить. Кого — без разницы: «архангелов», черных, глобалистов, антифашистов. Затем костры и факелы затушили и при свете карманных фонариков организованно разошлись.

На выходе из парка Хорст догнал Шварца.

— Слушай, а каким краем Витас в предатели попал? И Ванька Ботаник?

— Поступила информация, — сдержанно ответил Шварц. — Витас оказался на подсосе у черных, а Ванька стучал ментам. Сведения проверены. Есть свидетели.

Хорст вернулся домой лишь под утро. Он два часа топал пешком, чтобы попытаться хоть как-то осмыслить ситуацию, но так ничего и не понял.

Почему-то чаще, чем хотелось бы, против его воли вспоминалась Маша... Смешная девчонка с боевыми продуктами... Перед глазами маячили ее растре-

паннные волосы, ее нос, ее худая фигурка... Хорст пытался прогнать это наваяждение, но не тут то было. Оно никуда уходит не собиралось...

Крюков не ограничился сведениями дежурного насчет Хорста, поэтому знал, что его пособником в избиении морских пехотинцев Соединенных Штатов Америки был Виталий Плотников по кличке «Витас». Судя по всему, именно он лежал сейчас на мокром асфальте перед сыщиком.

«Как же это я его? — подумал опер. — Он морпехов американских кладет, как кегли, а я его с двух ударов вырубил. Нехорошо получилось».

Задержанный стал приходить в себя. И тут сыщик догадался о причине столь легкой победы над грозным противником. Тот явно был не в себе. И полученные от Крюкова удары не могли стать причиной такого поведения.

На шум прибежали охранники. Узнав, что их чуть не взорвали вместе с особнячком, они помчались звонить в ФСБ. Хотели попинать связанного террориста, но Крюков погнал обоих взащей.

— Не фигу моим террористам нюх топтать! Наловите своих и пинайте сколько влезет. — Он никак не мог сообразить, за каким хреном кому-то понадобилось взрывать здание президентской комиссии.

Фээсбэшники на скорую руку допросили задержанного, но почему-то не заинтересовались его персоной и передали его милиции. У Крюкова создалось впечатление, что поступили они так неспроста. Позвонил им кто-то, причем с такого уровня, что сопротивляться не стоило. Разнюхать поподробнее сыщик не сумел, так как ему позвонил Игнат. Торопливо, запинаясь, он сообщил о прошедшем ночью «соборе» и о виртуальной расправе с предателями. При этом не забыл набить себе цену.

— Я был на волосок от гибели. Они меня чуть не зажопили. Пришлось подставить Ваню-дурака. Кажется, прошло.

— И не стыдно? — спросил Крюков как можно суровее. — Предал товарища.

— Во-первых, мне дурак не товарищ, — обиделся Игнат. — А во-вторых, я его предупредил, и он успел смыться.

— Значит, и тех, и других предал. Молодец! — одобрил Крюков. — Политиком станешь.

Кроме Вани, Игнат назвал по требованию опера имена других врагов и изменников, приговоренных великим хуралом-трибуналом к символической казни. Присутствие в списках Витаса особенно заинтересовало сыщика, но виду он не подал. Уточнив место шабаша, он не поленился съездить туда и тщательно его исследовать.

Крюков исползал весь холм, нашел место захоронения черного гроба, но нашел только бутылки из под пива, конфетных оберток и здесь обнаружить не удалось.

Получается, что в городе орудует еще одна, хорошо законспирированная группировка бритоголовых? И, если бы не бдительность местных жителей, о них бы так никто и не узнал?

После долгих поисков опер отправился в отдел, где его давно ждали коллеги. Им не терпелось немного поправиться после вчерашнего. Приехав, сыщик обнаружил кабинет пустым, но в шкафу его ждала наполненная до краев стопка, накрытая, как на поминках, блюдечком. Сверху на блюдечке лежал соленый огурчик. Что винная порция ждет именно его, сыщик убедился путем

визуального осмотра. Ко дну стопки пластырем приклеили бумажку с фамилией, надписью к стеклу. Так что, заглянув в стопку сверху, опер увидел увеличенные водкой, как линзой, буквы.

Он не стал выпендриваться и тут же употребил напиток. Не то, чтобы особенно хотелось, но и случай упускать смысла не было.

Отдохнув и поспав немного, Хорст вышел из дома. У него накопилось много дел. Жидоморов обещал нажать на какие-то закулисные рычаги, подключить сочувствующих его движению «больших людей» и добиться восстановления Хорста в Университете.

Свернув в проулок между школой и детским садом, Хорст вдруг заметил вертлявого субъекта. К субъекту подбегали школьники, и тот передавал им что-то в обмен на деньги. Несмотря на свою вертлявость, появление Хорста субъект все-таки проворонил. Он жалобно пискнул, как раненый заяц, и попытался вырваться, оставив в руке преследователя рукав куртки. Но Хорст догнал его и подсечкой отправил на асфальт. Если бы не забор, несчастный мог бы укатиться неизвестно как далеко.

Хорст заботливо наклонился над упавшим.

— Я ведь тебя предупреждал, что если еще раз увижу с наркотой возле школы, убью. А ты не поверил? Жаль.

И он от души врезал ногой по скрюченному полутрупичу.

— Придется тебя тут задолбить и бандеролью Мусе отправить. А товар твой в сортир слить.

Неожиданно солнце закрыла обширная тень. Хорст оглянулся. Перед ним стоял старый знакомый по спаррингу в «Подвале», Дыня.

То ли утратив остатки разума, то ли не узнав Хорста, Дыня надвинулся на него.

— Ты че на пацана наезжаешь, че беспредел творишь? — вежливо, но с угрозой спросил богатырь.

— А ниче, — ответил Хорст. — А ты че?..

— Крышую, — лаконично пояснил Дыня. — Так что извинись, ответь за беспредел и разбежимся.

Хорст окинул его массивную фигуру с ног до головы. На вид, по прикиду, конкретный скин. Ботинки «каamelot», белые шнурки на десять дырочек, камуфляжные коротковатые штаны, куртка-бомбер, майка с цифрами «88».

— А почему у тебя две восьмерки на майке? — поинтересовался Хорст.

— Ну, это, типа трех шестерок, как число сатаны.

— А шнурки белые почему?

— Форма такая, — сплюнул на песок Дыня. — Ты мне лапшу не вешай, за беспредел ответить придется.

Хорст сжал губы в тонкую ниточку. Он с трудом себя сдерживал.

— Значит, крышуешь? А кого ты, чмо, крышуешь? Тебя хачи за полбанки пива в «шестерки» наняли, а ты и рад для них силы рвать. А ты хоть знаешь смысл белых шнурков? Они означают, что ты хачей громил! А две восьмерки — две буквы «х», она в немецком словаре под номером восемь стоит и значит «Хайль Хитлер». Так вот, даю секунду испариться отсюда. Не успеешь, я твою крышу на хрен сворочу. А пока я вот что тебе скажу — то, что ты видел, еще не беспредел.

И начал окучивать Дыню ногами по нижним конечностям. Тот ждал ударов в голову, поэтому не успел ни отскочить, ни поставить блок. С техникой «липкие ноги» он, похоже, тоже не был знаком. Не прошло и секунды, как Дыня покачнулся на избитых в мочалку ногах. Он с большим опозданием рванулся к быстрому и резкому врагу, но почувствовал, что ноги его просто не держат. Он стал проваливаться вперед, тут Хорст встретил его ударом снизу в челюсть и добавил боковым в голову. Победитель не смог удержаться и долго месил упавшего ногами.

— Вот что такое беспредел, — вымолвил он, наконец, переводя дыхание.

Но толстяк хотя бы отчасти выполнил свою функцию защиты. За то время, пока Хорст занимался им, вертлявый наркодилер успел благополучно смыться.

На краю «Царского села», части поселка «Дружба», расположенной рядом с лесом, стоял трехэтажный особняк Анвара. Он прятался за высоким забором. Забор этот не имел ничего общего с кирпичными оградами преуспевающих бизнесменов. Это была состоявшаяся из монолитных бетонных блоков стена типа «Берлинской».

В этот особняк и привезли соседку Жасмин Оксану. Ее бесчувственное тело выгрузили из машины и отнесли в подвал, где располагались отдельные комнаты, запирающиеся снаружи.

Здесь же оборудовали импровизированную дежурку. Дежурный принял гостью и затащил в свободную комнату. Запер дверь.

— Если очнется, введешь ей ударную дозу, а дальше, как обычно. Но смотри, не устрой передозировку. Сейчас каждая кукла на вес золота, — распорядился Ибрагим.

Дежурный кивнул.

— Сделаем, начальник. Через неделю девочка будет управляема, как стиральная машина. Лишь бы лекарства хватило.

Ибрагим с подозрением посмотрел в глаза дежурному и крепко взял его за воротник.

— Что ты хочешь сказать, собачий сын? Опять перерасходовал? Воруешь?

Дежурный перепугался не на шутку, он знал, каков Ибрагим бывает в ярости. А в ярость тот приходил каждый раз, когда обнаруживал перерасход наркотика. Но ведь и дежурному надо как-то жить...

— Нет, что вы! — испуганно пролепетал он. — С этим все нормально. Вы же сами выдаете строго по дозам. У вас все под замком.

— А ты не разбавляешь? Нет?! Смотри, проверю! Если узнаю, что бодяжишь лекарство, сам тебя задушу! Ладно, пока живи. А где Анвар? — успокаиваясь, спросил Ибрагим.

— Проводит акцию, — все еще дрожа, ответил дежурный. — Он велел вам подождать его.

Ибрагим пожал плечами.

— Когда вернется, скажи, что я в баре.

Дежурный еще ворчал что-то себе под нос по поводу мусульман, употребляющих алкоголь, но Ибрагим его уже не слушал, а топал по лестнице наверх.

Сельский магазин переполнял народ, когда дверь открылась, и вошла свет-

ловолосая девушка. Продавщица мельком окинула вошедшую взглядом и отметила две особенности. Первая заключалась в том, что девушка оказалась незнакомой, следовательно, не местной. И вторая — она была беременна.

Если бы у продавщицы нашлось больше времени на разглядывание посетительницы, она бы заметила, что новая покупательница определенно не в себе. Она двигалась словно через силу или как во сне. Потоптавшись у входа, она затем прошла без цели вдоль прилавков.

Анвар из машины, стоявшей напротив магазина, внимательно следил сквозь стеклянную зарешеченную витрину за поведением странной покупательницы. Время от времени он поглядывал на часы и бормотал вполголоса:

— Якши, якши... Хорошо.

Беременная покупательница, так ничего и не купив, вышла из магазина и быстрым шагом направилась к машине. Анвар открыл ей дверь и, как только девушка упала на сиденье, рванул с места.

— Скорее, — простонала она. — Мне плохо.

— Молодец. — похвалил ее Анвар. — Умница. Сейчас приедем, сразу хорошо будет, э!

Машина промчалась по улице «Царского села» и вкатилась в распахнутые ворота особняка. Анвар затормозил перед дверями. От дома к нему уже бежал предупрежденный дежурным Ибрагим. Он открыл дверь со стороны пассажирки и прямо через рукав вколол ей наркотик из принесенного с собой шприца. Пассажирка блаженно откинулась в кресле, взгляд ее не стал осмысленным, но беспокойство в глазах исчезло.

Ибрагим распахнул ее куртку и отстегнул прикрепленную на животе сумку. Потом помог девушке выбраться. Она, механически переставляя ноги, направилась ко входу в подвал. У дверей ее уже ожидал дежурный.

— Как сработала? — спросил шефа Ибрагим.

— На отлично. Хорошая подготовка, — одобрил Анвар. — Сбоев не было?

— Нет. Для них выход с поясом, как праздник. Они же за это дозу получают. Нет выхода — нет дозы.

Анвар зажмурился от удовольствия. Идея ему пришла просто блестящая. Никакого риска. Пусть менты шерстят чеченок, грузинок, любых черноволосых женщин южного типа. Его смертницы — стопроцентные натуральные блондинки. И работают не за абстрактную идею, не по настроению — сегодня оно есть, а как на дело идти, испарилось. Его девочки пахнут за дозу, а это мотив железный. Москва еще вздрогнет! И не только Москва.

Из фамилий, названных Игнатом среди врагов и изменников, Крюкова заинтересовал Моисей Гершензон. Из всех Гершензонов он знал только автора прозаического перевода баллад о Робин Гуде. Он не успел влезть в картотеку, как раздался телефонный звонок. Это был Крамской.

— Ты на месте? А Волгина, блин, в командировку услали и даже мне не сказали. Ну и порядки! Ты чем сейчас занят? — спросил он и, не дожидаясь ответа, предложил: — Давай Мойшу Гершензона навестим. Он эксперт и аналитик в вопросах национал-экстремизма.

На ловца и зверь бежит. Через полчаса опер в компании Гены Крамского звонил в квартиру эксперта. Дверь открыла сердитая девушка.

— Вы к отцу? — с подозрением спросила она.

— Нет, мы к вам, — сострил Крамской. — Простите, что без цветов.

— И без яиц, — добавил опер.

Он узнал ее. Это именно она бросала яйцами в мудрую голову Святополка Жидоморова и не промахнулась.

— Машка, кто там? — спросил мужской голос из глубины квартиры.

— Какие-то подозрительные типы, — хмуро отозвалась девушка. — Я бы на твоём месте вызвала милицию!

Ох, уж эта молодежь! Но Крамского нелегко было смутить. Он указал на Крюкова жестом, каким фокусник демонстрирует публике говорящую голову или цилиндр с кроликами.

— А милиция уже здесь. Прошу!

Крюков тоже с видом фокусника извлек свою красную книжицу и помахал перед носом нахальной девицы.

— Может, вам еще в милицейский свисток дунуть? — спросил он с невозмутимым видом.

Девица направилась вглубь квартиры.

— Папа, к тебе милиция! Я пошла собирать тебе теплые вещи. Сухари черные или белые?

Из комнаты на кресле-каталке выкатился седой мужчина в очках, на первый взгляд, составляющих с его большим носом единое целое.

— Чем обязан? — он принялся старательно протирать очки платком.

Оказалось, что они легко снимаются и отделяются от переносицы. Крюков ткнул пальцем в удаляющуюся нахальную дочь эксперта.

— А она в профессора Жидоморова яйцами бросалась! — наябедничал он, пояснил: — Куриными...

Эксперт накинул очки обратно на нос и не на шутку встревожился.

— И что ей грозит?

— Статья девятьсот девяносто дробь шиснадцать-прим. Часть вторая. Су ровое порицание и порка условно. А вообще-то мы действительно к вам, Мойсей Вольфович, — признался Крамской. — Надо бы посоветоваться.

— Машка, чаю! — гаркнул хозяин дома и пригласил гостей в кабинет.

Дочь фыркнула, но потопала в кухню и загремела там чайником.

Гершензон пригласил гостей присаживаться.

— С чем пожаловали? — спросил он.

Крамской обдумывал свои вопросы, и Крюкову, чтобы не затягивать паузы, пришлось начать самому.

— Скажите, Мойсей Вольфович, почему на вас так взъелся профессор Жидоморов? Это просто пещерный антисемитизм или что-то личное?

— И вообще — откуда такая вспышка экстремизма? — развил мысль Крамской. — Как будто бомба замедленного действия взорвалась. Лежала себе до поры и — нате, получите! Ведь кроме Жидоморова существует Архангельский, а также масса других группировок — от идейных радикалов до хулиганов. Мы хотели бы заказать вам анализ ситуации на рынке экстремистских идеологий.

В это время дочь Гершензона вкатила сервировочный столик. На нем стояла бутылка водки, лежало нарезанное копченое мясо, оливки, зелень и листы пресного бездрожжевого хлеба.

— Прошу, чай подан, — сообщила хозяйка и обратилась к отцу: — Танька

потом придет и уберет. Я уехала к бабушке.

Моисей Вольфович уставился на дочь поверх очков. — А ты ей позвонила?

— Да, папа.

— И она подошла к телефону?

— Да...

— И что она сказала?

— Что у нее все в порядке.

— Не может быть, дочка. Ты, наверное, не туда попала. Твоя бабушка не может сказать, что у нее все в порядке!

— И я сначала так подумала. Ладно, не скучай тут без меня. Будешь себя хорошо вести, привезу тебе фаршированного карпа. — Она вышла в коридор.

Через секунду хлопнула входная дверь. Крюков как-то сразу заскучал. Гершензон обратился к Крамскому.

— Вас не затруднит взять из серванта рюмки?

Гена поднялся, прошел к серванту, открыл его и достал три хрустальные рюмки. На серванте стояли фотографии самого Гершензона и членов его семьи в разном возрасте, начиная с детского.

Крюков поддел вилкой мясо.

— Ветчина? — наивно спросил он.

Гершензон замахал руками.

— Побойтесь бога! В этом доме все кошерное, даже водка! Изготовлена и розлита с благословения раввина города Нью-Йорка. А мясо — это пастроми. Копченая говядина. Мацы не предлагаю, вот армянский лаваш. Утощайтесь.

Крамской разлил водку по рюмкам.

— За дружбу народов! — предложил он тост.

Выпили с энтузиазмом.

— А ведь дружба народов — это, пожалуй, единственное достижение нашего советского строя, которое имело смысл сохранить. Но его принесли в жертву государству первой, — задумчиво произнес Гершензон. — И это было, увы, неизбежно. Ведь еще святой Павел сказал: «Несть ни элина, ни иудея». Чем ответил сатана? Ленинским «правом наций на самоопределение». Поверьте, все добродетели и достоинства принадлежат отдельным людям, нациям же принадлежат лишь недостатки. И первый из них — гордыня.

— Вы рассуждаете, как христианин, — заметил Крюков.

Гершензон посмотрел на него с улыбкой.

— Христианство, ислам, иудаизм — это лишь условности. Разделение идет в сфере культуры, главным образом, в части обрядов. Вера же — понятие общее. Причем, можно быть глубоко верующим и не отдавать себе в этом отчет. Если человек не делает подлостей окружающим из чувства стыда, значит, он верит в Бога. Если же его удерживает страх, он идолопоклонник, язычник, называйте как угодно. При этом он может быть с крестом на шее или обрезан. Как говорили раскольники, церковь не в бревнах, а в ребрах.

— А если человек не боится делать окружающим эти самые подлости? — задал вопрос заинтригованный Крюков.

— Тогда он сатанист! — отрезал Гершензон. — Девиз таких людей — чем хуже, тем лучше. Очень опасная идеология. И, заметьте, она тоже успешно маскируется под так называемые мировые религии или гуманистические учения типа марксизма-ленинизма.

Крамской и Крюков задумались. Сразу видно — интеллеktуал. Не опер вшивый.

— Значит, примерно это происходит сейчас в исламе? — предположил Крюков.

Гершензон утвердительно кивнул.

— Именно. Ислам сегодня находится в большой опасности. В исламском мире к власти рвутся радикалы. С ними заигрывают, их пытаются использовать. Кто — ради политической выгоды, кто — из страха. А ведь они никакие не мусульмане, а манихеи-гностики. То есть, попросту — сатанисты. Христиане в свое время также с трудом преодолели их влияние. Печально знаменитая инквизиция и была создана специально для борьбы с такими сектами. Их называли богумилами, павликианами, катарами-альбигойцами, которые захватывали целые страны или провинции. Еретиками, ведьмами и евреями, — тут Гершензон печально вздохнул, — инквизиторы занялись гораздо позже и по иным причинам.

— А разве эти катары не еретики? — не понял Крюков.

Гершензон отрицательно pokrутил головой.

— Ни в коей мере. Еретик — человек, разделяющий основы религии, но не согласный с частностями. А богумилы и катары отрицали христианство совершенно. Да и не только его. В исламе в то время тоже появилась подобная секта — исмаилиты-ассасины. Убийцы-самоубийцы.

— Типа нынешних шахидов? — уточнил Крамской.

— Опять ошибаетесь, — вскипел эксперт. — Шахид — подвижник, тот, кто после смерти сразу попадает в рай. К ним относятся кроме тех, кто умер за веру, беременные женщины, уoпленники и еще ряд категорий умерших. Но шахидом можно назвать только покойника, живого шахида быть не может. Те же, кого мы с подачи журналистов называем шахидами, на самом деле называются федаинами — людьми, готовыми пожертвовать собой ради идеи. А отсюда до сатанизма — один шаг. Знаете, я не верю в сатанистов, которые собираются по ночам в подвалах или на кладбищах, режут кур и кошек, выкрикивают заклинания и несут прочую чушь. Это просто хулиганы с амбициями. Настоящие сатанисты — те, кто убежден, что чем хуже людям, тем лучше идеям. Они отрицают материальное и превозносят духовное. А по мне духовный тот, кто свое материальное готов отдать нуждающемуся ближнему. Я вас не утодил?

— За это надо выпить, — предложил Крюков. — И можно продолжать.

Все последовали его совету.

— Так в чем проблема ислама? — напомнил Крамской.

— А в том, что лидирующую позицию там сегодня занимают эти самые манихеи-сатанисты. И прикрываются изрядно обветшавшей и заплесневевшей национально-социальной идеей борьбы с материальным миром. Материальное зло в их трактовке — это Соединенные Штаты, Израиль и прочий западный мир, а духовные — это они сами, террористы. Хотя я не назвал бы их нищими. Они отправляют ничего не смыслящих сопляков и баб с «поясами шахидов» взрывать мирных жителей. Дай им атомную бомбу — взорвут, не раздумывая. Это же чистой воды самоубийство, которое осуждается всеми мировыми религиями, исламом в том числе. А тот самый западный мир поддерживает их финансово. Как у нас в России накануне революции всякие фабрикан-

ты — Саввы Морозовы, Шмидты — содержали своих будущих палачей-большевиков. Тоже форма самоубийства.

Крамской задумчиво покусывал листик кинзы.

— Весьма познавательная лекция, — признал он. — Но мы хотели бы узнать ваше мнение о нынешних фашистах.

— О, о них можно говорить часами, — замахал руками Гершензон. — Но если вкратце: фашизм сегодня — не результат каких-то политических интриг. Это естественное настроение, характерное для любого общества периода упадка. Но беда в том, что такое настроение пытаются использовать в своих интересах отдельные преступные группировки. И связи их уходят на самый верх. Причем, сама политическая ориентация тут роли не играет. Как говорил великий и мудрый товарищ Стадии: «Пойдешь налево, придешь направо». Ну, не буду вас сейчас грузить подробностями, все это будет в анализе, который вы мне заказали. Давайте лучше выпьем.

Гости выпили, закусили и засобирались.

— Пора и честь знать, — решительно заявил Крамской. — Спасибо за информацию.

Крюков выразил солидарность с начальником. Они поднялись и пошли к дверям.

— Может, вам помочь со стола убрать? — предложил опер. — А то дочка, поди, нескоро вернется.

Но Гершензон отказался.

— Не трудитесь, скоро помощница придет и все уберет. Машка подругу попросила. Ну, и той подработать не мешает.

Гости вышли. На лестничной площадке они остановились в ожидании лифта. Кабина подошла, двери открылись, и на площадку шагнул негр, одетый как преуспевающий клерк или даже адвокат. Костюм, плащ, в руке кейс, на шее галстук-бабочка.

Негр направился к квартире Гершензона и позвонил. Крюков с Крамским сели в лифт и поехали вниз.

— У твоего Гершензона что, Третий интернационал собирается? — спросил Крюков у начальника отдела расизма.

Тот в ответ только плечами пожал. Потом сообщил:

— Меня на работе не будет день-другой. Надо в одно место слетать. Найдешь, чем заняться? Скоро Волгин должен вернуться.

Крюков заверил шефа, что без работы в ожидании руководства не останется.

Блестящий черным лаком «майбах» въехал в ворота усадьбы Анвара. Барин выбрался из машины, размялся после долгого сидения и окинул взглядом трехэтажную махину дома. Следом салон покинул Оборотень.

От дверей особняка навстречу им уже торопился Анвар.

— Борис Николаевич! Какой гость, э!

Он неодобрительно посмотрел на Оборотню.

— А этот здесь зачем?

— Нужный человек, — буркнул Баринов. — Я ему доверяю.

Они прошли в дом, где их уже ждал накрытый стол. Анвару не хотелось, чтобы их слушали уши прислуги.

Минут двадцать-тридцать они вели светскую застольную беседу. Постепенно от общих тем и сплетен перешли к насущным делам, ради которых Барин и проделал столь долгий путь в тридцать километров.

— Мне пришлось отдать Мусе деньги за товар, который твои люди сожгли в моем магазине во время того погрома в центре, — доложил Анвар. — Много денег.

Сразу и не поймешь — то ли пожаловался, то ли претензию предъявил. Барин решил внести ясность.

— Это твои проблемы. Я-то здесь при чем?

Анвар с горечью рассмеялся.

— Значит, как доход, — так поровну, а убытки — каждый за себя? А не ты ли учил меня, что надо делиться? Так что давай входи в долю. Иначе мне придется закрыть свой бизнес.

— Это твой бизнес, — твердо стоял на своем Барин. — Я с него ничего не имею.

— Зато имеешь с меня, э, — напомнил Анвар. — Ты сидишь на выплатах пострадавшим от терактов, на восстановлении разрушенных объектов. Не будет терактов, не будет денег. Я тебе это устраиваю и не беру с тебя ни копейки. Даже, наоборот, за крышу отстегиваю, э.

— А я прикрываю твою наркоторговлю, — огрызнулся Барин.

— Э, давай не будем торговаться. Мы не конкуренты, а партнеры. У меня трудности. Мне нужны деньги. Много денег, э!

Барин задумался, потом переглянулся с Оборотнем. Тот понимающе кивнул. Барин обратился к Анвару уже без раздражения.

— Хорошо, у меня имеется одно соображение. Я, конечно, никаких денег платить тебе не собираюсь. на это не рассчитывай. Но помочь попробую. В поджоге виноваты скины, значит, и отвечать Жидоморову.

— Что?! — Анвар не понял, смеется Барин или говорит серьезно. — С этого фашиста «бабки» получить? Да его убить легче!

— Я тебе помогу у него «бабки» выбить, — успокоил Барин. — А как твои девочки?

Анвар расслабился. Он знал, что Барин словами не бросается и, если сказал, сделает. К тому же расстановка сил кардинально изменилась. Если сначала Барин выступил в роли его противника, то теперь он становился союзником. Кроме того, шансы получить хоть что-то с Барина равнялись нулю. Другое дело — с какого-то Жидоморова. При условии, разумеется, что у того с Баринем общие дела.

— С куколками полный порядок. Жалко, что Клаву пришлось убрать. Я ее для серьезного дела готовил. Вместо нее Ибрагим другую девочку готовит, Оксану. Но теперь нужно громить Мусу. У него героин, без денег он его не даст, а с твоего Жидоморова еще когда получишь? На хлеб же чем-то надо зарабатывать, да и куколки много порошка расходуют. Я Ибрагиму велел экономить. В пределах разумного, конечно.

Барин сам себе наливал и, не дожидаясь остальных, опрокидывал в рот рюмку за рюмкой. Он пришел в хорошее расположение духа и стал сентиментален.

— Нет базара, ты, Анвар, молодец. Когда было нужно, даже своих жен не пожалел, отправил на дело с поясами. У тебя прямо как в песне: «Раньше ду-

май о родине, а потом о себе»!

— Дело прежде всего, — глаза Анвара сузились.

Он не любил вспоминать об этом. Одну жену, Фатиму, он отправил с самолетом. Она взорвалась где-то над широкой рекой Волгой. Вторую, Зарему, направил в метро «Ржевская». До метро она не дошла, менты спугнули. Взрыв произошел на улице, эффект получился недостаточным и совершенно потерялся на фоне произошедшего вслед за этим захвата в заложники тысячи школьников в городе Сослане.

— Теперь менты всех чеченок проверяют, — заметил Барин. — Вообще всех женщин южного типа. И пассажиры от них шугаются. В одном самолете лететь отказываются.

Анвар оскалил в улыбке золото зубов.

— Мне теперь это не страшно. Мои девочки белые. Понимаешь, в чем прикол? Я готовлю белых шахидок! Это мое «ноу хау». Думаю, спрос на них скоро резко возрастет.

Барин продолжал пить, и теперь его благодушие сменилось слезливой жалостью к самому себе.

— Эх, Анвар-Анвар! Ты вот двух жен лишился, а у меня единственный сын пропадает.

Анвар успокаивающе поднял руку.

— Не волнуйся, все под контролем. Я за ним слежу.

— Наследил уже, — сварливо проворчал Барин. — На иглу ты его посадил. А теперь следишь, чтобы он с нее не соскочил.

От волнения у Анвара прорезался кавказский акцент.

— Э, зачем так говоришь? Он задолго до меня на иглу подсел. Я его хоть немножко в узде держу, э!

Барин ничего не ответил, но про себя подумал: «Ты, козел, не его, а меня в узде держишь, но погоди, сочтемся за все».

Анвар испытующе посмотрел на Барина. Достаточно ли тот трезв, чтобы выслушать его деловое предложение? Но, кажется, водка его не брала.

— Я хотел тебя попросить об одном одолжении, — осторожно начал он. — У меня два дома в центре Москвы стоят. Жильцов выселили, но теперь их бомжи оккупировали.

— А это вот как раз к нему, — Барин указал на Оборотня. — Такая работа по его части.

Оборотень молча кивнул. Видно, уродился столь неразговорчивым. Но когда, уладив дела и ублажив утробу, Барин заглянул перед обратной дорогой в знаменитый золотой туалет Анвара, он задержался в гостинной.

Анвар приблизился к Оборотню и едва слышно произнес:

— Ну, Полковник, не ожидал тебя опять встретить. Ты что, на хвост ему сел?

Но тот в ответ снова не проронил ни звука. Вот он каким оказался — сильным и молчаливым.

Через пять минут гости погрузились в свой лимузин и уехали.

Чтобы скоротать время, Крюков решил разобраться со своим крестником — захваченным им в плен фашистом Витасом. Но ни в один из известных ему столичных следственных изоляторов тот не поступал. Сыщнику пришлось на-

прячь всю смекалку и связи, чтобы найти пропажу.

Оказалось, что Витаса закрыли в камере обычного отделения милиции, расположенного в одном из промышленных районов города. По причине отсутствия населения, особенно в выходные, камеры пустовали. Дежурный по отделению откровенно скучал. Приход опера его развеселил.

— Ну, — хоть кто-то появился. А то прикатали эти, из «глубокого бурения», оставили пацана — и с концами! И что мне с ним делать? Ему ведь даже жрачки не положено. Не за свои же деньги кормить!

— Не волнуйся, — успокоил его Крюков. — Завтра я его заберу в наш «обезьянник». И пожрать принес.

— Петя, открой вторую! — велел дежурный усатому старшине с маленькими бегающими глазками.

Тот невозмутимо двинулся по коридору, Крюков пошел следом. Старшина остановился возле камеры с намалеванной на двери двойкой.

Витас лежал на приподнятом над полом возвышении, гордо именуемым «спальным местом».

— Здорово! — поприветствовал узника Крюков.

Тот недовольно взглянул на сыщика, но, узнав своего победителя, даже оживился.

— А, это ты? Проходи, начальник. Меня посадил, теперь можешь и сам присесть от трудов праведных.

Крюков уселся на доски, предварительно исследовав их взглядом — не бегают ли насекомые.

— Ладно тебе выпендриваться. Попал, значит, не повезло. Я тут пожрать принес.

— А выпить? — спросил пленник без особой, впрочем, надежды.

— Смеешься? — обиделся опер. — Кто же без пузыря в гости ходит? Как говорил папаша Мюллер: «Неудобно без гостинца».

Он распечатал бутылку водки и накапал граммов по семьдесят в пластмассовые стаканчики. Витас тем временем лихорадочно выкладывал из пакета на расстеленную газету принесенную Крюковым закуску: соленые огурцы, древесные грибки в остром корейском соусе, соленую черемшу и маринованный чеснок.

— Без чеснока в камере пропадешь, — со знанием дела заметил Крюков.

Налив водку, он резал копченое мясо. Пастрами он, как ни искал, не нашел. Купил пастрому. Видимо, нечто среднее между пастрами и бастурмой. Мясо было свиным, но оба сотрапезника, по счастью, оказались христианами православного обряда и никаких запретов на этот счет не имели.

Пили и ели молча. Обитатель камеры проголодался, как медведь по весне. Крюков же не начинал разговора из соображений деликатности. Когда литровая бутылка опустела на треть, Витас соизволил, наконец, поинтересоваться у гостя:

— Ты, в натуре, чего приперся? Стучать все равно не буду. Я за хавчик не продаюсь.

Сыщик небрежно махнул рукой.

— А я и не за этим. Просто привет пришел передать от твоих. У них тут на днях «собор» состоялся. Ты в курсе, что они тебя там приговорили?

— Свистишь, ментяра!

Опер сморщился, как от зубной боли.

— Фу, как грубо! Тебе что, больше не наливать?

Витас потупился.

— Извини, погорячился. Ты... Это правда?..

Крюков хлопнул его по плечу.

— Ладно, проехали. Я сам хотел тебя кое о чем расспросить. В общем, твои дружбаны собрались у холма, потусовались немного. А ваш главный предводитель команчей с такой смешной фамилией — типа Негроедов — зачитал список, среди которого прозвучала и твоя фамилия. Потом они сожгли какой-то мусор и закопали в черном гробике. Что бы это значило?

— Это значит, что я для них больше не существую. Крюков задумался.

— Я думаю, это можно пережить. А санкции посерьезнее не предусматриваются? Расстрел условно или двадцать лет домашнего ареста? Может, вне закона объявят — где поймают, там и замочат? Короче, кого-нибудь уже убили при таких же обстоятельствах?

Витас явно не знал, что сказать.

— Жидоморов говорил, что изменники долго не живут. Из тех, кого приговаривали раньше, я знал двоих. Один через неделю после символической казни с моста упал, другой просто исчез. Сбежал, наверное. Не убили же его...

Судя по выражению лица, Витас как раз считал, что предателя убили.

Сыщик решил ковать железо, пока не остыло. И сблефовал.

— А тебя не удивляет, почему они это сделали? Или ты думаешь, что я возле твоей тачки со взрывчаткой случайно оказался? Правильно думаешь, наколка на тебя пришла.

Витас проглотил комок горя. Кадык его так и заходил ходуном. Он был так подавлен, что даже на «вы» перешел.

— Вы можете сказать, кто меня сдал? — спросил он севшим голосом.

Сыщик выдержал паузу и произнес, как уронил:

— Шварц.

За неимением стен на расстоянии вытянутой руки узник принялся биться лбом о настил спального места. Удары выходили на славу — гулкие и четкие. Как в крупный бубен.

— Козлы! Сами сдали, сами и приговорили! Жидомор, сука! Он же наркотой торгует. А Шварц — оборотень из ментов. Причем — зуб даю! — рыба крупная, а зашаривает под мелкого бригадира. Я сначала сомневался, а теперь сто пудов уверен, что меня подставили.

Витас совсем раскис. Крюков для бодрости накатил ему полный стакан. Тот выпил и вовсе завис. Но после недолгой прострации его словно прорвало. Его речь была сумбурна, но лилась непрерывным потоком.

— Я не знал, что взрывчатку вез. Жидомор, сволочь, сказал, что у Шварца для меня есть работа — тачку перегнать. Я же таксистом работал, Москву как пять пальцев знаю. Шварц сам подвез меня на Окружную, высадил и велел ждать белую «газель». Типа — водила меня знает и сам найдет. Потом укатил. Тут «газель» подрулила. Водилу, который ее пригнал, звали Ибрагимом. Я еще подумал: с какой стати Жидоморов с черными связался? Потом укол — и отключился. Все как в тумане. Помню адрес, куда должен подогнать машину. Какие-то имена слышал — этот Ибрагим звонил какому-то Анвару. Подъехали мы, встали, к нам подкатили Анвар, а с ним двое — Барин, солидный такой

мужик, и другой, егооборотнем называли. Этот тоже мент. Может, из милиции, может, из ФСБ или прокуратуры.

— А может, показалось тебе, что он мент? — засомневался опер.

— Не, когда Барин отошел, Анвароборотня полковником назвал. Я только не врубился — звание это или погоняло.

— Слушай, а когдаоборотень-Полковник прибыл, Шварцеще с вами оставался?

— Нет. Он меня как высадил, так сразу и укатил.

Крюковзашевелил извилинами. Алкоголь часто помогал ему находить нестандартные решения и парадоксальные ответы.

— Так, может, это он и есть? — озадаченно протянул сыщик. — Для Анвара этот хмырь — Полковник, для Барина — оборотень, для вас с Жидоморовым — Шварц. А для меня? Поди, он рядом ходит, а я и не догадываюсь?

Он поднялся на ноги.

— Короче, переночуешь здесь, а завтра я тебя переведу в изолятор при нашем управлении. Постарайся до того времени со шконки не упасть.

Перед тем как покинуть отделение милиции, Крюков задержался возле окошка дежурного. Тот играл в шашки с усатым старшиной.

— Спасибо, начальник, — сказал сыщик. — Значит, завтра я подгоню бумаги на перевод и заберу его.

Дежурный только рукой махнул, а старшина засуетился, вскочил и засемянил по коридору в сторону туалета. Там он достал из кармана трубку мобильного и набрал номер.

— Алло, Анвар? Тут нашим зеком интересуются. Заходил один, забрать грозился. Прямо завтра. Понял, жду.

Но Крюков этого не слышал. На улице шел дождь. Опер медленно добрел по лужам до оставленной «рябухи», забрался в салон и задремал.

Святополк Жидоморов положил трубку. Он побледнел, губы его тряслись от ярости. Сидевший напротив него Шварц даже испугался — как бы вождя «кондрашка» не расшиб.

— Обнаглели! — ревел вождь белугой. — С меня деньги требуют! Да это они мне должны платить!

— Что случилось? — спросил Шварц с тревогой.

— С нас хотят слупить неустойку за сгоревший магазин того черного! Там у него якобы тонна героина хранилась. Нет, надо поднимать всех! Мы им покажем!..

Присутствовавшие тут же Хорст, Игнат и Татьяна, видя истерику вождя, чувствовали себя крайне неудобно.

Шварц подмигнул Хорсту.

— Выйдите на минуту.

Ребята вышли в коридор. Из кабинета Жидоморова слов слышно не было, но отдельные звуки долетали. То всхлипы профессора, то гневные интонации Шварца. Видимо, он помогал вождю взять себя в руки.

Не через минуту и не через десять, а через добрых полчаса Шварц появился в коридоре, где его ждали взволнованные соратники.

— Ну, как он? — Татьяна кивнула на кабинет.

— Принял таблетки и уснул, — ответил Шварц. — У нас проблемы и решать

их придется кардинально и в кратчайшие сроки. Татьяна, ты свое дело знаешь. Продолжай работать, но не теряй времени. Докладывай мне или Жидоморову.

«Любопытно, — подумал Хорст, — что это у нее за дело такое, о котором, кроме руководства, никто не знает».

Шварц обратился к Хорсту:

— На тебе изменники. Придется еще раз пройти проверку на арийскую твердость. Я знаю, Витас был твоим другом, и к Ботанику ты хорошо относился. Но решение «собора» не оспаривается и обжалованию не подлежит. Найди предателей, и чем быстрее, тем лучше.

— Игнат, — продолжал Шварц. — Подключай к делу Дыню и неорганизованных скинов. Они нам понадобятся там, где нельзя будет светить наших кадровых соратников. Сейчас останься, остальные свободны.

То, что Игнат когда-то привел Дыню в Подвал на тренировку, еще ничего не значило. Но теперь оказалось, что их связывают тесные отношения. Хорсту это не понравилось, но он промолчал.

Вместе с Татьянкой они вышли под дождь. Хорста так и подмывало спросить ее про спецзадание, но он сдержался. Она заговорила сама:

— Скажи честно, если ты найдешь Ваньшу, ты его сдашь?

— Не знаю, — честно признался Хорст. — А ты веришь, что они с Витасом предатели?

Татьянка дернула плечом.

— Нет. Мне вообще не нравится то, что у нас происходит в последнее время. Старых, проверенных ребят затирают и объявляют изменниками. Шварц подтягивает к Жидоморову каких-то темных прохиндеев вроде Игната и дебила Дыни. Знаешь, мне, наверно скоро понадобится твоя помощь. Могу я на тебя рассчитывать?

— Конечно, — усмехнулся Хорст. — И передавай привет Ваньше.

На этом они расстались и разошлись в разные стороны.

А в это время в кабинете Жидоморова продолжалось совещание. Вопреки заявлению Шварца вождь не спал, а висел на телефоне. Шварц и Игнат молча сидели на диване в ожидании приказов. Из разговора Жидоморова можно было составить однозначное мнение — он получает инструкции сверху. Интересно, от кого?

Наконец вождь закончил разговор и обратился к подчиненным:

— А теперь садитесь ближе и слушайте, что надо делать!

Негр в галстук-бабочке вышел из такси и выругался. Одностороннее движение в центре Москвы доставляло ряд неудобств. И для того, чтобы подъехать к гостинице, ему пришлось бы предварительно прокатить через весь центр и полюбоваться достопримечательностями ночной столицы.

Таксист оценил дополнительную услугу в сотню долларов, включив в эту сумму и услуги гида. Правда, без переводчика. Но негр в галстук-бабочке не собирался бросать деньги на ветер. И сообщив таксисту-шакалу, что он о нем думает, разумеется, также без переводчика, он вышел из машины. Тем более, что до гостиницы было рукой подать — только улицу перейти.

Негр в галстук-бабочке направился к подземному переходу. Настроение ему не испортил даже зарядивший дождь. Он выполнил свою миссию и утром

собирался улететь в свою солнечную Калифорнию, где всем неграм живется привольно и весело. Не то, что в этом рабском раю. Впрочем, слова «раб» и «славянин» по-английски звучат одинаково.

В подземном переходе было светло и чисто. Шаги гулко отдавались в пустом пространстве. Русские подземными переходами по ночам не пользуются. Не потому что боятся — им все по фигу. А потому, что какой дурак полезет в переход, когда улица пустая?

Негр в галстук-бабочке шел, насвистывая веселый негритянский, что характерно, мотивчик. К его удивлению, где-то за спиной он услышал в такт мелодии топот ног, обутых в тяжелые ботинки. Кто-то куда-то торопился. Негр удивился вдвойне. Он считал, что если русские торопятся, то никогда не воспользуются подземным переходом. Эти двое воспользовались.

Лица у обоих закрывали капюшоны надетых задом наперед спортивных курток-ветровок. Для глаз были прорезаны дырки. Так одеваются хулиганы в Гарлеме. Но почувствовать себя как дома негр в галстук-бабочке не успел. Удар обрезком водопроводной трубы лишил его сознания.

Последнее, что он видел, была огромная пятерня, сжимавшая орудие убийства. Для верности убийца нанес еще несколько ударов по голове, разбрызгивая по стене перехода кровь и мозги жертвы. Он бы продолжал бить и дальше, но напарник схватил его за рукав.

— Хорош, сваливаем.

Никем не замеченные, преступники покинули подземный переход и растворились за пеленой дождя.

Оставшись в одиночестве, Витас допил водку — не ментам же ее оставлять! — и улегся спать. Он не проснулся, даже когда дверь камеры со скрипом открылась. Вошли двое. На обоих — спортивные куртки-ветровки, но на этот раз надетые нормально, а не задом наперед. Они осторожно приблизились к спальному месту.

— Ну вот, спит. А ты боялся, — сказал один из вошедших другому.

Тот нагнулся к заключенному и потряс за плечо.

— Подъем, фашистская морда!

Витас открыл глаза. Если бы не последствия опьянения, он вполне успел бы среагировать. Но не сейчас. Удар водопроводной трубой отбросил его на спальное возвышение, за первым ударом последовал второй. Били вдвоем, торопились. Убийцы знали, с кем имеют дело, и боялись своей жертвы. Соображали — если он сумеет встать, то они лягут, причем навсегда.

Поэтому сейчас один другого не оттаскивал, а, наоборот, оба молотили, как Ленин на субботнике. Устав, посмотрели на дело рук своих и не ужаснулись, но удивились.

— Ну, напахали! — с восхищением в голосе признался длинный и худой. — Полковник будет доволен.

Второй, потолще, также замер в изумлении. Он сжимал трубу своей громадной пятерней и разглядывал то, что совсем недавно было человеческой головой. Его напарник первым пришел в себя.

— Дыня, гнида, а почему ты без перчаток работаешь? — только сейчас он заметил это упущение. — Засветиться хочешь? Ты же нас обоих спалишь!

— Не ссы, Игнат, — успокоил его Дыня. — Сейчас выйдем, дыны в Язу по-

бросаем, а там пусть рыбы отпечатки снимают. Я что, виноват, что на мою грабалку ни одни перчатки не налезают? — с гордостью пожаловался здоровяк. — Даже зимой без перчаток хожу. Холодно. А отпечатков моих у ментов все равно нет. Если что, сравнить не с чем будет. Я чистый как стиральный порошок.

Они вышли, как и вошли, тихо и аккуратно. Возле двери камеры им пришлось перешагнуть через труп усатого старшины. И у того голова была разбита ударом обрезка трубы, хотя и не так сильно. Дыня ударил его всего один раз, но крепко. Мимо дежурки прошли незаметно. Дежурный, сраженный слоновьей дозой снотворного, которое подсыпал ему усатый старшина, храпел у себя в будке.

Крюков проснулся от холода. Он не поднимал до конца стекла в машине, и холодный сырой воздух пробрал его до костей. Опер вылез наружу и помахал руками, чтобы немного согреться. От отделения милиции он так и не отъезжал и сейчас увидел в темноте два силуэта, которые показались из дверей отделения и направились в его сторону.

Сыщик, хотя и работал в милиции, не любил приставать к прохожим по пустякам. Ему не приходило в голову тешить свою гордыню, заставляя граждан предъявлять документы. Но сейчас почему-то решил — этих двоих надо проколоть. Может быть, они тоже интересуются узником камеры номер два?

Сыщик выждал, пока неизвестные приблизятся.

— Граждане, давайте задержимся и предъявим документики, — предложил он.

И едва успел уклониться от летящей в голову ноги. В ответ он ударил сам. Противник тоже ушел, но удар опера, хоть и вскользь, заставил его пошатнуться.

Второй незнакомец в драку не вступал, наоборот, удержал своего товарища, когда тот вновь рванулся в атаку.

— Подожди, Вадим, а вдруг он и вправду из милиции. Кто вы? Представьтесь, пожалуйста.

Голос явно принадлежал человеку в возрасте.

— Меня зовут Крюк. Опер Крюк, — сыщик отступил на шаг и галантно кивнул. И добавил: — Старший опер Управления спецслужбы МВД России.

— Орлов Федор Иванович, генерал-полковник в отставке. Для друзей дядя Федор, — старший из незнакомцев протянул Крюкову свое удостоверение.

— А я для друзей — просто товарищ полковник, — съязвил недавний противник Крюкова. — Только удостоверение с собой не ношу.

— Прекрати ерничать, Вадим, — снова одернул спутника генерал и обратился к Крюкову. — Извините за недоразумение. Он действительно полковник, хотя и молод. Мы приняли вас за... за другого. Вадим, извинись!

— Извини... что слабо врезал, буркнул Вадим.

Сыщик развел руками.

— Понимаю, бывает. Дождь, темно. А вы не из отделения идете?

Генерал посмотрел на него очень внимательно и отрицательно покачал головой.

— Нет. мы с коллегой просто шли мимо.

«Врет, — подумал сыщик. — Я же видел, как они из дверей выходили. При-

дется заняться товарищем генералом дядей Федором и товарищем полковником Вадимом поплотнее. Вот только когда?»

— Так мы можем идти? — уточнил генерал.

— Разумеется, — любезно улыбнулся Крюков.

Он внимательно проследил, как генерал с полковником уселись в навороченный, размером с небольшой грузовик, джип и укатили.

Короткая потасовка согрела опера, и он вернулся в машину. Остаток ночи он провел спокойно, проснулся утром от воя сирены «скорой помощи». И глазам не поверил. У дверей отделения толпился народ. Стояло несколько машин — «скорой» и милицейских. Сыщик выбрался из своего тихого угла и поспешил к собравшимся. Небольшая толпа зевак состояла, в основном, из тех, кто шел на работу. Сыщик обошел любопытных и увидел знакомое лицо водителя дежурной машины с Петровки.

— Что тут стряслось? — спросил опер.

— А, — водитель возмущенно махнул сигаретой, отчего горящий кончик ее отломился и полетел в лужу. — Задолбали совсем эти бандиты-террористы и еще не знаю кто! Вошли в отделение, дежурного траванули какой-то дрянью, старшину, который арестанта караулил, наглухо завалили.

— А арестант? — с волнением спросил сыщик. — Он с ними ушел?

— Куда же он уйдет? — ухмыльнулся водитель. — Арестант, как говорится, со шконки упал. Башка вдребезги, мозги по стенкам. Я сам не видел, не люблю ужасы смотреть.

Крюков вернулся к «рябухе» и запустил двигатель. Пока он прогревался, сыщик оценивал сведения, которые имел, и сравнивал их с доказательствами, которых у него не было.

И какое отношение к этому имели генерал Орлов и его полковник? Документов Вадима Крюков не видел, поверил генералу на слово. Поэтому он не мог сказать — означало ли слово «полковник» звание Вадима или было кличкой. Количество неизвестных в задаче давно зашкалило за максимум и поставило ее решение под большое сомнение.

Сыщик тронул машину и задумался. Из множества вопросов во всей остроте перед ним встал самый насущный — где в это время можно позавтракать?

4

Муса перевел Алана в охрану не от хорошей жизни и не потому, что испытывал к нему какое-то расположение. Просто назревала буря. Муса ждал ее со дня на день. С какой стороны она разразится, оставалось для него пока неясно, поэтому лучше было перестраховаться. Алан показался ему парнем добросовестным и крепким. Одним словом, надежным. Поэтому на следующий же день после инцидента в шашлычной бывшего милиционера ждала новая работа.

Ничего сложного в ней не было. Ходить по рынку с примитивной рацией и резиновой дубинкой, пресекать нарушения и слушать по рации коллег и старших. На вызовы реагировать. Первый день прошел без происшествий.

После работы Алан шел домой. Сразу за рынком дорогу ему перегородила черная «БМВ» — «трешка». Из машины выскочили четверо брюнетов с пистолетами в руках.

— Залезай, — один из них указал стволом на раскрытую дверь.

Алана усадили на заднее сиденье и взяли в клещи с обеих сторон. На голову нахлобучили мешок.

— Не дергайся, — произнес голос с сильным южным акцентом. — С тобой пагаварыть хотят.

Алан и сам догадался, что если бы его хотели убить, то завалили бы тут же, возле рынка. А вот кто хотел с ним пообщаться — вопрос интересный. Если Полковник, то жить Алану останется недолго и мучительно больно, как Павке Корчагину из китайского многосерийного фильма.

Что ж, в этом случае он постарается умереть не один. Зачем гонять старого Харона, перевозящего души мертвых через реку забвения, несколько раз? Да и как-то веселее будет путешествовать в страну мертвых не одному, а в компании. Пусть даже в компании врагов. Все же не чужие.

Ехали быстро и недолго. Алан прикинул расстояние — километров двадцать-тридцать. Потом машина въехала в какой-то двор и остановилась. Алану помогли выбраться и провели в дом. Он ожидал, что теперь с его головы снимут мешок, но этого не произошло. Дышать через пыльную тряпку было неприятно, но спокойно. Раз от него прячут лица, значит, убивать не собираются. И даже если Полковник пройдет мимо, то вряд ли узнает Алана.

Его провели довольно длинным коридором, затем остановили и заставили сесть на табурет. Вокруг себя Алан почувствовал присутствие нескольких человек.

— Как тебя зовут? — спросил низкий хриплый голос с тем же южным акцентом.

Алан назвался.

— Ты осетин? — спросил невидимый собеседник.

Алан подтвердил.

— Христианин?

— Нет, мусульманин, — возразил Алан. — Среди осетин есть немало мусульман.

Собеседнику ответ понравился.

— Значит, ты суннит. Это хорошо. Ты ведь не собираешься лизать пятки этой шиитской собаке — Мусе? Мы твои братья по вере.

Алан мысленно усмехнулся. В братья набиваются, а морды прячут.

— И чего хотят от меня мои братья по вере? — спросил он.

— Я должен знать все, что затевает Муса.

Конечно, что же еще? Спасибо, что не просят заложить бомбу в здание администрации рынка. Впрочем, все еще впереди.

Отказываться Алану не пришло в голову. Собственно, он приехал в Москву не затем, чтобы делать карьеру в хозяйстве Мусы. Его цель — найти и убить Полковника. И, кажется, сейчас он приблизился к ней еще на один шаг.

— На кого я буду работать? — спросил Алан.

— Тебе этим лучше пока не интересоваться. Сначала мы должны убедиться, что ты серьезно воспринял наше предложение. Знаешь Ибрагима? Если встретишь его на рынке, делай вид, что незнаком. Но если Ибрагим тебя о чем-нибудь попросит, ты должен будешь выполнить. А сейчас тебя отвезут домой. Помни, к нам вход — рубль, выход — смерть.

После такого ободряющего напутствия Алана действительно погрузили в машину и отвезли домой. Вытолкнули его из машины не очень-то по-братски. А если они и в самом деле так обращаются с братьями, то как же поступают со всеми остальными?

Когда он содрал с головы мешок, оказалось, что стоит возле рынка, но не там, откуда его забрали, а со стороны задней глухой стены. Машины похитителей и след простыл, только вдали мелькнули красные огоньки габаритных сигналов.

Утром Хорст проснулся поздно, да и то только потому, что его поднял с постели телефонный звонок. На этот день, на вторую его половину, у него планировались исключительно шкурные дела. Знакомый торговец попросил помочь — съездить к клиенту, получить должок. Собственно, подобные акции и давали Хорсту хлеб насущный.

Но утренний звонок, а звонила Татьяна, заставил его в корне поменять планы.

— Мне срочно нужно тебя видеть, — сказала она.

Хорст оделся и вышел на улицу. Татьяна сидела под морозящим дождем. Она была чем-то подавлена.

— Я была на опознании, — сообщила она. — Опознавала Витаса, он в морге.

— Что?! — Хорст не верил собственным ушам. — Как в морге? Он что, умер?

Татьянку колотило.

— У-убили Витаса, у меня предчувствие было. П-проводи меня.

Хорст крепко взял ее под руку. Ему самому сейчас не повредила бы поддержка, но он держался. Надо было хоть как-то разрядить обстановку. Спросить о чем-то постороннем.

— Слушай, а почему тебя Татьянкой зовут? — спросил он.

— Что? Ах, Татьянкой? Так атомную бомбу называли, которую взорвали над Тоцким полигоном.

— Это я знаю, — признался Хорст. — Но ты-то здесь при чем?

— Так у меня фамилия — Тоцкая. Меня Жидоморов полгода проверял — еврейская или польская? А эту фамилию моему деду в детдоме дали. Его после взрыва неподалеку от полигона нашли.

— А куда же его родители делись?

— Я думаю, погибли от взрыва. Ты думаешь, что я по жизни такая отмороженная? Мой дед умер в двадцать два года. Моему отцу тогда всего два года стукнуло. И он прожил двадцать два года и умер. Это случилось, когда мне тоже исполнилось два года. Интересная закономерность, правда? Мне сейчас семнадцать с половиной. Сколько еще осталось, как ты думаешь?

Хорст готов был с разбегу треснуться лбом в стену. Ничего не скажешь, теперь это называется — отвлек девчонку от тяжелых мыслей! Психотерапевт хренов!

Дальше пошли молча, каждый думал о своем. Хорст никак не мог понять, что послужило причиной смерти Витаса, но не решался спросить. Неожиданно для него Татьяна остановилась.

— Ну, вот мы и пришли.

Хорст огляделся в некотором недоумении.

— И куда это мы притопали?

Но Татьяна не ответила, а сама задала вопрос:

— Ты правда хочешь разобраться в смерти Витаса? — А ты сомневаешься? — вспыхнул Хорст.

— Нет, не сомневаюсь. Тогда тебе надо поговорить с Ваньшей.

— А где он?

Татьянка задумалась, потом как будто решила.

— Пошли, — она решительно потянула Хорста к подъезду, но он удержал ее.

— Постой!

Он увидел как из подъезда, к которому они направлялись, вышел дядя Федор. Его сопровождал Вадим. Они подошли к навороченному черному джипу, который Хорст к стыду своему сразу не заметил, и сели в него. Джип Отъехал, и Хорст последовал за Татьянкой в подъезд.

Только когда они вышли из лифта и остановились перед дверью квартиры, он догадался спросить:

— Куда ты меня привела?

— Помнишь, кому на «соборе» анафему кричали? Гершензону. Это его квартира.

— А что ты тут делаешь? — не понял Хорст.

— Я с его дочкой, Машкой, в одном классе училась. А здесь по спецзаданию Жидоморова Гершензона пасу. Только он, по-моему, давно обо всем догадался.

Дверь открыла девушка. Хорст сразу узнал ее. Это она бросала на лекции яйца в Жидоморова, это за ней он гнал, и это ей помог выбраться через служебный вход.

— Привет, — сказала она.

Хорст замялся и еле выговорил:

— Я тот раз не назвался... Дима. Мама Митей зовет, — прибавил он, сам не зная зачем.

А сам подумал: «Так ведь и имя свое забыть можно. Все Хорст да Хорст».

Он с трудом узнавал сам себя. Голос его не слушался, руки как-то предательски задрожали. Хорст торопливо отвел глаза.

Маша смотрела на него пристально. Станный парень... Что это с ним? А вообще он даже симпатичный. Она неожиданно поймала себя на мысли, что ей хотелось бы видеть его почаще... Почаще? Зачем? Маша рассердилась сама

на себя за дурацкие желания.

— У тебя красивое имя, — сказала она. — Проходи...

Татьянка наблюдала за ними с любопытством. —

Из комнаты доносился разговор и один из голосов, без всякого сомнения, принадлежал Ваньше. Хорст заглянул в комнату. Так и есть. Ваньша спорил о чем-то с пожилым мужиком в очках. Мужик сидел в кресле-каталке. Судя по всему, это и был хозяин квартиры, проклятый и похороненный Святополком Жидоморовым, Моисей Вольфович Гершензон. Оба спорщика так увлеклись, что даже не заметили вошедших.

— Сионизм — это идеология мирового господства, — горячо, чуть ли не брызгая слюной, доказывал Ботаник.

— Нет, суть сионизма состоит в том, чтобы собрать евреев в своем еврейском государстве, а вовсе не покорять мир, — возражал Моисей Вольфович.

Но Ботаника было не так легко переубедить.

— Тогда получается, что и Гитлер сионист? Ведь он сделал все, чтобы евреи покинули Европу и переселились в Палестину!

— У нас гости! — прервала их Маша. — Кто будет чай?

— Здравствуйте, — вежливо кивнул Хорст.

Увидев его, Ваня Ботаник, скорее, испугался, чем обрадовался. Он не знал, чего ждать от друга и соратника. Но в дверях появилась Татьяна. Тут Ботаник расслабился. Но ненадолго.

— Витаса убили, — сказала Татьяна. — Вот и начало сбываться проклятье Жидоморова. Имейте в виду — Ваньша тоже в списке!

Ботаник побледнел. Не помогли и тренировки арийской твердости. Но тут из кухни выглянул еще один обитатель квартиры. Хорст узнал в нем предводителя антифашистов, обладателя редкой рыжей бородки, которого он так удачно пнул в ягодицы в вестибюле клуба. Кажется, его называли Санчесом.

Окинув компанию придирчивым взглядом, рыжебородый Санчес с неодобрением заметил:

— Фашистского полку прибыло? Моисей Вольфович, у вас таки погром?

Особенно не понравился ему Хорст. Но присутствие Татьянки заставило его смягчиться. Он ей даже улыбнулся. Самое смешное, что она улыбнулась ему в ответ. Это уже не понравилось Ваньше.

Атмосфера начинала наэлектризовываться. Пришлось хозяину брать инициативу в свои руки.

— Вы ко мне? — обратился он к Хорсту.

— Нет, — замялся тот. — Я вот с товарищем поговорить хотел... Вань, пошли, потолкуем.

Вдвоем они вышли на лестничную площадку и пристроились на широком подоконнике.

— Ну, ты как тут? — спросил Хорст.

Ботаник только рукой махнул.

— Сам видишь, прячусь. Разве это жизнь?

— И как же ты до такой жизни дошел? — Хорст не хотел подкалывать Ботаника, просто само с языка сорвалось.

Но Ваньша лишь сокрушенно вздохнул.

— Игнат меня подставил. Стукач он. Я это давно понял.

Хорст усмехнулся.

— А почему сразу не сказал?

Ваньша всем своим видом изображал уныние.

— Собирался сказать, да не хотел выглядеть стукачом. А потом уже поздно было. Игнат на меня телегу погнал. Жидоморов поверил и меня приговорил. А теперь кто мне поверит? Вот здесь и прячусь. Спасибо, Татьяна пристроила.

Татьянка тоже вышла из квартиры и подошла к друзьям.

— Я узнала — Витаса в ментовке убили. Разбили голову в камере.

— Козлы!

Хорст поднялся.

— Мне пора.

Ваньша проводил Хорста до лифта.

— Ты можешь мне не верить, но я тебя прошу — опасайся Игната. Он не просто стучит. Он меня подставил, и тебя подставит.

Подошел лифт. Хорст собрался войти в кабину, но вспомнил о встреченных возле подъезда.

— А дядя Федор случайно не к Гершензону приходил?

— К нему. И Вадим с ним.

— О чем они разговаривали?

Ботаник развел руками.

— Не знаю, они в кабинете закрылись. Мы в это время на кухне чай пили. Мне кажется, что-то готовится.

Татьянка тоже подошла к лифту.

— Я больше к Жидомору в «Братство» не вернусь, — сказала она Хорсту.

Тот удивился.

— И куда ты денешься? Здесь тебе долго нельзя оставаться. Неспроста тут дядя Федор оказался.

Татьянка понизила голос до шепота, чтобы не услышали посторонние:

— У меня сестра двоюродная под Москвой живет в поселке «Дружба». Съезжу к ней. Понравится — останусь. Там место тихое.

Хорст ушел, охваченный сомнениями. Он вдруг почувствовал, что привычный, устойчивый мир его жизненных ориентиров дал трещину и заколебался. И в середине этого мира теперь стояла смешная девчонка Машка...

Крюков томился в отделе «Расизма и расовой дискриминации» от безделья и одиночества. Крамской с Волгиным болтались где-то по своим командировкам. А он один за всех отдувался. Хотя, откровенно говоря, особенно отдуваться ему не приходилось. Более того, в отсутствии начальства и конкретных обязанностей он находил немало приятного.

Опер посмотрел на часы. Без пяти одиннадцать, время, когда по мнению Винни-Пуха, пора чем-нибудь подкрепиться. Выбор — от буфета, который находился на первом этаже особнячка, до экзотических забегаловок типа японская «сушишечная» или итальянская «равиольня» на другом конце Москвы. Когда нечего делать, все близко. Было бы хорошее настроение, а оно у сыщика как раз было. Но недолго.

Все испортил телефонный звонок. Крюков все еще надеялся, что тот, кто звонит, попал «не туда». И ни фиги не угадал.

— На проводе Смольный, штаб революции! — измененным голосом представился он.

— Крюков, ты? — на другом конце провода полковник Шабанов чуть не выронил трубку от изумления. — Я же звоню в эту... как ее? В отдел расизма и хрен знает чего.

— Говори, что у тебя. Я тут за главного.

— Вахтером, что ли? — расхохотался Женька. — Ладно, слушай. Тут негра грохнули, причем с особой жестокостью. Башку размолотили вдрызг. Тяжелым и очень тупым предметом. Чем-то похожим на твою голову.

Крюкову вдруг страшно захотелось есть. Аж в желудке заурчало. А тут какие-то негры.

— Говори короче, — попросил он. — Что за негр? Студент? Репер?

Но Шабанов не торопился. Наверно, гад, только что позавтракал.

— Негр не простой, — интригуяюще сообщил он, — а солидный, хоть и без документов. В галстук-бабочке. Из Америки.

— Почему из Америки? — насторожился сыщик. — Как определили?

— По зубам. У него зубы классные. И дорогие. Такие только в Штатах делают, эксперты ручаются.

Опер знал одного негра в галстук-бабочке. Вернее, знал того, кто его знает. Но он был профессионалом, а потому первым делом постарался сачкануть.

— Если труп из Америки, отправь его фээсбэшникам.

— Пробовал, не берут, — признался полковник. — Дело, говорят, не государственное. А им террористов ловить надо.

Крюков сделал вид, что снова ничего не понимает.

— Ну, тогда сам и раскрывай. А я-то тебе зачем?

— Протокол подписать. Теперь все, что на расовой почве, ваша бригада визуировать должна.

— Ты же мою подпись знаешь. Возьми и сам изобрази закорючку, — посоветовал опер.

Наученный горьким опытом, опер положил трубку и собрался исчезнуть, но подлый телефон зазвонил снова. Желудок отозвался бурей недовольства.

«Так ведь и язву можно заработать или гастрит», — с беспокойством подумал сыщик.

— Чаво надо?! — рявкнул он в трубку.

— Игнат это, — голос собеседника звучал глухо. — Слышь, начальник, нужно срочно увидеться. Козел этот, Хорст, вокруг меня круги нарезает. Боюсь, он что-то подозревает. А такому, как он, убить — два пальца обсморгать. Мразь фашистская! А у меня информация ценная, слить надо.

— А я выступаю в роли сливного бачка? — Крюков даже немного развеселился. — Ладно, давай через двадцать минут у входа на рынок Мусы.

Сейчас главным для него стало как можно быстрее и дальше уйти от телефона. А там, вне стен этого дурацкого кабинета, можно найти много еды, причем прямо на улице. А на рынке! За это время можно съесть очень много.

Положив трубку, сыщик чуть ли не бегом бросился вон из кабинета и в дверях столкнулся с входящим в кабинет Крамским.

— С ума сошел? Куда несешься? — удивился начальник.

— Тороплюсь, у меня встреча с агентом! — крикнул ему на прощанье сыщик, исчезая за изгибом коридора...

Хорст выследил Игната там, где и ожидал встретить, возле рынка Мусы. Он прохаживался вдоль внешних торговых рядов вместе со своим новым дру-

гом — Дыней.

Разговора их Хорст, разумеется, слышать не мог, но, судя по всему, Игнат убалтывал Дыню на какое-то серьезное дело. Дыня всем видом выражал недовольство, вероятно, предложение казалось ему опасным. То ли риск слишком высок, то ли оплата слишком низка. В итоге они не договорились. Дыня увидел Мусу и направился к нему.

«Жаловаться на беспредел», — предположил Хорст.

Игнат тоже развернулся и пошел в сторону шашлычной. Несмотря на довольно прохладную погоду, столики с улицы еще не убрали. За крайним сидел знакомый Хорсту опер. Они на пару с ним отмахивались от черных на пустыре. Игнат подошел к оперу и присел на свободный стул.

Хорст слышал, что за ценные сведения менты угощают своих стукачей водкой и закусью, а то и деньжат подбрасывают. Игната мент угощать не торопился. Наоборот, слушал его с раздражением.

Хорсту и в голову не могло прийти, что разговор у опера со стукачом шел именно о нем.

— Это Хорст, — убеждал Игнат сыщика. — Он и черномазого замочил, и корешка своего Витаса, чтобы тот его не заложил.

— Зачем? — Крюков старался как можно тщательнее пережевывать хорошо прожаренное мясо.

— Откуда я знаю? — тарачил для убедительности глаза Игнат. — Надо его в камеру забить, а там он все скажет.

Игнат несколько оживился, обнаружив, что опер вроде бы заинтересовался его персоной. Сыщик и в самом деле пристально его разглядывал, но по другой причине. Он прикидывал — не могла ли фигура одного из налетчиков в масках, сбежавших из квартиры убитой девушки по имени Жасмин, принадлежать Игнату? Могла. Но не факт.

— У тебя все? — спросил сыщик.

Назойливый стукач успел ему изрядно надоесть. Толком так ничего и не сообщил, только от еды отвлекает. А ведь это вредно.

— Нет, не все, — Игнат действительно боялся Хорста, и ему очень хотелось бы узнать, что тот очутился за решеткой. — Они что-то готовят. Акцию.

— Драку, что ли? — уточнил Крюков.

— Драка — это само собой. С «архангелами» мочилово предстоит. Я, понятное дело, не полезу.

— Почему? Там же твои соратники сражаться будут!

— Да пошли они! — ухмыльнулся Игнат.

«Да, он, конечно, подонок и предатель, — отдал опер должное своему собеседнику. — Но зато натура цельная и последовательная — предает всех подряд. Лишь бы не прозевать, когда до меня доберется».

Сыщик почувствовал, что немного пожадничал и перебрал с шашлыком. В таком состоянии присутствие Игната стало еще невыносимее. Сыщик прогнал предателя. Потом поднялся с места и двинулся малой скоростью к метро.

Лезть в машину не хотелось, куда приятнее казалось постоять на сквознячке против раскрытой вагонной форточки. К тому же риск стать жертвой террористического акта превращал банальную поездку в подобие русской рулетки.

Целью опера было родное управление, куда он заходил последний раз за-

тем, чтобы занести на экспертизу студенческий билет Хорста.

Прихватив по дороге бутылку приличной водки (с пробкой-закруткой, очищена молоком), сыщик заглянул к криминалистам. Эксперт Крестинин будто сквозь бутылочное стекло унюхал пары спирта. Эксперт, ничего не скажешь. Он вырос перед Крюковым, как из-под земли.

— Принес? — не то спросят, не то констатировал он.

Сыщик изобразил на лице высшую степень обиды.

— Угадай с трех раз. Но имей в виду, у меня как при социализме — оплата по труду, а не по потребностям. Признавайся, работа адова будет выполнена или выполнена уже?

По тому, как надулись щеки эксперта-криминалиста, Крюков понял, что поставленная перед ним непростая задача блестяще решена.

— На ксиве, которую ты мне приволок, — начал он, — я обнаружил более или менее свежие отпечатки двух типов. Один из них установлен по картотеке, другой не значитя. Но!..

Крюков затаил дыхание. Ради такого момента стоило жить и терпеть магнитные бури, паленую водку, несправедливость начальников и призрачность заслуг в глазах ничтожеств.

— Та же пара отпечатков оказалась на обрезке металлической трубы, которой убили негра в подземном переходе, и на ломике, которым, по всей вероятности, были убиты арестант и старшина, охранявший его в отделении милиции. Женька Шабанов попросил сделать экспресс-экспертизу. Коньяк поставил, не то, что некоторые крохоборы.

— У него зарплата больше. Так кто из двоих установлен? — нетерпеливо спросил Крюков.

— Какой-то Игнатов, вот его полные установочные данные, — Крестинин протянул ему исписанный листок.

Игнат? Совпадение полностью исключалось. Интересно, кто же второй? Неужели Хорст? Логично, но не факт.

Сыщик выставил на стол бутылку водки и спрятал листок в карман.

— Имей в виду, я к тебе не заходил, ты меня не знаешь.

Крестинин пожал плечами.

— Как сказал Олег Кошевой Зое Космодемьянской на очной ставке в гестапо — я тебя первый раз вижу.

Довольный и заинтригованный, сыщик покинул кабинет трудолюбивого эксперта.

Татьянка приехала в «Дружбу» на рейсовом автобусе. Последний раз она приезжала в гости к родственникам года два назад. Единственная улица поселка показалась ей подозрительно пустынной. То есть вообще никого — ни людей, ни собак, ни кур.

Не то, чтобы она испугалась, но привычно насторожилась. И вдоль улицы она шла не посередине, а держась поближе к забору. И когда в конце улицы, поднимая клубы пыли, показался битком набитый джип, она успела схорониться в кустах за толстым стволом ивы.

В джипе сидели все, как один, кавказцы. Или арабы? Вряд ли Татьяна сумела бы понять разницу. Ехали они не спеша, глазели по сторонам. То ли кого-то ловили, то ли просто девок высматривали. Татьяна переждала, пока

джип не отъехал на безопасное расстояние, и пошла к дому дяди. Вечно распахнутая калитка в заборе сейчас оказалась крепко заперта на щеколду. И дверь дома — где это видано? — заперта.

Татьянка постучала. Из дома отозвалась Надежда, ее двоюродная сестра:

— Кто там?

— Свои! Надюха, открывай!

Загремел засов. Дверь осторожно приоткрылась. Из щели высунулась рука, ухватила Татьянку за рукав и потянула в дом.

— Давай быстрее!

Внутри дома было все как всегда. Пропахшая сыростью веранда, разохшиеся половицы. Мебель вся старая — начала шестидесятых. Из обновок лишь новый телевизор с маленьким экраном.

— Видала? Батя заработал, — похвалилась Надежда.

— Из-за этого сокровища и дверь запирают стали? — догадалась Татьяна.

— Ну да, но не только. Чужих в поселке много появилось, — сестра тяжело вздохнула. — Задолбали совсем чуреки. Хозяевами себя здесь чувствуют. Урожай у местных скупают за гроши, так те им еще и спасибо говорят. А без них теперь вообще никуда не денешься. Филимон, сосед, попробовал картошку в Москву на своем «москвиче» отвезти — недалеко ведь. Так его там так отдела-ли, что он еле живой вернулся. Товар отобрали, в машине стекла побили, колеса порезали. И везде одни черные, все ими схвачено.

Татьянка сочувственно поохала.

— И не говори! Что над православными творят, мусульмане хреновы!

— Не скажи, — возразила Надежда. — В «Покровском», где татары живут, мечеть построили, так наши абреки наехали туда, все там поломали, а муллу убили. Они же не нормальные мусульмане, а ваххабиты. Главный у них не то эмир, не то амир. Его Анваром зовут. Но одно хорошо — ваххабиты мужикам пить не велят. Батя лишь кряхтит. Самогонный аппарат сломали.

Татьянка достала из пакета литровую бутылку водки.

— Вот я ему привезла. А это тебе.

И она протянула Надежде плотный пакет.

— Спрячь. Здесь фотографии. Я потом их заберу. А если со мной что-то случится, отвези их в Москву одному человеку. Зовут его Хорст, адрес и телефон там записан.

К вечеру подтянулись родители Надежды. Брат ее третий год сидел в тюрьме за ограбление продуктового магазина.

Отец Надежды, Семен Иваныч, он же дядя Татьянки по матери, ужасно обрадовался гостинцу. Тут же налил себе полный стакан и с наслаждением вытянул его до дна.

— Закуси, — жена толкнула его могучей ручищей так, что голова дяди Сени мотнулась в сторону как маятник.

Но он сглотнул последние капли и только крякнул.

— Хорошо пошла! Хоть не закусывай.

Все сели ужинать. Дядя Сеня налил себе еще стакан. Его жена тетя Галя выставила на стол кислую капусту, соленые огурцы, сало. Разлила по тарелкам щи. После смерти Татьянкиного отца дядя Сеня стал называть ее дочей. Когда-то он был школьным учителем и обладал некоторой поверхностной начитанностью.

— Имей в виду, доча, — говорил он, — после отца материн брат — ближайший родственник. «Уем» назывался и древних славян. Значит, я тебе кто?

— Кто-кто? Уй в кожаном пальто! — хлопнула богатырской дланью по плечу мужа тетя Галя.

— А ты чего, доча, прикатила? — поинтересовался между делом дядя Сеня. — Соскучилась или как?

— Соскучилась, — призналась Татьяна. — А может, и поживу немного. Не прогоните?

Дядя Сеня заглянул в сильно опустевшую бутылку и решительно кивнул.

— А живи! Не прогоним. Не чужие ведь. Я тебе этот... как его? «Ер», что ли? Вот маразм! Так что живи, пока хозяева не надоедят. У нас тут хорошо, спокойно.

Дальше разговор зашел привычный и понятный. Дядя Сеня то крыл черных за чинимый в «Дружбе» произвол, то расхваливал, заверяя собравшихся, что «с нами, козлами, иначе нельзя». После четвертого стаканчика (граненого, емкостью двести граммов) он упал со стула и захрапел, свернувшись калачиком прямо на полу.

Надюха тоже налила себе полстакана и залпом махнула его. Жалко, папа не видел, в отца пошла дочка. Не закусив, она подперла голову руками и тихо завывала. Татьяна испугалась, что кухня сейчас петть начнет. Но нет, обошлось. Бог миловал. Она всего-навсего принялась жаловаться.

— Знаешь, Танька, вали-ка ты отсюда по-быстрому. Не жизнь тут, а каторга. Из дома нельзя выйти. Чурки всех девок перетрахали, а свои парни все по тюрьмам. Этот, уй с горы, думаешь, почему такой добрый? Он тебя завтра же Анвару продаст!

— Он ведь мой дядя! — изумилась Татьяна.

— Ну и что? — теперь удивилась Надюха. — От тебя не убудет. А деньги Анвар отвалит по здешним меркам немалые. Ты девка вся из себя видная. Будешь у Анвара в особняке, как в раю.

— А ты там уже бывала? — прямо спросила Татьяна.

— Бывала. Наши девки все там побывали. Только не в блоке, а в доме.

От Татьянки не укрылось новое слово в лексиконе сестры.

— А что это за блок?

Та вытаращила глаза и зашептала, словно кто-то мог их подслушать:

— Блок — это барак такой. Он у Анвара за отдельным забором стоит, на задворках. Никто не знает, кого он там держит. А говорят разное. То ли рабы у него там, то ли заложники. Ходят слухи, что они в Москве и в других местах девчонок ловят и в Турцию отправляют. Их Ибрагим привозит, помощник Анвара. Батя знает, он там полы стелил. Но никому не говорит, даже когда поддаст. Боится.

— А ты не боишься?

— Нет, они наших не трогают. наших поселковых девок и так от особняка ломом не отгонишь. Других-то парней все равно нет...

Надька так и заснула, сидя за столом. Тетя Галя и Татьяна вдвоем оттащили ее в комнату и уложили в постель.

— Вся в папку, — с ненавистью проворчала тетя Галя и отправилась мыть посуду.

Татьянка тоже легла спать. За ночь она несколько раз просыпалась то от

шума проехавшей машины, то от криков. А однажды, уже под утро, где-то неподалеку прогрохотал выстрел. Но местных жителей это, похоже, нисколько не удивляло и не беспокоило.

Наутро дядя Сеня был хмур и необщителен. Опохмелился остатками водки. Потом сказал Татьянке:

— Уезжай-ка ты отсюда, да и Надюху заведи от греха.

Но Надька тотчас влезла:

— Я пока останусь.

Вероятно, горячие южные парни пользовались у нее большим успехом.

Позавтракав, Татьяна отправилась назад, в Москву. Автобус до станции ходил нерегулярно. На этот раз он отъехал от остановки минут на пятнадцать раньше положенного, и Татьяна смогла издали полюбоваться его видом сзади. Перед ней невольно встал вопрос — остаться ждать, вернуться к дяде Сене или рискнуть поймать попутку?

Она рискнула и проиграла. Черный бумер даже тормозить не пришлось. Машина остановилась сама, гостеприимно распахнув заднюю дверцу.

— Садыс, — прозвучало скорее приказом, чем приглашением.

Не дожидаясь ответа, из машины выскочил молодой удалой джигит, втолкнул растерявшуюся Татьянку в машину и вскочил сам.

Рядом с водителем сидел человек постарше.

— Ты кто такой? — спросил он.

Хотя вопрос был адресован вроде как мужчине, Татьяна догадалась, что кавказец обращается не к водителю и не к сидящим справа и слева от нее джигитам, а именно к ней.

— Не наша! — определил один из джигитов.

— Я к дяде Семену приехала! — возмущенно заявила пленница.

— К кому? К Сеньке, что ли? — уточнил старший. — Ладно, разберемся. Ты сейчас где стоял? На остановка как на станцию ехат. Значит, у Сеньки ты уже была и тепер домой собирался. Тогда тебя искать никто не будет. Может, тебя по дороге Щикатила-Макатила поймал? А Сенька спросит, скажем — сами видели, как девка автобус садилась.

— Скажем, скажем! — подтвердили джигиты.

— Зачем не сказать? Канэшно, скажем, — заверил водитель.

— Вези в блок, Ибрагим за девчонка болшой спасибо скажэт, — принял решение старший.

— А нэ скажэт, сами выибом, патом зарэжим, как собак, помойка бросим, — нашел альтернативное решение водитель.

Из сказанного напрашивался неоднозначный вывод, но Татьяна почему-то решила, что «выибом» и «зарэжим как собак» относится не к Ибрагиму, а к ней.

«Нет, не в водке беда, а в малом ее количестве, — думала она с досадой, пока машина пылила по улице поселка в сторону большого трехэтажного особняка. — Взяла бы вчера не одну, а две литровые бутылки, нажралась бы с дядей Сеней и Надюхой до усрачки и лежала бы сейчас спокойно у них в избе, с похмелья мучилась. Голова трещит, во рту как кошки нассали. Зато на свободе. Красота!»

Машина въехала в распахнутые ворота, прокатила по двору и остановилась перед другими воротами, ведущими в отдельно огороженный участок

двора.

Рынок Мусы интересовал Крюкова по нескольким причинам. И главной из них была та, что рынок, как магнит, притягивал к себе людей, которые в последнее время попадали в сферу внимания опера.

Вот и сейчас прямо у главного входа, несмотря на ранний час, собралась куча народа. В центре ее дискутировали люди непростые — Муса и Миха Архангел, окруженные каждый своими охранниками, а снаружи, по периметру, толпой зевак. Сквозь шум и гам с трудом угадывалась тема дискуссии.

«Неужели национальный вопрос?» — подумал Крюков.

И как всегда не ошибся.

— Что я у тебя украл, слюшай?! — гневно вопрошал Муса. — Я честный овощи-фрукты торгую! Мои цены в два раза ниже, чем в магазин! Нет, ты скажи — что я украл?!

Но и Миха был не лыком шит и умел использовать в диспуте чисто-конкретно ленинские приемчики.

— Да ты же черный с Кавказа!

Поди опровергни такой тезис. Миха понимал убойность своих аргументов и продолжал наращивать темп и силу натиска.

— Ты все воруеть! Ты наш хлеб ешь? Ешь! Ты нашу воду пьешь? Пьешь! Ты нашим воздухом дышишь! Ты нашу землю поганишь! Вон черных!

Вот так, и не поспоришь.

По толпе шныряли сопливые малолетние «микроны» и «карлики», подрастающая смена «архангелов». Они отвечивали пинки охранникам Мусы и тут же отбегали на безопасное расстояние. Настроение собравшихся понемногу приближалось к точке кипения, когда дискуссия самотеком переходит в драку.

Но, к разочарованию сыщика, на этот раз дело кончилось ничем. Из подъехавшего автобуса стали выгружаться веселые ребята или, как их еще называют, «мальчики по вызову». Все, как один, в касках, со щитами, вооруженные симпатичными резиновыми палочками.

При виде новой команды претендентов спорщики враз утратили свой энтузиазм. Толпа начала рассасываться и таять, как тертый хрен во рту, оставляя после себя тревожный и едкий привкус неприятностей.

Даже новорожденному младенцу было ясно, что одним базаром на рынке дело не ограничится, и выяснение вопроса, кто сильнее, отложено лишь на время.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Призрак опера

5

Информацию о предстоящем турнире между «Языческим братством» Святополка Жидоморова и «Союзом Михаила Архангельского» сотрудники «Отдела расизма» получили одновременно из нескольких источников.

Крамской попросил Крюкова:

— У фашистов «Зарница» намечается. Съездишь? Делать ничего не надо, просто издалека полюбуешься.

Крюков не любил сцен насилия даже в кино. Но ехать все же пришлось. Ничего не поделаешь, работа такая. Сам выбирал, по призванию.

Местом проведения «Зарницы» был выбран все тот же Кутузовский парк. Все-таки идеальный уголок. С одной стороны, метро недалеко, с другой, довольно глухо. К тому же за проходившей здесь железной дорогой располагался огромный, отрезанный гаражами и складами пустырь. Здесь и решили устроить драку.

Хорст подъехал, когда многие бритоголовые бойцы уже собрались. Он отвечал на приветствия и не мог не заметить, что если его знают практически все, то он не узнает никого.

Старых, проверенных товарищей почти не осталось. Многих посадили или забрали в армию, кто-то ушел сам, хотя на собраниях за это грозили неотвратимым возмездием. А некоторых — как Ботаника или Витаса, объявили изменниками. Такого раньше не бывало. И кто гарантирует, что следующим не окажешься ты?

Новые лица в массе своей напоминали сброд, состоящий из бывших футбольных фанатов и уличных хулиганов, которым захотелось подогнать под свои безобидные выходки и чудачества подходящую идеологическую базу.

Возле небольшого грузовичка собрались бригадиры. Большинство из них, по обыкновению, прятали свои физиономии под масками и капюшонами. Вокруг грузовичка, в некотором отдалении, было выставлено оцепление из рядовых бойцов. Хорста часовые пропустили без звука.

В центре собрания, закрыв лицо капюшоном, стоял Шварц. Он инструктировал бригадиров.

— Наша задача — не просто избить их, а обратить в бегство, подавить физически и морально. Поэтому применим военную тактику. На войне чаще всего применяются два приема — прорыв фронта или охват флангов с последующим окружением. Какой из них подойдет нам больше?

— Окружение, — подсказал кто-то из бригадиров. Остальные с ним согласились.

— Окружить и замесить!

Но Шварц не согласился.

— Хрен вы угадали, пацаны! Окружение страшно на войне, а не в драке. Вы же «архангелов» не наглушняк валить собираетесь! Тогда что от него толку? Нет, братва, мы пойдем другим путем. Самых толковых пацанов соберем в центре. Поведем их я и Хорст. По бокам и с флангов поставим тех, кто пожиже.

И пусть «архангелы» нас окружают. Тем самым они заставят драться тех из нашего отстоя, кто в других обстоятельствах будут только плестись в задних рядах, переминаться с ноги на ногу, сопли жевать и яйца почесывать. И пока силы «архангелов» станут терять на них время, мы перехватим инициативу и ударом сомкнутой колонны обратим их центр в повальное бегство, опрокинем и размажем, как повидло по унитазу. Помните, нам надо закрепить нашу победу, чтобы «архангелы» сами поняли, что мы сильнее!

Хорст подумал, что Шварц раньше служил в армии, причем наверняка офицером. И, судя по всему, считался не самым плохим.

Шварц заметил Хорста, подозвал его и вкратце объяснил поставленную задачу. Строй «архангелов» нужно протаранить, а они двое, во главе группы лучших бойцов-гвардейцев, должны стать острием этого тарана. Потом спросил:

— Ты с собой что-нибудь захватил? Без прибора ведь, как известно, и вши не забьешь. А то имей в виду, — он указал на грузовичок, — в «бычке» арматура нарезанная и трубы.

— Обойдусь как-нибудь, — буркнул в ответ Хорст. — Руки-ноги на что?

— Ну, как знаешь, — не стал спорить Шварц. — Колюще-режущего я и сам не одобряю, но что-нибудь тяжеленькое и тупое, считаю, не повредит.

— А голова на что? Особенно с похмелья. Тупее и тяжелее ничего не придумаешь. Ладно, пошли людей в гвардию отбирать.

Они быстро построили своих бойцов на поляне. Самые крепкие и безбашенные и без всякого отбора оказались в первых рядах отряда. Узнав, что в бой их поведут Шварц и Хорст, ветераны движения, они дружно заорали:

— Хайль Шварц! Хайль Хорст!

«Хорошо, что Жидоморов не слышит, а то от зависти неделю спать не будет», — подумал Хорст.

Профессор считал себя идеологом и силовые акции своим личным посещением не жаловал. Сейчас Хорст подумал об этом чуть ли не с презрением. Он и сам не заметил, как за последние дни пошатнулся в его восприятии авторитет вождя. А ведь еще недавно он верил ему безоговорочно. Но тогда был жив Витас, и Ваньшу не обвиняли в измене.

Хорст решил после драки переговорить со Шварцем. Тот чаще общался с Жидоморовым и мог пролить свет на происходящий абсурд.

С противоположной стороны поляны двинулись ряды «архангелов».

Крюков издали любовался двумя армиями, изготовившимися к столкновению. Числом собравшихся с обеих сторон было более сотни. Численность отрядов казалось равной. Возможно, «архангелов» пришло немного меньше, но у них почти не имелось мелкой шпаны. В основном молодые мужики, прошедшие службу в армии или тюрьму.

В руках у многих опер заметил подсобный материал, в основном разного рода металлические предметы разового использования, которые при налете милиции и поспешном бегстве бросить не жалко. Сама милиция не показывалась. В лучшем случае, патрульные сейчас так же, как и Крюков, наблюдали за происходящим с безопасного расстояния.

И то верно. Разнимать «армии» сейчас стал бы только полный идиот. В таких случаях обе враждующие стороны объединяются и с удвоенной яростью обрушиваются на нового противника. Чтобы разогнать сейчас эту кучу, пона-

добилась бы рота ОМОНовцев со щитами и палками, а также спецтехника с брандспойтами, резиновыми пулями и слезоточивым газом. Вот бы ребята повеселились!

Из шеренг бойцов вперед выбежали «микроны» и «карлики» — боевая молодежь младшего детсадовского возраста. Они обрушили на противника град камней и оскорблений. После этого с громоподобным ревом стороны ринулись друг на друга. Сшиблись так, словно столкнулись два средних танка времен Великой Отечественной. Во всяком случае, грохот пошел именно такой.

Бойцы не стали разминаться на кулаках, а сразу пустили в ход железные прутья, обрезки труб, колья и прочую нехитрую, но полезную технику, известную со времен нижнего палеолита.

Крюков отметил и оценил военную хитрость бритоголовых фашистов. «Архангелы» сумели охватить их плотную колонну едва ли не кольцом. Случись это в настоящем бою, окруженных истребили бы в течение считанных секунд. Но в данном случае окружившие лишь завязли в свалке с окруженными, которые и хотели бы обратиться в бегство, да некуда было. И волей-неволей пришлось сражаться.

Тем временем клин фашистов упорно двигался вперед, сминая и опрокидывая центр «архангелов». На острие клина Крюков приметил Хорста и мощного бойца с капюшоном на голове. Они пробивались в направлении холма, где располагалась ставка «архангелов».

Господствующую над местностью высоту холма Миха Архангельский избрал в качестве командного пункта. То есть командовать он, конечно, не мог, поскольку драка развивалась стихийно, но изображать главнокомандующего пытался.

Холмик местами порос довольно густыми кустами и небольшими деревцами. Эта растительность позволила бы Михе, в случае неблагоприятного расклада, оперативно смыться с поля боя. Сейчас в таком маневре не было необходимости. Миха, окруженный группой личных телохранителей, гордо восседал на обрубке бревна, как Наполеон на барабане, и бежать никуда не собирался.

Позади себя Крюков вдруг услышал тихое ворчание мощного мотора. Он оглянулся. Шагах в десяти от него остановился большой черный внедорожник. Из открывшейся двери показался пассажир. Он занял позицию наблюдателя и принялся следить за дракой в большой бинокль.

Крюков не поверил своим глазам. В наблюдателе он узнал Анвара собственной персоной. Тот также заметил опера, но принял его за досужего ротодея, пришедшего поглазеть на драку.

Анвар не скрывал своей радости.

— Вах, как хорошо, э! Бараны должны драться, иначе совсем подохнут от скуки!

А события на поле битвы развивались непредсказуемо.

Хорст махал в первом ряду. Его руки и ноги мелькали с быстротой молнии. И обладали такой же сокрушительной силой. Оружие в руках его противников только мешало им, замедляя реакцию. Хорст легко успевал уклониться, иногда отводил удары с помощью рук. Сам же наносил удары исключительно ногами, обутыми в боевые «каamelоты» с высокими берцами. В тесной толчее, где некуда отскочить, они неотвратимо настигали «архангелов» одного за другим.

Из всех попавшихся Хорсту в этой свалке врагов лишь двое оказались невооруженными. Их он пощадил, только сбил дыхание ударами по корпусу и уложил отдыхать на вытоптанную десятками ног травку. С теми, кто размахивал перед его носом разного рода приспособлениями, так или иначе относящимися к категории «дрын», он расправлялся жесткими ударами, не интересуясь при этом целостностью их конечностей или челюстно-лицевого аппарата.

Один придурок с синими от наколок руками — верно, из монашеской братии — пустил в ход выкидной нож. Хорст обошелся с ним особенно жестоко. Он отбил его довольно ловкий выпад ногой, перехватил вооруженную кисть, вывернул наизнанку и загнал клинок в ляжку незадачливого бойца.

Владея искусством видеть в бою все, что делается вокруг, Хорст отметил боковым зрением автобус, затаившийся в некотором отдалении от поля бранной славы. Он сразу заподозрил в нем средство передвижения ОМОНа. Но время шло, бой приближался к кульминации, а обитатели автобуса все не подавали признаков жизни. И Хорст перестал обращать на него внимание и целиком переключился на захватывающий процесс мордобития. Он упорно пробибался к холму, на котором помесью Наполеона с Чапаем восседал Миха Архангельский.

Слева от Хорста и чуть сзади сражался Шварц. Он махал бейсбольной битой, причем довольно успешно. Тем не менее, догнать Хорста не мог, что сильно его злило. Он вообще давно завидовал этому сопляку, даже в армии не служившему, и при случае не преминул бы сделать ему какую-нибудь подлость. Вот и сейчас тот, без оружия, ушел далеко вперед, а он, Шварц, тащился у него в хвосте, сверкая сквозь прорези в капюшоне глазами, полными злобы и зависти. Автобус он также заметил и решил, от греха, взять направление немного левее, чтобы, в случае чего, оказаться подальше от возможного сюрприза. Шедшие за обоими лидерами бойцы тоже разделились. В результате этого дружный натиск фашистов на вершину холма сильно замедлился.

Тем временем внутри автобуса, во мраке салона, жизнь, казалось, замерла. Это было странно, так как салон плотно набили серьезные, сильные и молчаливые молодые люди в камуфлированной одежде без знаков различия и черных беретах. В руках они сжимали деревянные Г-образные дубинки с перпендикулярно торчащей ручкой типа японской «тонфа».

На сиденье водителя расположился дядя Федор. Он внимательно следил за ходом боя. По его спокойному, расслабленному лицу можно было подумать, что он любит полетом бабочек в жаркий июльский полдень. По проходу между креслами вдоль салона маятником прохаживался Вадим. Время от времени он останавливался возле дяди Федора и спрашивал:

— Ну что, не пора?

На что тот неизменно отвечал:

— Рано.

Вадим уходил в хвост автобуса, потом возвращался и снова спрашивал:

— Может, ударим?

— Потерпи, — скупой ронял дядя Федор.

И сцена повторялась. Вадим нервничал. Один, на весь автобус. Но ему это прощалось, потому что нервничал он не от страха. За дело болел.

— Опоздаем, — предупреждал он.

— Не опоздаем, — категорично рубил дядя Федор.

Если бы кто услышал их беседу, то подумал бы, что они репетируют патристическую пьесу драматурга Жмучкина «На поле Куликовом». Диалог Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка-Волынского. То место, где герои сидят в засаде и никак не могут договориться.

«Велика Россия, а отступить некогда, — сказал тогда молодой князь Владимир. И добавил: — Кто с мечом войдет, от кирпича погибнет».

А старый воевода Боброк мудро заметил:

«Сегодня подниматься еще рано, а послезавтра уже незачем. Вперед, чудо-богатыри!».

Потом он берет за ноги басурманина и начинает им помахивать. Где махнет — там улица, отмахнется — переулочек. Так в старину на Руси и строили.

Не скоро дождался Вадим, пока и на его улицу пришел праздник. В один из его заходов, когда и не чаял он уже сигнала, дядя Федор вдруг легонько хлопнул его по плечу.

— Давай, Вадя.

Вадим все понял. Он обернулся к сидящим в салоне тихим паренькам.

— Десант пошел!

Без суеты и гвалта пареньки в строго определенном порядке по одному выскочили из автобуса и легкой рысью потрусили к месту боя, картина которого не оставляла сомнений. Хорст успешно разил врагов у самого подножья холма. За ним плотной стеной шли соратники. Большинство из тех, кто рванулся поначалу за Шварцем, сообразили, что поперли не туда, и вернулись на направление главного удара. Шварц теперь, чуть ли не в одиночку, бился далеко на левом фланге. Правда, и противников у него там почти не осталось.

Кульминация боя наступила, когда Хорст ударом колена перегнул пополам очередного вражеского бойца, отпихнул его в сторону и ступил ногой на подножье холма, вершину которого венчал пень с сидящим на нем гордым орлом — Михой. До них — Михи и вершины — было недалеко, шагов двадцать, хотя и в горку. Но при уме и сноровке это раз плюнуть.

Миха Архангел понял, что битва проиграна, вскочил со своего обрубка и сиганул, как заяц, в кусты. Его охранники героически бросились вниз по склону навстречу наступающему врагу, чтобы прикрыть отход командира. Никому из них не пришлось в голову последовать за вождем, поскольку это могло показаться трусостью.

От Хорста не укрылось, как из подозрительного автобуса, как семечки из рваного кулька, посыпались молодые здоровые ребята. Все один к одному. Таким бы на спартакиадах груши околачивать, так нет — драться лезут.

«Спортсмены» ударили справа по наступающим скинам. Этим ударом они совершенно смяли успешную атаку. Наступление захлебнулось, бритоголовой армии пришлось развернуться лицом к новому противнику. «Архангелы» были спасены. Хотя, как выяснилось несколько позже, далеко не все.

До вершины холма скины так и не добрались. Или все-таки добрались? Поживаясь от пронзительного ветра, со своего наблюдательного пункта Крюков заметил, как на вершине холма мелькнули несколько бритоголовых типов. Лица их он видел только мельком, но они показались ему какими-то особенно дебильными и зверскими. Бритоголовые неожиданно выскочили на открытое пространство вершины холма из кустов, с той самой стороны, где скрылся Миха Архангельский. Они весело замахали руками, заорали что-то нечленораз-

дельное и так же быстро исчезли.

Основные силы бритоголовых окончательно завязли у подножья холма. Драка выдыхалась. Свежий противник легко потеснил ряды фашистов. Шварц в безопасном отдалении первым двинулся на прорыв в противоположном направлении, сквозь поредевший строй порядком обессиленных «архангелов». За ним ломанулись остальные.

Хорст в числе немногих, сохранивших силы и не утративших боевой дух, прикрывал отход. Он нашел, наконец, подходящего, равного по силам соперника. Высокий рыжий парень, тоже без оружия, налетел на него сбоку и попытался с налету, одним ударом закончить схватку. Не вышло. Хорст ушел немного в сторону, пропуская мимо головы бьющую ногу противника и подсек его другую, опорную конечность. Тот упал. Но не как куль с дерьмом, а перекатился через голову и снова оказался в стойке.

Теперь Хорст нанес удар ногой в печень. Рыжий подставил блок коленом, и тут же его ступня, обутая в тяжелый, как и у Хорста, «каamelot», как на шарнире снова понеслась Хорсту в голову. И опять он ушел нырком, пропустил грязный башмак над головой, поймал его снизу и рванул вверх. Но растяжка у Рыжего оказалась не хуже, чем у Ван Дамма. Или у самого Хорста. Он ухитрился подпрыгнуть на опорной ноге и ею же нанести удар. Не очень сильный и неточный, но Хорсту пришлось выпустить его другую ногу из захвата.

Соратники Хорста давно бежали и вокруг сражающихся столпились крепыши-спортсмены дяди Федора. Но помогать Рыжему и метелить всем скопом Хорста никто из них, похоже, не собирался. Они стояли кругом и с интересом наблюдали за поединком.

Несмотря на хорошую спортивную форму, Хорст заметно выдохся. Продолжительная драка с постоянной сменой противников утомила его, удары потеряли привычную быстроту. Но и Рыжий успел изрядно подустать. Хорст все же превосходил его в технике и боевом опыте. Кроме того, несколько пропущенных ударов также не пошли Рыжему на пользу.

Крюков издали тоже наблюдал за схваткой чемпионов. У него создалось впечатление, что поединок закончится гибелью обоих бойцов по причине полного изнеможения. Тем не менее, сдаваться ни тот, ни другой не собирались. Как всегда на помощь пришла родная милиция, обеспечив обоим ничью. Причем ничью китайскую.

С разных концов пустыря весело заморгала синяя цветомузыка, завыли сирены, и заматюкались властные голоса с непристойными предложениями складывать оружие и выходить сдаваться. Хотя ловить, как будто, было уже некого. Поле битвы стремительно опустело.

Спортсмены в камуфляже организовано погрузились в свой автобус. С этой стороны милиции почему-то не оказалось, и автобус беспрепятственно укатил. Остальные участники недавней баталии разбрелись и расползлись по окрестностям, где их поодиночке отлавливали стражи порядка. Хорст остался посреди пустой поляны. Крюков неторопливо направился к нему. Хорст узнал его.

— Ну что, досталось? — поинтересовался опер.

— Так, немного, — признался Хорст. — Как бы в обезьянник не загреметь.

С холма, где недавно располагалась ставка Михи Архангела, доносились возбужденные выкрики. Потом на склоне замаячили серые фигуры с автома-

тами. Двое направились к сыщику и Хорсту.

— Кто такие? А ну покажь документы! — заорал один, с добрым лицом вчерашнего выпускника-медалиста средней школы села Краснобздуново.

Крюков хамов не любил.

— Если я тебе свой документ покажу, ты, салага, обдрищешься, — доверительно сообщил он.

Тот, непривычный к такому обращению, только рот открыл и едва не выронил автомат.

Второй патрульный, постарше первого, попытался пронизать взглядом ступившийся вечерний сумрак.

— Это кто там у нас такой крутой, милиции не боится? Ты что ли, Крюк?

— Опер Крюк! — мягко, но твердо поправил сыщик. — А что случилось?

— Убили кого-то! — радостно доложил вмиг присмиривший краснобздуновский отличник.

Узнав, что Крюков свой, он тотчас перешел на его сторону. Спросить после этого документы у Хорста ему и в голову не пришло.

— Миху Архангела завалили. Ножом, — хмуро проворчал его старший напарник. — Там наши наверху следака ждут.

Патрульные направились дальше прочесывать окрестные заросли, а Крюков подмигнул Хорсту.

— Это не ты его, случайно, прижмурил?

— Не, я не успел.

— А Шварц? — прямо спросил опер. — Я его к концу боя из виду потерял.

— А я вообще не видел. Сначала он где-то у меня за спиной суетился, а потом и вовсе исчез, — припомнил Хорст.

Они поднялись на холм. Тут уже стояли машины прокуратуры и «газель» экспертов. Где-то вдали гремел бас Женьки Шабанова. Крюкову ужасно не хотелось с ним встречаться. Женька вбил себе в голову, будто Крюков специально подбрасывает ему все эти трупы. Закон природы даже вывел: увидел Крюкова — жди трупа. И наоборот — где труп, там поблизости и Крюков кружит как черный ворон. Чуть какая-то, дикое суеверие! А, с другой стороны, против фактов не попрешь.

— Пошли отсюда, — Крюков потянул Хорста обратно к подножию холма.

Но тут он обратил внимание на эксперта Крестинина. Тот нес в руках, осторожно держа с торцов, бутылку из-под пива. Крюков поглядел в том направлении, откуда тот появился, и замер. Земля была сплошь усыпана бумажками от конфет.

Сыщику сразу вспомнились бритоголовые с перекошенными рожами. Вот где они таились, наблюдая за Михой! И едва тот остался без телохранителей, воспользовались удачным моментом.

Зловещий след, кажется, начал, наконец, проявляться.

Джигиты, захватившие Татьянку на автобусной остановке, отвезли ее в особняк Анвара и сдали дежурному по «спецблоку». Тот новенькой не обрадовался, даже наоборот, разорался:

— А что вы мне ее суете? Правил не знаете?

Правил джигиты и в самом деле не знали. Не их это дело. Обычно они передавали похищенных девушек Ибрагиму, но сейчас того не было в особняке.

— А что ты на мене орешь?! — возмутился старший из джигитов. — Мое дело ее поймать, твое дело товар принять и мой премию заплатить. Гони штука баксов, и мы поехали. Нам еще пообздать надо, потом русских рэзать поедем. Очен напряженный график работа, панымаешь. А ты его срываешь, задэрживаешь нас, панымаешь.

Дежурный с грязной бранью вытащил из стола замусоленную тетрадь и ткнул карандашом в направлении Татьянки.

— Его какой имя?

— А я откуда знать? — нагло ухмыльнулся похититель. — Я с ним интервью не брал, в ГУМе у фонтан не знакомился. Сам спроси. Денга давай, мы поехал.

Дежурный неохотно отсчитал десять сотенных «бенджаменов». Потом, подумав немного, одну бумажку вытянул обратно и вместо нее положил перед джигитами целый ворох пятидолларовых «авраамов», замусоленных до такой степени, что на некоторых портрет президента — освободителя негров — совсем не просматривался. И, предвидя возмущение поставщиков живого товара, сунул деньги старшему и захлопнул перед его носом дверь.

По заведенным Ибрагимом правилам вновь прибывшую «куклу» сначала запирали в одной из одиночных камер подвала под домом Анвара. Здесь ее подсаживали на иглу и держали, пока она не окажется «в системе», то есть в полной зависимости от наркотика. И только затем жертву переводили в «блок».

Здесь система содержания была проще. Жили «куклы» в комнатах по две, а то и по три. Дежурный лишь следил, чтобы они вовремя получали дозу и не могли выбраться за периметр внутренней ограды «блока».

По идее дежурному полагалось отправить Татьянку в подвал, но сейчас он пустовал, а ключи находились у Ибрагима. Вновь прибывшей кандидатке в «куклы» полагалось также вкатить для начала «штрафную» — ударную дозу героина. Но и это оказалось невозможным. В последнее время Ибрагим стал выдавать наркоту в строго отмеренных дозах. И с этого рациона дежурному надо было что-то наскрести и для себя.

— И чем я ее колоть буду? — ворчал он. — Ибрагим совсем от жадности ума лишился, каждую дозу считает. Может, он думает, что я за свои «бабки» ей буду ширево покупать? Ага, вот только разбегусь!

Он ограничился тем, что отправил Татьянку в крайнюю камеру. Помещение не имело окна. В остальном же, скорее, больше напоминало маленькую больничную палату, чем тюремную камеру. Там Татьянка обнаружила девушку немного постарше себя, лежавшую на кровати поверх одеяла.

— Привет, — сказала она. — А тут ничего, уютно, чистенько. Почти как дома. Меня Татьянкой зовут.

— А меня нет, — раздраженно отозвалась соседка, глядя в потолок.

Татьянке такое знакомство не понравилось.

— Я тебе что, драть помешала? — холодно осведомилась она. — Или три рубля должна? А будешь и дальше продолжать выделываться, отделаю, как Церетели Петра Первого. Ты не смотри, что на мне браслеты, я головой работать привыкла.

Девушка посмотрела на нее с непонятной злостью.

— Меня зовут Оксаной. Еще вопросы будут?

— Да ты мне вообще на фиг, — презрительно бросила Татьяна и упала на свободную койку.

От отчаяния и досады хотелось выть, но она не подавала виду.

Тут дверь открылась, и в камеру вошел дежурный.

— Подымайся, — приказал он Оксане. — Уколы делать будем.

Та радостно оживилась, но продолжала с подозрением поглядывать на Татьянку. И только когда дежурный вколол ей в вену свое снадобье и ушел, блаженно расплылась в улыбке.

— Ты не обижайся, — сказала она. — Я перед уколом всегда такая. А потом я боялась, что этот урод мою дозу с тобой на двоих поделит.

— Как это? — не поняла Татьяна.

— Очень просто, — зашептала соседка. — Самый главный тут Ибрагим. Раньше он дежурным выдавал товар с запасом, чтобы когда без него новенькую привезут, вот как тебя, на всех хватало. А теперь у них с товаром напряг случился, выдают под завязку. А раз на тебя дозу не выдали — у кого-то отобрать надо. А у кого? Раз со мной сидишь, значит, у меня. А я без дозы уже не могу. Когда с мешком не ходишь, как сегодня, они и так на половинке держат. Полную лишь за выход дают.

Татьянка покрутила головой.

— Ни фига не въезжаю. Какой мешок, какая половинка? И куда выход?

— Половинка — половинная доза, — начала объяснять Оксана. — Целую дозу вкалывают только после выхода. Это когда тебя вывозят в город, дают мешок, и ты должна с ним зайти куда-нибудь. Делать ничего не надо, просто толкаться среди народа и выйти.

Затуманенный наркотиком мозг заставлял ее болтать без умолку.

— А что за мешок? — переспросила Татьяна.

— Да вон в тумбочке лежит, — объяснила Оксана и откинулась на кровати, чтобы лучше прочувствовать и тщательнее сбереечь состояние «прихода».

Половинная доза не давала ей возможности расслабиться надолго. Скоро должно было появиться тревожное ощущение, предшествующее ломке. В этом и состояла суть дрессировки по методу Ибрагима. «Кукол» держали в состоянии легкой ломки, давая полностью расслабиться только после возвращения с «выхода».

Татьянка заглянула в тумбочку. То, что Оксана называла мешком, было широко известно, как «пояс шахида». Сегодня каждый дурак знал, что это такое или, по крайней мере, догадывался, как он должен выглядеть. Завязки, лямки, карманы для взрывчатки и радиоуправляемого взрывателя. Прочно, надежно, цвет немаркий, веселенький — светло-черный. Один недостаток — немного полнит в талии.

Тут-то Татьяна поняла, куда и зачем ее привезли. Оксана лежала в напряженной позе, как человек в ожидании болевого приступа.

— Слушай, а ты бежать отсюда не пробовала? — спросила Татьяна.

— Бежать? — Оксана от удивления даже приподнялась на постели. — Я что, похожа на дуру? Тут же дозу бесплатно дают! А ты беги, если хочешь, тут входные двери не запираются. Незачем. Запирается лишь дверь к дежурному, где сейф с наркотой стоит, и где он товар бодяжит.

Татьянка уже не слушала подругу по несчастью. Она осторожно подошла к двери и открыла ее. Действительно не заперто. Коридор пуст... Она, стараясь

ступать как можно осторожнее, направилась к выходу.

Она почти дошла до двери, ведущей на улицу, когда дверь крайней комнаты открылась, и оттуда вышел дежурный. У Татьянки хватило сил не вздрогнуть, не побежать и не упасть в обморок, а продолжать прямолинейное равномерное движение. Дежурный даже не посмотрел на нее, а прошел мимо, что-то презрительно буркнув себе под нос типа: «Мешаются тут под ногами всякие бл...ди».

И тут Татьяна разглядела, что это другой дежурный. Видимо, у них уже произошла смена, и старый не доложил новому о ней. А за постоянными обитательницами «блока» следить не было необходимости. Наркотическая зависимость удерживала их вернее железной цепи. Не торопясь, но и не мешкая, Татьяна пересекла внутренний двор «блока». Ей повезло. В этот момент снаружи засигналила машина, и ворота стали открываться. В щель Татьяна увидела продуктовую «газель». Видимо, для содержащихся в «блоке» кормежку привозили отдельно. Охранник на входе распахнул ворота и небрежно махнул водителю.

— Заезжай!

Скрываясь за фургоном, Татьяна проскользнула мимо машины за ворота, в большой хозяйственный двор. Внешние ворота были заперты, но зато калитка открыта настежь. Татьяна неторопливо вышла через нее на улицу. Шла она спокойно, ни от кого не пряталась. Двое болтавшихся во дворе быков Анвара поцокали языками, но ничего не предприняли, чтобы задержать ее. Вокруг царило умиротворяющее спокойствие. Люди Анвара чувствовали себя в поселке полными хозяевами, поэтому охрану несли спустя рукава.

Татьянка хотела переждать до утра в доме дяди, но призадумалась. А не был ли он причастен к ее похищению? Конечно, оно могло быть делом случая, но кто знает, не имел ли дядюшка в нем своего корыстного интереса.

Автобус Татьяна дождалась, сидя в кустах. Ее никто не искал, видимо, еще не хватились. Похитители не польстились на завалявшиеся у нее в кармане несколько десятков. Денег ей в обрез хватило на то, чтобы добраться до дому. И только закрыв за собой входную дверь собственной квартиры, она почувствовала себя в безопасности. Правда, ненадолго.

Когда Ибрагим поздно вечером вернулся в особняк, ему доложили о случившемся. Для начала он собственноручно и собственнножно избил обоих дежурных. После этого отобрал у джигитов их премию. Затем он велел навесить на двери камер замки и дал строжайшее указание: если в «спецблок» вдруг поступила новая «пассажирка», а доза на нее не будет выделена, начинать обработку немедленно, за счет дозы ее соседок. Это было как раз то, чего так боялась Оксана.

Убийство Михаила Архангельского наделало много шума. Следствием отрабатывались различные версии — от чистой уголовщины до политики. «Отделу расовой дискриминации» поручили вести наиболее перспективное направление — преступления «на почве национального экстремизма». Хорошее дело. Попробуй такого подозреваемого в камеру закрыть или дубинала ему прописать! А как тогда работать? Одно слово — блин — политика!

Волгин отправился допрашивать Мусу, Крамской поехал за консультацией к Гершензону. Крюкову пришлось тащиться к Жидоморову.

Тот встретил сыщика как дорогого гостя. Не мог скрыть внутреннего ликования. Все-таки, как ни крути, для любого экстремиста-радикала главный враг — не политический противник, а единомышленник-конкурент. Поэтому призывы типа «Братва, не стреляйте друг в друга» не проходят. А в кого же еще тогда стрелять?

Но от любой причастности к смерти Миши Архангела профессор Жидоморов открестился самым решительным образом.

— Да как вы, менты бестолковые, халдеи бесовские, могли такое подумать? Чтобы я, профессор?

«Кислых щей», — мысленно добавил Крюков.

Но вслух говорить не стал. На улице шел дождь, и было холодно, а тут его принимали довольно сносно. Коньяк, красная и белая рыбка, черная икорка. Скромное товарищеское застолье. Сам Жидоморов больше угощал, чем употреблял. С чего бы это? Наелся за завтраком? Ударился в пост? Или больше привычен к пиву и конфетам?

Опер подавил сильное желание заглянуть под стол — не таятся ли там бутылки из-под пива и фантики от конфет. С трудом удержался. Мысль об экстремистах-сладкоежках занимала его все больше.

Он знал одного маньяка, который жрал одни сникерсы и пил пепси-колу. В детстве не давали, родители были фанатами здорового питания. Их он первыми и грохнул. А потом уж дорвался до желанного рациона. Иногда в «Макдональдс» заходил, а так — лишь сникерсы и «пупса». Но чтобы фашисты-экстремисты такое жрали?

Вообще-то странно и прихотливо устроен род человеческий. Даже абсурдно. Это лишний раз доказывало, что никакая эволюция такое чудо, как человек, сотворить не могла. Только Отец-Творец-Создатель. И только в виде шутки, причем неудачной.

Работа Крюкову досталась непростая и совсем не легкая. Трудно вести допрос с набитым ртом.

— А кто иффо пыв фаинтевефован в фефти Аффангеффова? — со всей строгостью спросил он.

В переводе на нормальный язык это означало: «А кто еще был заинтересован в смерти Архангельского?»

Жидоморов понял не все, но смысл уловил. В благодарность за гостеприимство опер предлагал ему перевести стрелки на кого-нибудь из политических противников.

— Да кто угодно, — с энтузиазмом сообщил он. — Антифашисты могли, Муса-кавказец. Кто угодно. Всякого отребья нынче хватает. Топчут, поганые, Русь-матушку ногами немытыми!

Крюков хотел сказать профессору, что по-русски «поганые» — это язычники, то есть сам профессор также относится к их числу, но решил, что не стоит портить праздник доброму человеку.

Допрос закончился чашкой капучинистого кофе. С тем сыщик и отбыл, чтобы продолжить свой трудный и опасный поиск безжалостного убийцы.

Особняк Анвара сиял огнями и богатством. Хозяин с полузакрытыми глазами сидел на подушках, разбросанных по ковру, и делал вид, что ему удобно. Еще он делал вид, что получает удовольствие от льющихся из музыкального

центра напевов, напоминающих кошачий визг. Имидж — ничто? Для кого как. Он, Анвар, обязан соответствовать поведением и привычками принятым условностям. Сидеть на полу, а не на стуле, есть баранину вместо свинины, пить не запрещенное пророком вино, а водку, про которую тот ничего не говорил. Получать удовольствие от скрипучей арабской музыки и толстых накрашенных баб, мотающих жирными животами и задницами.

Правда, мусульманин еще должен пять раз в день молиться, но, на взгляд Анвара, это уже перебор. Он вообще считал подобно Омару Хайяму; что раз Бог сотворил его именно таким, со всеми его недостатками, значит, именно так и было задумано. А сомневаться в божественном промысле — тяжелейший из грехов.

Напротив Анвара точно так же мучился на подушках Полковник. Он же Оборотень.

«И что за напасть такая? — думал он. — Послал Бог сообщников... Один зашаривает под самурая, сырой рыбой давится, другой под эмира бухарского, корячится на полу, вместо того, чтобы взять табуретку и сесть по-человечески. И ведь ни тому, ни другому это на фиг не надо, а выделываются сами и меня вынуждают за компанию. Спасибо, что никто себя римлянином не вообразил. Те вообще, говорят, лежа жрали. Пожрут — и тут же блюют. Нарочно глотку себе перышком щекотали. В смысле — не ножом, а обычным гусиным пером. Проблюются и снова жрут. И оправлялись, не отходя от тарелки. Рабы им урыльники подтаскивали, как утку в больнице. А еще культурные люди! Гомера с Шекспиром, поди, в подлиннике читали. А сами рабынь трахали по десятку на день. Кошмар!»

Анвар неторопливо расправлялся с куском шашлыка. Взял из блюда с зеленью пучок кинзы, скомкал и отправил в рот. Прожевал крепкими желтоватыми зубами. Проглотил.

— С Михой ты разобрался, — так же медленно, как жевал, сказал Анвар. — Это хорошо, потому что он был неконтролируем. Думаю, теперь его людей подберет Жидоморов. С ним у меня полный контакт и взаимопонимание. Тем более сейчас, когда он должен мне за сторевший товар. Теперь настала очередь брать рынок Мусы. «Стрелки» можно будет перевести на недобитых «архангелов». И вообще пустить слух, что Архангела убили боевики Мусы, они всегда находились в контрах. Оба неуправляемые и упрямые, как ишаки. Но тем хуже для них, ибо главная добродетель человека — способность здраво мыслить. А разум говорит нам, что бессмысленно сопротивляться превосходящей тебя силе. Ее просто надо уметь использовать в своих интересах.

Полковник согласно кивал головой.

— Ты мудрый человек, Анвар. С тобой стоит иметь дело.

Анвар воздел руки к небу.

— Э! Если бы я не был мудрым, то давно бы уже был мертвым. Да, я мудр. Но ты стократ мудрее. В тех делах, которыми ты занимаешься, чтобы выжить, нужна мудрость гения. Если за год не убили, за одно это нобелевскую премию давать надо, э!

Они вылили водки, потом поели шашлыка. На прощанье Анвар сказал:

— Знаешь, друг, я где-то читал, что самые коррумпированные из наших силовиков — это полковники. Все, кто ниже, не имеют таких возможностей. А генералы уже могут воровать на законных основаниях.

Полковник усмехнулся.

— Вероятно, но только я не такой как все. Я не жду, когда мне принесут, а беру сам. А за Мусу не переживай. Готовь на своем складе место для его товара. И, если ты верующий, помолись за его душу. Недолго ей оставаться в его жирном теле.

Полковник спустился вниз, сел в машину и отбыл в неизвестном направлении.

После драки с «архангелами» Шварц по приказанию Святополка Жидоморова собрал воевод-бригадиров, как он их называл, и вынес суровый приговор. Он заявил, что боевая и физическая подготовка личного состава находится на недопустимо низком уровне. Если бы Миха Архангел не был убит, то исход драки вообще стоило бы засчитать как поражение.

Воеводы в свое оправдание ссылались на неожиданную атаку непонятно откуда взявшегося противника. Жидоморов их утешил, сообщив, что отныне подготовка личного состава будет вестись на профессиональном уровне в специальном тренировочном лагере. Воеводам и наиболее продвинутым из рядовых соратников предстояло отправиться в секретный лагерь. Общее число командированных составило около двадцати человек. Хорст ехать не хотел, но пришлось. Его отказ расценили бы как предательство. Кроме того, он собирался до конца разобраться в сложившейся, до крайности запутанной ситуации.

В тот же вечер все отобранные погрузились в автобус. Ехали час — полтора. Сначала по шоссе, потом свернули на неширокую асфальтированную дорогу, петлявшую между коттеджными поселками, которыми в последнее время сплошь покрылось Подмосковье.

Попетляв немного, дорога уперлась в ворота. Арку над воротами украшала изрядно полинявшая, едва различимая надпись: «П/л «Березка».

Ворота открылись. К автобусу подошел человек в камуфляже с зачехленным лицом. В руках он держал гражданский вариант автомата Калашникова — нарезной карабин «Сайга».

Шварц, сидевший рядом с водителем, показал часовому какую-то бумагу. Тот прочитал, потом махнул водителю.

— Проезжайте!

Аллеи бывшего пионерского лагеря были пусты, словно вымершие. Автобус прокатился еще немного на малой скорости и остановился возле небольшого плаца, украшенного длинным флагштоком, гипсовой скульптурой горниста и головой Ленина. К автобусу подошел еще один человек в камуфляже и дал команду выгружаться.

— Я ваш инструктор, — представился он. — Меня зовут Эрик.

Хорсту его лицо показалось подозрительно знакомым. Что-то мешало ему вспомнить, где именно он видел этого Эрика. Что? И вдруг его осенило. Именно этого типа он ожидал увидеть здесь меньше всего. Инструктором оказался тот самый рыжий поединщик, с которым Хорсту довелось сразиться на пустыре. Тот, в свою очередь, тоже узнал в Хорсте своего недавнего противника. Во всяком случае, взгляд его, скользнувший по лицам вновь прибывших курсантов, задержался на Хорсте дольше, чем на остальных.

Инструктор отвел группу к крайнему корпусу, отделенному от леса только забором и довольно густыми кустами.

— Занимайте левое помещение, — распорядился он.

Большая комната, уставленная двухэтажными металлическими кроватями, напоминала казарму. Хорст бросил сумку с вещами на одну из нижних коек.

— Зачем мы здесь? — спросил он Шварца, занявшего соседнюю койку.

Тот пожал плечами.

— Я толком и сам не знаю. Так Жидоморов распорядился. Похоже, нас собираются готовить к чему-то серьезному. Кроме того, у нас многие из фанатов и дворовой шпаны. Таким нужно привить хотя бы зачатки дисциплины. Вообще-то я слышал, что в Москве готовится акция антиглобалистов. Будем их гонять.

Хорст понимающе кивнул, хотя и не поверил ни единому его слову. Вдоль рядов кроватей ходил Игнат и ругался. Все нижние койки были заняты, и он принялся переругиваться с Дыней, доказывая, что тот должен уступить ему свое место и перебраться наверх. Наоравшись, они пошли на улицу — разбираться. Хорст выглянул в окно. На улице стемнело. Мимо их корпуса прошла небольшая группа людей, все в камуфляже. Видимо, такая тут царствовала форма. На курсантов они не походили. Двигались расслабленно, но уверенно. Не то инструкторы, не то охрана. Сюрпризы продолжались. Во главе группы Хорст увидел человека, которого ожидал увидеть тут еще меньше, чем рыжего поединщика. Это был Вадим, который время от времени появлялся в их тренировочном зале в компании дяди Федора. Может быть, и тот тоже здесь? Завхозом к пенсии подрабатывает или даже начальником охраны?

В казарму заглянул незнакомый парень и покрутил головой, высматривая кого-то.

— Хорст, есть такой? — громко спросил он.

Хорст двинулся ему навстречу.

— Что надо?

Но незнакомец дождался, пока Хорст подойдет вплотную, потом сказал очень тихо:

— Человек один тебя просил позвать. Просил не шуметь, сделать тихо.

— Что за человек? — с подозрением прищурился Хорст.

Загадки и интриги уже начали порядком ему надоедать. Посланный понизил голос до шепота:

— Назвался Ботаником. Сказал, ты поймешь.

Хорст чуть не вздрогнул.

— А он был один? Подруга при нем не маячила?

— Про подругу ничего не скажу, не заметил, — пожал плечами посланец. — Он тебя у забора ждет, возле дыры, вон в тех кустах.

Незнакомец указал направление к лесу, повернулся и исчез. Хорст, не раздумывая, выскользнул из помещения.

На улице к ночи похолодало. Ветер шумел вершинами высоких деревьев, не предвещая ничего хорошего. Хорст огляделся — нет ли «хвоста». Но пространство между корпусами тонуло во мраке. Видимо, хозяева лагеря всерьез сэкономили на электричестве. Спасибо, луна немного подсвечивала сквозь редкие облака.

Хорст продрался сквозь редяющие кусты и оказался на протоптанной тропинке. В этом месте тропинка могла вести только к дыре. Наверное, ее проло-

жили еще поколения пионеров, обитавших здесь в далекие блаженные времена развитого всеобщего упадка и прогрессирующего застоя.

На фоне светло-черного забора дыра, похожая, скорее, на пролом, выделялась грозно-черным пятном. Горлышко разбитой бутылки слабо посверкивало дважды отраженным в пространстве отблеском. Света оно не прибавляло, но немного радости в мрачный пейзаж вносило.

Хорст остановился возле самого забора. Никого. И что прикажете делать? Орать? Он решил подождать.

Ждать пришлось долго. Хорст уже решил плюнуть и уйти, когда от темного пролома в заборе отделилось темное пятно, напоминающее человеческую фигуру.

— Хорст! — загобным шепотом удавленника позвало пятно.

Трудно было понять, принадлежало ли в действительности это шипение Ваньше Ботанику. На всякий случай Хорст шагнул навстречу. И, по привычке — все-таки место темное, собеседник малознакомый и «во как» подозрительный — резко сдвинулся с тропинки в сторону.

Говорят, что дурная голова не дает ногам покоя. А случается, умные ноги спасают голову. Так и получилось. Сделав автоматически шаг вправо, Хорст услышал и ощутил коротко стриженными волосами, как буквально в сантиметре от его затылка просвистела железная арматура. Били сзади, тяжелым тупым предметом. Как Витаса? Значит, все время, пока Хорст торчал у забора, таинственный злоумышленник караулил его поблизости в кустах.

Хорст, не оборачиваясь, ударил ногой назад и не промахнулся. Сдавленный хрип и глухой звук ударившейся о плотную землю арматурины засвидетельствовали меткое попадание. Добивать врага было некогда, к тому же он наверняка был не один. Вывести бы из опасной ситуации Ботаника, попавшего, как кур в ощи... Хорст бросился к нему, вытянув руки, чтобы оттолкнуть Ваньшу с траектории нападения. Теперь голову вместе с ногами спасли и руки.

Рванувшись вперед, Хорст, сам того не подозревая, опередил удар того, кого принял за Ботаника. Тот еще только замахивался, не ожидая от жертвы подобной прыти. Руки Хорста наткнулись на сведенные предплечья. Судя по напряженности мышц, второй нападающий также сжимал обеими руками что-то тяжелое. Типа двуручного меча. Или топора. А, может, как и его приятель, толстую ржавую арматуру с прищваренным на конце ошметком бетона.

Дальше получилось автоматически. Кто владеет техникой «липких рук», знает, что тут даже думать не надо, все происходит самым естественным образом — как ложку ко рту поднести. Хорст одновременно крутанул руки противника, заплетая их в некое подобие косички, и ударил коленом в заветное место повыше колен и пониже пупка. Туда, где, как утверждает известная детская считалка, «висит авторучка и два пузырька». Вспомнили? Творец считалки, к сожалению неизвестен. Некоторые приписывают авторство Сергею Михалкову, но другие горой стоят за Агнию Барто. Ну, теперь, конечно, вспомнили. Да, это очень больно. И противник Хорста сумел ощутить это в полной мере.

Но Хорст и тут не стал добивать поверженного, так как ожидал повторного нападения сзади. Да, развели они его, как последнего абитуриента из подготовительного отделения младшей группы детского сада. Молодцы ребята, хорошо бы с ними познакомиться. Узнать — кто они, откуда. Как дошли до жизни

такой, что нападают на мирных добрых людей посреди ночного леса.

Но у нападавших, вероятно, были другие планы на этот вечер. Может, они в филармонию торопились или в планетарий. Когда Хорст обернулся, на тропинке никого не было. Когда он снова взглянул на дыру в заборе, и она зияла пустотой. Только треск веток в обоих направлениях указывал на поспешное бегство ночных злодеев. Стоило, конечно, погнаться за кем-то из них, но Хорст очутился в положении буриданова осла между двумя одинаковыми охапками сена. Пару секунд он провел в замешательстве, после чего треск затих. Беглецы затаились, и лазить по кустам в их поисках стало бессмысленно.

Хорст вернулся в казарму, когда все уже спали. Что было делать? Зажечь свет и устроить подъем, чтобы узнать, кто, вместо того, чтобы нежиться в мягкой постельке под теплым одеяльцем, дрожит сейчас от страха, злобы и холода в кустах?

«Фиг с ними, потом разберемся», — решил Хорст.

И лег спать. Всю ночь ему снилось, как Вадим с дядей Федором, размахивая двуручными мечами, гоняются за ним по лесам, полям и даже под водой. А потом приснилась Машка, метаящая в кого-то помидоры... Было страшно интересно, и поутру он проснулся свежим и отдохнувшим.

А часом раньше, когда Хорст еще досматривал свои веселые сны, возле ворот с поблекшей надписью «П/л, Березка» сквозь утренний туман можно было разглядеть машину, внешне похожую на «мерседес». В салоне сидели двое — профессор Святополк Жидоморов и человек, которого некоторые называли Полковником, а кто-то знал как Оборотня.

— Хорошая у тебя тачка, — Жидоморов одобрительно похлопал ладонью по подлокотнику, отделанному натуральной кожей. — «Мерседес»?

— «Майбах», — поправил Оборотень. — Но она не моя. Баринов выделил. У него таких полный гараж.

— А зачем меня сюда привезли? Воздухом подышать? — поинтересовался профессор.

Оборотень отмахнулся.

— Ну, во-первых, тебе не мешало бы знать, где проходят подготовку твои чудо-богатыри. А во-вторых, у меня здесь имеются кое-какие важные дела, которые требуют моего присутствия именно в этом месте. Вот почему я велел привезти тебя сюда, а не приехал сам. К тому же в машине нам никто не помещает.

— А водилу куда усрал?

— Надо же человеку позавтракать! Я ведь его, как и тебя, ни свет, ни заря поднял.

— А к чему, собственно, такая спешка? — недовольно пробурчал Жидоморов.

— Анвар требует погасить долг в кратчайший срок.

— А не послать ли его?.. — вспыхнул Жидоморов. — Всякая черномразь будет мной командовать!

Оборотень с осуждением покачал головой.

— Ты забыл, что случилось с Михой Архангельским? У Анвара руки длинные, и на всю длину, по локоть, в крови. И потом, Барин решил вопрос в пользу Анвара. Поэтому ты должен заплатить. Или ты и Барина ни в грош не ста-

вишь?

Жидоморов надулся, как Ленин на Крупую, застукав ее в постели с Троцким. В смысле — с первым томом трудов Троцкого, который она читала, борясь с бессонницей.

Профессор Жидоморов едва не завыл волком. Так не хотелось ему отдавать свои кровно нажитые деньги! Помучившись, он пришел к выводу, что другого выхода у него нет.

— Твоя доля вины в этом деле тоже есть. Ты должен мне помочь, — сказал он Оборотню.

Тот в ответ даже рассмеялся.

— Я бы с радостью, только вот чем? Деньгами? Их у меня нет. Я же из тех, кто тратит, а не из тех, кто копит.

Но Жидоморов торопливо замотал головой.

— Нет, не надо мне от тебя никаких денег. У меня на примете имеется один перспективный вариант. Но мне нужна помощь квалифицированного специалиста. Как раз твоего профиля.

Оборотень склонил голову.

— Тогда нет проблем, я к твоим услугам. Всегда рад помочь доброму человеку. А что мне обломится?

Поговорив еще минут пять, они расстались. Оборотень вышел из машины и направился на территорию лагеря. Часовой на воротах отдал ему честь. А Жидоморов остался ждать водителя, который должен был отвезти его обратно в Москву.

После посещения Жидоморова Крюков решил навестить радикалов с противоположного фланга — антифашистов из «Интербригады Че». Ребята там подобрались крутые и тоже вполне могли прикончить Миху. Он позвонил в отдел, но никто не подошел. Его начальники тоже мотались где-то в поисках убийцы пламенного борца Михи Архангела.

В штаб-квартире «антифы», бывшем помещении «красного уголка», было многолюдно и накурено. В актовом зале шло собрание. Выступал лектор или как там его называли. Молодой и горячий. По редкой бородке и берету Крюков сначала принял его за Санчеса, но потом понял, что они тут все такие, как клонированные овцы.

На сцене в обрамлении красных флагов с черной пятиконечной звездой в белом круге висел портрет Эрнесто Че Гевары. Слушатели старательно овладевали богатым наследием классика терроризма.

Тон лектора ничем не отличался от тона сотен докладчиков, слышанных сыщиком за долгие годы жизни. Только раньше освещали проблемы жизни на других планетах, борьбы за мир во всем мире, освоения квадратно-гнездового метода сева бобовых культур. Теперь же ученый юноша рассказывал об особенностях ведения партизанской войны в условиях города.

— Городские партизаны, — строго говорил он, — должны выполнять лишь возложенные на них задачи. Никакой самодеятельности не допускается. Необходима точная координация своих действий с действиями соседей. Если вам поручили вывести из строя канализацию, линию электропередачи или взорвать железнодорожные пути, следует думать только о том, чтобы как можно безукоризненнее выполнить именно эту задачу, поставленную вам вашим ко-

мандиром.

На лицах слушателей застыла готовность в любой момент и как можно безукоризненнее выполнить поставленную командиром задачу. Докладчик продолжал:

— Городские условия исключительно неблагоприятны для ведения партизанской войны. Поэтому численный состав вашей группы не должен превышать четырех-пяти человек. Особенно важны маскировка, дисциплина и выдержка. Друзей, которые снабжают вас продовольствием, одеждой и оружием, должно быть не более трех — четырех. Эти люди должны вызывать полное доверие. При первом же подозрении в предательстве они уничтожаются. Тела их подлежат расчленению или уничтожению в ванне с кислотой.

Крюков едва не засмеялся вслух. Он представил себе ванну с кислотой. Что может быть проще? Если соседи, привлеченные едкими испарениями, через пять минут не вызовут милицию, значит, они уже отравились. А насчет расчленения — для начала в целях профессиональной ориентации следует встать к «стулу», как мясники называют плаху для рубки мяса, и хотя бы пару часов помахать «тупицей», как те же мясники называют топор.

Но доверчивые борцы за светлое будущее ничтоже сумняшеся конспектировали лекцию, в которой каждое слово на вес золота.

— Оружие в городских условиях можно использовать лишь короткоствольное — пистолет, пистолет-пулемет, обязательно снабженное глушителем и пламегасителем. По-другому это называется устройством для бесшумной и беспламенной стрельбы. Само оружие должно быть простым и надежным. Боеприпасы к нему также должны быть доступны. Например, если выбирать между «наганом» и «глоком», лучше выбрать «наган».

Слушатели старательно скрипели шариками своих авторучек, боясь пропустить слово златоуста. А тот продолжал сеять разумное, доброе, вечное.

— Таким образом, городские партизаны — это группа людей на нелегальном положении, которая имеет военную организацию и действует в крайне неблагоприятных условиях. Возможности такой группы тем выше, чем больше город и его население. Несколько таких групп, при условии высокой координации действий, могут серьезно парализовать жизнь всего города. Посмотрите на беспомощность силовых структур в борьбе с чеченским терроризмом. Это при том, что присущие этим террористам этнические особенности делают их особенно заметными. Кроме того, действия чеченских террористов — разовые, они плохо скоординированы и не имеют конкретной политической цели. Их бессмысленность в том, что они не имеют адресата. Чеченцы могут взрывать вагоны, стадионы, кинотеатры, но ничего, кроме ненависти широких слоев населения, этим не вызовут. Если же избрать объектами террора тех представителей власти, которые имеют в народе крайне низкую популярность, это обеспечит всеобщую поддержку народа. Но просто взорвать прововавшегося чиновника — этого мало. Необходимо сразу же, буквально на следующий день, организовать ураганный слив компры на него через Интернет и газеты. Для этой цели всегда можно найти с десяток «желтых» изданий. И никакие сатрапы и душители из спецслужб не спасут своих хозяев!

Крюкову даже плохо стало, когда он представил себе, что найдет желавший осуществить на практике подобные бредовые планы. Он вышел из зала и ткнул в первую же дверь. Здесь сидели две девушки и парень и пили чай.

Как нормальные люди. На Крюкова они посмотрели с интересом.

— Где бы мне Санчеса найти? — спросил он.

Одна из девушек улыбнулась ему, так как не знала, что он сатрап и душитель.

— Сегодня у Дворца молодежи митинг против экстремизма. Там Баринов будет выступать. Санчес с группой туда поехал. Поприветствовать. Чаю хотите?

— Спасибо, в другой раз, — обворожительно улыбнулся сыщик в ответ и, пока его не раскусили, покинул грозные, но гостеприимные стены.

Возле Дворца молодежи народу собралось немного. Погода явно не благоприятствовала. Опер успел вовремя, как раз выступал Баринов. Молодежь входила в его электорат, поэтому он считал долгом посещать разные несерьезные митинги и тусовки. Трибуну с Бариновым окружала цепочка мордovorотов в темных недорогих костюмах.

— Гидру экстремизма нужно немедленно раздавить! — убеждал он собравшихся. — Я не желаю дышать одним воздухом с экстремистами! Я хочу вытолкнуть этот воздух из своей глотки с криком «Долой!»

Крюков готов был поклясться, что уже слышал такую цитату в каком-то старом фильме. Кажется, в комедии. Похоже, тот, кто писал Барину предвыборные речи, не сильно напрягался.

— И я обращаюсь к вам, к лучшим представителям нашей прогрессивной молодежи! Пора развязать руки силовикам! — яростно требовал Барин.

«Ох, развязал бы ты мне руки, я бы ими в первую очередь тебя по жирной морде отходил», — размечтался Крюков.

И как бы в ответ на его пожелания в докладчика полетели яйца, помидоры, майонез в разорванных пачках.

«Жалко, что не в ведерке, — отметил с сожалением Крюков и сходу придумал рекламу. — Граждане, покупайте майонез только в ведерках, а для таких случаев особенно».

И рядом портрет Баринова с пластмассовым ведерком на голове и мордой, заляпанной майонезом. В толпе возникла суматоха. Телохранители ринулись расталкивать лучших представителей нашей прогрессивной молодежи.

Оратор остался без охраны. Если бы кто-то и в самом деле посчитал господина Баринова серьезным политическим противником, то лучшего момента для его устранения не смог бы выбрать при всем желании. Но поскольку господин Баринов, подобно Неуловимому Джо, был на фиг никому не нужен, то и соискателей его скальпа в толпе не нашлось.

Через секунду телохранители выволокли из толпы захваченных живьем вредителей, осмелившихся поднять руку на самое святое, что у них, телохранителей, было. На хозяина. В одном из пленных Крюков узнал искомого Санчеса. Вторым оказался, вернее, оказалась, неумная дочь эксперта по национальным вопросам Гершензона Маша.

Увидев, что осквернители в его распоряжении, Баринов снизошел с трибуны на землю. Опасливо косясь умным глазом — а вдруг укусят? — он приблизился к героям сопротивления. Для начала отвесил наотмашь хлесткую пощечину Машке, на что та ответила метким плевком в глаз политика. Ее поддержал Санчес и тоже не промахнулся. Чтобы прекратить оплевывание законодателя, охранники заломили Санчесу руки выше затылка. Голова его опусти-

лась до уровня колен.

Народный избранник не мог справиться с искушением. Забыв о дворянском, как он всех уверял, происхождении и вальяжных манерах, Барин вознамерился по-хамски съездить врага сапогом по морде. Он замахнулся ногой, словно пенальти по воротам бил и...

Громкий треск рвущейся материи оповестил участников митинга о сокрушительном конфузе оратора.

— Что там? Что там? — закричали из задних рядов те, от кого происходящее закрывали стоявшие впереди.

Версии последовали разные.

— Барин того... в штаны наделал?

— Нет, но попытался!

— Да нет, он штаны порвал!

— Нам солнца не надо, нам задница Барина светит! — тут же подхватили досужие мерзавцы-шутники.

— А откуда тогда такая вонь? — не сдавались сторонники первой версии.

В это время Крюков сумел, наконец, протолкаться к месту циничного и изощренного преступления.

— Управление спецслужбы! — объявил он. — Вы что тут, самосуд решили устроить? Суд Линча? Самоуправством занимаетесь?!

И без того сконфуженный Барин предпочел ретироваться. Пиджак — яйцо под майонезом, брюки разорваны, авторитет растоптан. Это было слишком для одного дня. Его паладины в растерянности переминались с ноги на ногу, не зная, что теперь делать с пленниками. То ли и в самом деле повесить, то ли надавать пинков и выгнать взащей.

— Преступников — в машину, — распорядился Крюков. — Их будет судить народ!

Он пошел вперед, за ним повели героев дня. Санчес огреб по дороге пару шлепков от публики, но зато и сорвал аплодисменты. Машке повезло больше, ей только хлопали. Когда арестованные оказались на заднем сиденье «рябухи», один из телохранителей спросил опера с беспокойством:

— А они не сбегут?

— Дверь под током, — заверил его сыщик.

Охранник недоверчиво, с опаской коснулся дверной ручки одним пальцем. Накопившееся в нем и в корпусе машины статическое электричество разрядилось, как это иногда бывает, с довольно громким треском. Охранник испуганно отдернул руку.

— Ну что, не убило? — с беспокойством спросил Крюков. — Повезло тебе, мужик! В следующий раз будь осторожнее.

Охранник ногой захлопнул дверь машины и рысью припустил за успевшими удалиться коллегами.

Крюков запустил двигатель и вырулил со стоянки.

— Куда вас? — спросил опер у несгибаемой парочки.

— Лучше, конечно, в Лефортово, но сойдет и Бутырка! — донельзя довольный собой сострил Санчес.

— Ничего не получится, — поспешил разочаровать его сыщик. — На отсидку ты еще не наработал. Надрать бы вам обоим задницу!

— Ишь, размечтался! — ехидно заметила Машка. — Не видать тебе, мусор,

моей задницы, как своих ушей!

Крюков усмехнулся.

— Нет, братцы, это вы размечтались. Возомнили себя невесть кем. Этакой помесью Ивана Сусанина с Зоей Космодемьянской. А на деле вы — мелкие пакостники.

— Да что ты про нас знаешь?! — завопил Санчес. — Да мы знаешь!..

— Ага, расскажи ему все, — опять-таки ехидно посоветовала другу Машка. — А он в книжечку запишет и тебе, дураку, потом предъявит. Он же из ментовки.

— А мне плевать, что он из ментовки! — не унимался Санчес. — Мне плевать на любую власть! Все равно они ничего не слышат и не понимают. Власть слышит только взрывы и понимает лишь язык ультиматума. Дело прочно, когда под ним струится кровь! Убийство — вот настоящий, фактический аргумент, потому что оно необратимо!

Крюков готов был поаплодировать его арии, да руки на руле. Поэтому — переспросил:

— А ты что, уже убил кого-нибудь? Я не для протокола спрашиваю. Просто любопытно.

Санчес самодовольно подбоченился.

— Обвинение хочешь состряпать? И чтобы я сам себе дело сшил? Ищи дурака!

Но тут неожиданно Машка набросилась на соратника-сообщника.

— Это ты не валяй дурака. Тоже мне, террорист! Санчес-Карлос! Алеша Карамазов! Да если бы тебе было в чем признаться, ты бы это сделал и с протоколом, и с магнитофоном, лишь бы похвастаться. Вы же все только болтаете. Ну, кого ты убил? Таракана домашним тапком?

И неожиданно подумала, что тот странный парень Дима или Хорст никогда не стал бы себя так вести. И за его спиной явно есть настоящие серьезные дела. Интересно, какие?

Санчес долго крепился. Видимо, признание далось ему нелегко. Наконец он раскололся:

— Ну и что? Да, я никого не убил! Пока никого. Но я готов к этому. И вообще, я считаю, что за идею можно убить любого. Это не преступление.

Крюков с трудом подавил в себе сильное желание остановиться, вытащить этого убийцу-теоретика из машины и погонять с полчаса пинками, чтобы немного выветрить дурь.

Машка заметила, как изменилось лицо опера. На нее это произвело сильное впечатление. Она поняла эту перемену по-своему и перешла на «вы».

— Скажите, а вы кого-нибудь убили?

— Нет, — соврал сыщик.

Машка уловила фальшь в его голосе.

— А если честно? Я и так вижу, что убили. Сколько?

— Когда? — отозвался Крюков.

— Что «когда»?

— А что «сколько»?

— Ну, сколько человек вы убили? — настаивала Машка.

— Когда? — снова переспросил опер. — На прошлой неделе? На позапрошлой? На этой? Какой отрезок времени вас интересует?

— За всю жизнь...

— Не знаю, не считал. Первых трех хорошо помню, остальных — нет. И не хочу вспоминать.

— А за что вы их убили? — вступил в разговор и Санчес.

— Они в меня песком бросались, — Крюков затормозил возле дома Гершензона. — Ладно, экстремисты, выметайтесь.

— Дураков ищите? Сами же говорили, что дверь под током, — окрысился Санчес.

Ну, конечно, убийства, жертвы, готовность к подвигу — это одно. А вот током ударит — совсем другое. Это больно.

— Нету тока, кончился, — печально вздохнул сыщик. — Искра в землю ушла.

Санчес все-таки вспомнил, что он герой, и недоверчиво прикоснулся к двери пальцем. К его удивлению эксперимент прошел удачно, ничего с ним не произошло. Он нажал на ручку и пулей выскочил из машины, за ним последовала соратница.

— Завтра будьте дома, я у вас объяснения приеду получать, — предупредил опер.

И тронулся с места.

6

Утро в тренировочном лагере началось с подъема в шесть часов и общего построения. Все были в черных майках, камуфляжных штанах и ботинках с высокими берцами. Накануне группе Хорста выдали полные комплекты униформы.

Лица у всех закрывали шапки-маски с прорезями для глаз. Как объяснили личному составу, делалось это не с целью конспирации — в лагере и так все друг друга знали — а для того, чтобы выработать привычку к работе в маске на будущее, когда это будет необходимо.

Прямо с построения весь лагерь вывели на трехкилометровую пробежку. Бежали в темпе марш-броска, периодически переходя на шаг. Но и при таком облегченном режиме несколько человек отстали. Один из отставших оказался из группы Хорста. Сразу после завтрака рыжий Эрик велел ему выйти из строя, собрать вещи и отправил его в числе прочих слабаков домой.

Позже Хорст не раз замечал, как тех, кто не выполнял тот или иной норматив, отправляли из лагеря. Никакой воспитательной работы в этом смысле не проводилось, — никаких уговоров или проработок. Тем, кто не мог или не хотел, не было места в их рядах. Вот только понять бы — что это за ряды? Хорст в дураках не числился, вопросов лишних не задавал. Знал, что рано или поздно хозяева лагеря сами все объяснят.

А пока дни проходили в тренировках и учебе. После завтрака группы расходились на теоретические занятия. Предметы отличались удивительным разнообразием. Изучали техническое устройство машин, оружия, повадки собак, а также религии и философские учения. Все передвижения по лагерю выполнялись бегом. Если человек куда-то направлялся, он должен был точно знать куда и стараться добраться в нужное место за минимальный промежуток времени. Двоих, пойманных за бесцельным курением, отчислили как не справившихся с нормативами. С ними вместе отправили слишком любопыт-

ного курсанта, который спросил инструктора о цели их обучения.

Но чаще всего из лагеря изгонялись недисциплинированные. При малейшем намеке на неисполнение приказа инструктора или пререкания с ним виновный получал обратный билет на проезд до Москвы.

Эрик командовал группой на правах командира. Хорста поначалу коробило от необходимости подчиняться ровеснику, но он сумел заставить себя выполнять его требования безоговорочно. Для себя он твердо решил, что по окончании учебы набьет морду рыжему наставнику морду, на том и успокоился.

Главной из дисциплин, по крайней мере, на первое время, был бег. Помимо того, что курсанты выполняли бегом все команды, им приходилось делать ежедневные забеги на несколько километров. Сразу после бега приступали к спаррингам. Для Хорста такая жизнь была не в тягость, а, скорее, в радость.

Некоторым же — Игнату, Дыне — учение давалось трудно. Хорст вообще удивлялся, что обоих до сих пор не выперли. Однажды он невольно стал свидетелем разговора Шварца с Вадимом. И понял, что Дыня и Игнат держатся в лагере только благодаря заступничеству Шварца. Какие у них, троих, могут быть общие секреты?

Шварц и раньше был человеком странным, просто Хорст об этом как-то раньше не задумывался. По возрасту он годился Хорсту и его товарищам если не в отцы, то, во всяком случае, в самые старшие братья. Когда он руководил одной из групп, это казалось нормальным. Но после разгрома «Шварца♦88» остатки группы влились в «Братство» Святополка Жидоморова, и Шварц стал одним из бригадиров или «штурмфюреров», то есть лейтенантов. Старые соратники привыкли относиться к нему, как к командиру, новичкам же приходилось разъяснять, кто есть кто.

Не менее странным выглядело и то, что после ареста руководства организации «Шварц♦88», на свободе из всех остался лишь он. Собственно, кличку «Шварц» он получил, а, точнее, присвоил себе сам, уже после этого. Но и об этом Хорст раньше также не задумывался. В лагере Шварц, в отличие от остальных, постоянно не жил, наезжал время от времени. В общем, находился на особом положении.

Хорст, напротив, не пытался создать себе никаких исключительных условий. Наравне со всеми бегал кроссы, таскал тяжести, работал на снарядах, изучал разные типы оружия и стрелял из них. Нравилось ему и возиться с машинами. А к вождению у него просто был талант.

Углубление в дебри разных религий и философских течений давалось Хорсту хуже, но он, по крайней мере, научился видеть разницу между истинными и ложными учениями.

Больше всего Хорсту нравилось совершенствоваться в рукопашных боевых искусствах. Среди партнеров ему попадались ученики самых разных систем, школ и стилей. И чуть ли не у каждого можно было научиться чему-то новому.

Свою мечту набить морду рыжему инструктору Эрику Хорст почти что реализовал. Тот сам предложил ему немного поработать в спарринге, и Хорст тут же согласился.

Хорст отдал предпочтение ударной технике. Эрик успешно противопоставил ему блоки, захваты и броски. Тогда Хорст тоже воспользовался борцовским арсеналом, Эрик ответил градом ударов, впрочем, не достигших цели.

Оказавшись по несколько раз на полу, каждый из бойцов начал осторожничать. Удары и блоки стали более скупыми по амплитуде, захваты — более продуманными, а броски — подготовленными.

Как и в том прошлом поединке на поляне, остальные бойцы прекратили свои занятия и собрались вокруг Хорста и Эрика. Те демонстрировали технику высочайшего уровня. Правда, движения Эрика казались чуть замедленнее, чем у его противника. Да и в манере нанесения ударов и постановке блоков нет-нет и проскакивала тяжеловесная кондовость армейского спецназа.

Однако Хорст уже забыл о своем былом намерении проучить инструктора. Он увлекся поединком, но, в то же время, помнил, что это всего лишь тренировка. Удары наносил дозированные, не стремился и расплющить блоком конечность противника, хотя вполне мог бы.

Когда спустя тридцать минут оба, совершенно вымотанные, опустились на татами, агрессивное настроение у обоих уступило полному умиротворению. В душе и раздевалке они разговорились. Хорст узнал, что Эрик и в самом деле служил в армии, не поступив после школы в институт. Воевал в Чечне. Возвратившись на гражданку, он понял, что никому не нужен и со своей военно-учетной специальностью разведчика годен разве что охранять магазин. При этом он иногда участвовал в соревнованиях, где и был замечен Вадимом. Тот привлек его к работе в организации. Что это за организация, Эрик не говорил. Хорст — решил не спрашивать. Его девиз оставался прежним: «Надо будет — сами скажут».

Однажды Эрик после изматывающей трехчасовой тренировки отозвал Хорста в сторону.

— Ты как, еще способен двигаться?

Хорст пожал плечами.

— Если надо, постараемся.

Инструктор хлопнул его по плечу.

— Тогда готовься. Ребятам пособить нужно.

После команды «отбой» Эрик махнул Хорсту.

— Пошли.

На улице, возле гипсового пионера их ждала «шишига» — крытый тентом военный грузовичок «ГАЗ-66».

В кузов забирались парни в такой же, как и у Хорста, униформе, с шапками-масками, опущенными на лицо. У некоторых в руках были помповые ружья, а у троих Хорст заметил автоматы Калашникова. Погрузкой командовал Вадим.

В кузове все разместились на узких скамейках. Машина тронулась и выехала за пределы лагеря. Из всей группы Хорста его одного пригласили для участия в загадочной акции.

— Маски проверьте, нам потом проблемы не нужны, — напомнил Вадим.

Остаток пути проделали в полном молчании. Наконец машина остановилась. Внимание Хорста, как и остальных прибывших, привлек шум снаружи.

— Выгружаемся. Первый пошел! — распорядился Вадим.

Бойцы посыпались из кузова и выстроились возле машины. Хорст огляделся. Они находились на окраине заброшенной деревни. Из группы полуразвалившихся домов выделялся один кирпичный, двухэтажный. С готическими башенками и ампириными завитушками по фронтону. Возле него они и оказа-

лись.

Свет в доме не горел, но жильцы не спали. Они нескончаемой цепочкой выходили из разбитых в щепы дверей дома и собирались толпой в отдалении. Все это происходило под охраной парней, одетых так же, как и те, кто приехал с Хорстом. На улице Хорст заметил знакомый автобус — на нем во время недавней драки и прибыло подкрепление к «архангелам». Но сейчас все они, как будто, были на одной стороне.

Судя по громким выкрикам и гортанным завываниям, изгоняли цыган. В основном женщин и детей, но среди них попались несколько толстых мужиков, увешанных золотыми цепями и «шайбами». Прочие жители деревни, также разбуженные приездом незваных гостей, жались в отдалении, предпочитая оставаться в темноте. Видимо, боялись опасных соседей.

Неожиданно откуда-то сверху грохнули ружейные выстрелы. В ответ по окнам второго этажа, разбивая стекла и вышибая кирпичную крошку из стен, шарахнули автоматные очереди. Из дома заорали густым шалашинским басом:

— Не стреляйте, не надо! Здесь дети!

Вадим взял в руки громкоговоритель.

— Будулай, сдавайся! Выходи с поднятыми руками. Если из дома прозвучит еще хотя бы один выстрел, мы сожжем твое гадючье гнездо со всеми змеенышами! Даю пять секунд на то, чтобы покинуть дом! Всем!

Дети с узлами... Их отбирали, перетряхивали и швыряли в дом.

Хорста это покорило. Стоявший рядом Эрик заметил, как сузились в прорезях маски его глаза. Тогда он молча распотрошил и показал Хорсту один из узлов. Завернутый в детскую куртку, внутри лежал большой прозрачный пакет, наполненный беловатым порошком.

— Как думаешь, это «Тайд» или «Ариэль»? — усмехнулся Эрик. — Предмет первой необходимости. Ты бы поменял его на две пачки обычного порошка?

У одной из голосящих баб вырвали из рук запеленатого младенца. Из развернувшегося свертка вместо ребенка выкатился такой же пакет с порошком.

Следом за женщинами и детьми показался и хозяин. Он превосходил своей толщиной всех остальных мужиков, равно как его цепи и кольца. Это был самозванный цыганский барон по кличке Будулай. Его люди осуществляли розничную наркоторговлю в ряде крупных городов Подмосковья. Он вышел из дома, растопырив руки с толстыми, как сардельки, пальцами. Скрежет его зубов был слышен за версту от дома.

— Все вышли? — спросил его Вадим.

Тот молча кивнул с сокрушенным видом.

Оттолкнув толстяка, в дом вбежали несколько вооруженных бойцов. Через минуту где-то в глубине дома грохнул выстрел. Еще через несколько минут бойцы снова показались на улице.

— Пусто! — доложил старший.

В руках у бойцов был ворох теплых вещей, который они бросили к ногам обитателей дома.

— Накиньте, свежо! Детишки простудятся!

Но горластые бабы и здесь принялись демонстрировать свою независимость.

— А пошел ты! Чтоб у тебя хер на лбу вырос! Чтоб дети из тюрьмы не вы-

лезали! — наперебой заорали они.

Детишки принялись с безопасного расстояния забрасывать доброхотов всякой дрянью. Выстрелом в воздух Вадим восстановил тишину и снова взялся за громкоговоритель.

— Именем русского народа имущество, нажитое преступным путем, подлежит уничтожению! Члены преступной группы приговариваются к изгнанию под страхом смерти!

Тут Хорст заметил дядю Федора, который маячил на заднем плане. Он явно предпочитал не светиться. Стоял, вроде бы, в стороне, и усмехался.

Против разбитых дверей опустевшего дома остановился один из бойцов. Хорст узнал Эрика. На плече тот держал трубу реактивного огнемета «шмель». Эрик опустил на одно колено и прицелился. Ударил выстрел. Капсула ушла в темноту дома, взорвалась там и вспыхнула ослепительным огнем. Пламя загудело и забушевало, пожирая роскошные ковры, мебель, аппаратуру. Уничтожив все внутри, пожар выжег кирпичи, превратив их в пыль. Готические башенки с амбирными завитушками обрушились внутрь, подняв к ночному небу целый столб искр.

Дядя Федор незаметно кивнул Вадиму, и тот объявил погрузку. Хорст полез обратно в кузов «шишиги», за ним — соратники. В лагерь они вернулись только под утро. Но спать не хотелось. В сознании Хорста отпечаталась фраза, оброненная дядей Федором, когда Хорст проходил мимо него. Тот посмотрел на Хорста и вполголоса сказал то ли ему, то ли сам себе:

— Что же делать, если они пытаются обеспечить жизнь своим детям за счет наших?

Лагерные сборы завершились сдачей нормативов. Это было не очень трудно. Первым делом бежали на время кросс по пересеченной местности. Пятикилометровая пробежка без перерыва перешла в стрельбу.

Хорст уложился в норму, хотя его слегка пошатывало. Ему сунули в руки автомат и толкнули к огневому рубежу. Он не лег, а скорее, упал на клеенку, расстеленную на земле. И тут его чуть не вырвало. Прямо перед планкой, обозначающей стрелковый рубеж, была отрыта неглубокая канавка, наполненная нечистотами. Кроме продуктов обмена, именуемых в просторечье говном, в грязной жиже виднелись какие-то сомнительные органы, напоминающие фрагменты кишечника. Вероятно, там было что-то еще, но вглядываться не хотелось. Хорст взвел затвор, тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Затвор звонко щелкнул. Выстрела не последовало. Хорст отстегнул магазин и с удивлением обнаружил, что он пуст.

— А где патроны? — спросил он инструктора.

Тот вместо ответа взглядом указал на канавку с испражнениями. Хорст поначалу решил, что это шутка, но тут обратил внимание на то, что рука лежавшего по соседству стрелка была по локоть в чем-то липком и грязном.

Зажмурившись, он решился и сунул руку в вонючую массу. Под пальцами оказалось что-то скользкое и мягкое. Он продолжил поиски. Наконец ощутил твердое. Камень? Нет, похоже, гильза. Вынув руку и стряхнув жижу, он облегченно вздохнул. Это был патрон. Но только один.

— Сколько выстрелов? — с надеждой спросил он инструктора.

На чудо он не надеялся, но... Вдруг и одного хватит?

— Как обычно. Три пробных, пять зачетных. Если не хочешь, не стреляй, —

добавил тот безразличным гоном.

Хорста передернуло, но он пересилил себя и, стиснув зубы, снова полез в жидкое дерьмо... Отстрелялся он тоже весьма неплохо. А с учетом специфики, так просто отлично. Пробные выстрелы занизил, зато три зачетных пули положил точно в десятку, две остальных легли хуже — девятка и семерка.

— Молодец, что все восемь выловил, — одобрил инструктор. — Если бы ограничился только пятью зачетными, результат бы не засчитали.

«Интересно, а на хрена мне вообще какой-то результат? — раздумывал Хорст, яростно отмывая руки. — Может, они тут и дипломы об окончании собираются вручать?»

Отмывшись и подозрительно обнюхав напоследок руки до локтя, Хорст шагнул на огороженный канатами ринг. То ли Вадим подсуетился, то ли Хорст не совсем разумно распределил свои силы, но любимое занятие — поединок — давался ему сейчас с большим трудом. К тому же пятеро последовательно сменяющихся противников — это вам, конечно, не тридцать мордovorотов, насилу одолевших старого Тараса Бульбу, но и не хрен собачий.

Троих противников Хорст одолел более или менее легко. На четвертом он практически сдох. Вяло отбивался, отступая к канатам и думая лишь о том, чтобы не дать зажать себя в угол. Если бы соперник, поверив в свою полную победу и расслабившись, не раскрылся, Хорст наверняка не дотянул бы до конца боя. Но противник шагнул вперед и отвел правую руку для удара. Его вытянутая вперед левая при этом опустилась, открыв затянутое черной маской лицо.

Хорст сам не понял, как отреагировал. Ударом левой снизу он приподнял вражеский подбородок и тотчас провел боковой справа. Противник поплыл в сторону, и тут Хорст добил его сокрушительным ударом колена в печень.

Глядя, как тот укладывается на полу ринга, Хорст поймал себя на ужасной мысли.

«Мне звездац, сейчас я упаду рядом», — вдруг точно определил он.

И тут через канаты полез последний, пятый поединщик. Даже не разглядев под маской его лица, по одним только кулакам размером с ведро, Хорст безошибочно узнал Дыню. При виде старого друга Хорст вдруг ощутил невероятный, прямо-таки нечеловеческий прилив сил.

Он не помнил, как провел последний бой. Позже Эрик рассказал ему, что у зрителей создалось впечатление, будто на Дыню налетел трамвай или тайфун, прокатился через него и умчался дальше.

Хорст очнулся, когда почувствовал, что его обнимают крепкие руки, и услышал со всех сторон поздравления. В числе немногих он выдержал испытание. Ему внезапно показалось, что рядом с ним стоит и крепко жмет его руку старый и надежный друг Витас.

Хорст взмахом головы стряхнул наваждение. Рядом стоял Эрик Рыжий, его новый друг и соратник по не совсем еще понятной организации. Но Хорст не торопился. Он знал — всему свое время. Ни дипломов, ни удостоверений победителям здесь не выдавали. Но Хорст не сомневался в том, что за их подготовкой внимательно наблюдал хозяин лагеря. И что встреча с ним еще впереди.

Наступила последняя ночь в лагере. Утром автобусом всех должны были отвезти обратно в Москву. Перед самым сигналом к отбою к Хорсту снова подошел неизвестный и чуть ли не слово в слово повторил приглашение к забо-

ру. Хорст не на шутку рассердился. Он одной рукой сгреб гонца за шиворот, а другой задрал его маску. Нет, лицо парня было Хорсту незнакомо.

— Кто звал? Колись, а то раздавлю как жука! — пообещал Хорст.

— Не знаю, девка какая-то, — проблеял тот.

Девка?! Гонец, похоже, не врал. Хорст вспыхнул. А вдруг Машка?! Пришла к нему... Что-то случилось, и ей нужно помочь... На всякий случай Хорст не стал предупреждать Эрика и направился к забору со всеми предосторожностями. Фигуру возле пролома он заметил издали. Но теперь он не пошел прямо к ней, а углубился в заросли и сделал большой круг.

При этом время от времени он останавливался и прислушивался. Но кроме него и того, кто его ждал, вокруг не было ни души.

Хорст давно догадался, что в прошлый раз никакой Ботаник его к забору не вызывал. Он также догадывался, кому мешает спокойно жить. Но сказать с уверенностью, а тем более, доказать свои подозрения, пока не мог. Быть может, новая встреча прольет свет на темную историю?

Хорст приблизился к одиноко темневшей фигуре вовсе не с той стороны, откуда его ждали, а с противоположной.

— Что надо? — резко спросил он.

Фигура вздрогнула и обернулась. Это была Татьяна.

— Ты?! — Хорст изумился и расстроился, но постарался себя не выдать. — Что ты тут делаешь?

— Я приехала тебя предупредить, — торопливо начала она без всяких предисловий. — Игнат предатель. Не знаю, кому он стучит, но он — засланный казачок. В той драке он не участвовал, а прятался. Причем с той стороны, откуда менты не подъезжали. Как будто знал, что они приедут.

— Там, где не было ментов, пытался спрятаться Миха Архангел, — припомнил Хорст. — Думаешь, Игнат его мог завалить?

Татьянка с сомнением покачала головой.

— Это вряд ли. Он для этого слишком большой трус. За него все делает дебил Дыня. И вот что самое главное... Игнат и Дыня слишком часто общаются со Шварцем. Шварц в опасности, его надо предупредить. Ваньша что-то знает, но боится говорить.

Хорст задумался. Он и сам давно хотел выяснить у Шварца напрямую, какие у того общие дела с Игнатом и Дыней.

— Что ты предлагаешь? — спросил он Татьянку.

— Давай устроим им всем очную ставку — Игнату, Ваньше, Шварцу. Вот только Дыня припрется...

— Дыню я беру на себя, — отрезал Крюков. — Значит, так и сделаем. Завтра мы, наверное, вернемся в Москву. Там и обсудим все в подробностях. А как ты добираться будешь?

— Автостопом, как и сюда приехала. Обо мне не беспокойся, я вооружена и очень опасна!

Татьянка сделала на прощанье Хорсту ручкой и потопала в черноту леса. Похоже, она действительно ничего не боялась. Хорсту вдруг стало жаль эту самонадеянную девчонку. Он повернулся и медленно побрел к спальному корпусу.

Ночью в квартире профессора Жидоморова горел свет. Профессор на кухне

пил чай с человеком, называвшим себя Оборотнем.

— Как ты сказал, я расплатился с Анваром. Теперь я нищий, — признался он.

Оборотень размешивал в большой купеческой чашке пятую ложку сахару. Его кипучий мозг требовал много сладкого.

— А как же спонсоры? — спросил он.

Жидоморов только рукой махнул.

— Грошковые подачки. У меня, правда, есть одно соображение. Но мне понадобится решительный помощник. Такой, который не побоится руки-ноги замочить. В крови, ясное дело. Ты на такое подпишешься?

Оборотень сделал вид, что задумался.

— А что с этого буду иметь я?

Жидоморов насупился. Нет, он не был дураком и понимал, что если хочешь что-то получить, надо делиться, и делиться щедро. Но все-таки ему стало жалко. Наконец он переборол себя нечеловеческим усилием воли.

— Половину, — буркнул он.

— И на сколько потянет моя половина?

— Точно не скажу, но что-то около миллиарда, — неуверенно сообщил профессор.

— Евро?

— Долларов!

Оборотень изобразил лицом разочарование. Потом сделал вид, что передумал.

— А, ладно. Говори, кого мочить будем.

Святополк Жидоморов закатил глаза и сглотнул слюну. Он испытывал крайнюю степень блаженства.

— Гершензона, кого же еще! — радостно выпалил он.

С утра пораньше в угловом кабинете особнячка в центре Москвы, этажом выше «Отдела расизма», состоялся тихий разговор. Беседовали старые знакомые — Барин и Оборотень. Здесь можно было не выделяться, изображая любителя экзотической кухни. Собственно, едой стол не отличался. Только дежурный набор — коньяк, лимоны и шоколад.

— Люблю, как в старину, — признался Барин. — Полстакана коньяка заглотнул, шоколадкой зажевал, и энергии на полдня хватает.

Он налил ровно до половины самый обычный граненый стакан и жадно выпил, потом отломил полплитки шоколада и запихнул в рот.

— Терпеть не могу эти пузатые фужеры, — признался он. — Из них по глотку цедить надо. А я люблю залпом. Так какие у нас проблемы?

Оборотень как раз цедил коньяк из подогретого на специальной горелке пузатого фужера. Поставив бокал, он, не спеша, взял дольку лимона и принялся посасывать. Потом откинулся на спинку кресла.

— Проблем у нас нет.

— Неужели?! — удивился Барин. — Свежо предание, да верится с трудом.

— Но оно действительно так, — заверил сообщника Оборотень. — Жидоморов отдал бабки Анвару, Анвар — Мусе. У Мусы большая партия нового товара. Он им всю Москву и область завалит. Прекрасные итоги, радужные перспективы.

Но Барин не разделял его оптимизма.

— Да зашибись его перспективы синим пламенем! Мне нужен хороший теракт где-нибудь неподалеку от Москвы. Чтобы шуму много, но без таких накладок, как ваша прошлая выходка в центре.

— Вы же сами просили грохнуть посильнее, — напомнил Оборотень.

Барин сделал плаксивую гримасу.

— Да, просил. Тогда мне нужно было напугать Думу. И мы это сделали. А теперь мне нужно пробить своему ведомству приличное финансирование на будущий год. Поэтому организуй, пожалуйста, нормальный дозированный террористический акт. Понимаешь? Дозированный! А с фашистами этими бритыми пора заканчивать. От них проблем больше, чем пользы. Думаю, лучше привлечь черных.

— Вам виднее, — пожал плечами Оборотень. — Хотите черных, будут черные. Но их надо завести, просто на «бабки» они не поведутся.

— А вот для этого используй бритоголовых. Эти на «бабки» поведутся в лучшем виде. Не мне тебя учить.

Оборотень пил коньяк с благодушным видом, словно речь шла не о взрывах и убийствах, а о веселом пикнике с шашлыками и девочками. Он отставил в сторону недопитый коньяк и обратился к Барину со всей серьезностью.

— У меня к вам тоже просьба. Я должен подумать о спокойной старости.

На этот раз развеселился Барин.

— И что ты предлагаешь? Может в Совет Федерации тебя двинуть? Ну, нет, брат, этого даже я не смогу.

— Нет, я о другом, — возразил Оборотень. — Тут, я слышал, наследство Рабиновича зависло. Я хочу его получить. Не возражаете?

— А ты разве еврей? — искренне удивился Барин.

— Пока нет, но у меня есть некоторые соображения. От вас мне нужен карт-бланш. И документы.

Баринов окончательно расслабился. Главное, не надо платить собственные деньги. Этого он не любил больше всего.

— Документы я могу тебе сделать любые, — заверил он. — Хоть на имя Иисуса Иосифовича. А вот нос переделывай сам. Ха!

Даже циничного Оборотня покорило от такого кощунства, но он привычно сдержался.

— Значит, будем считать, что мы обо всем договорились? Тогда я провожу вас до дверей. У меня тут еще будут кое-какие дела по основной работе.

Выходя из дверей особняка, Барин едва не столкнулся с Крюковым. Сыщик вежливо посторонился, пропуская осанистого, пахнущего коньячком вельможу к его роскошному «майбаху». Водитель захлопнул за хозяином дверь машины и сел за руль. «Майбах» уже исчез за поворотом, а Крюков все еще задумчиво глядел ему вслед. Интересно, с кем этот чинуша коньячок попивает?

На широкой лестнице, ведущей в кабинеты высокого руководства, сыщик заметил вдруг знакомое лицо. Высокий парень участвовал в битве между скинами и «архангелами». Он тогда руководил подкреплением из «спортсменов», которое спасло армию Михи от разгрома, но не спасло его самого. Кажется, «спортсмены» называли парня Вадимом.

— Привет, Вадим, — наугад выстрелил Крюков. — Закурить не будет?

— Я не курю, — автоматически отозвался тот.

Он не обратил на сыщика особого внимания. Значит, начальник. И не обязан знать всех, кто знает его. Но обращаются к нему просто по имени, следовательно, начальник небольшой, среднего звена. Не курит, а коньячок пьет. Амбре от него исходило довольно ощутимое.

Крюков поспешил к своим в «Отдел расизма».

Гена Крамской сидел в кабинете. На влетевшего Крюкова он посмотрел с интересом.

— Где горит?

От него исходил легко определяемый запах коньяка.

Крюков чуть язык не прикусил. Из сложной ситуации его вывел Миша Волгин. Он шел за Крюковым и также попытался войти в кабинет. Но ему помешал застывший в дверях опер.

— Давайте определимся — мы входим или выходим, — предложил Волгин, слегка дыхнув на сыщика коньяком. — Кстати, Крюк, тебя ждут у нашего общего руководства.

Опер воспользовался предоставленной лазейкой, чтобы выскользнуть из затруднительной ситуации. Он прошел по коридору до кабинета с блестящей позолотой бронзовой табличкой, постучал и потянул дверь на себя.

В приемной возле стола секретарши толпились солидные люди. Они окружали моложавого сухощавого мужика в генеральской форме. Все держали в руках бокалы. С появлением опера все обернулись к нему и как-то странно заулыбались. Начальник отдела кадров, лысый толстяк, у которого Крюков отмечал свою командировку, был здесь, видимо, по совместительству за тамаду и массовика-затейника. Он сделал шаг вперед с видом циркового конференсье, объявляющего выход знаменитого клоуна.

— Это новый начальник Общественной комиссии по контролю госаппарата генерал Орлов Федор Иванович. Прошу любить и жаловать, — представил он Крюкову мужика в генеральской форме. — А это наш лучший оперативник капитан Крюков... да, капитан Крюков.

Имени сыщика он так и не вспомнил. Генерал учтиво кивнул, сыщик ответил тем же, с трудом поборов желание сделать реверанс.

— Меня зовут Крюк. Опер Крюк, — прочистив горло, наконец, сообщил он.

— Сегодня Федор Иванович неофициально представляет коллективу, — доверительно сообщил Крюкову кадровик-затейник. — Прошу... — он снова безуспешно попытался вспомнить имя опера. — Прошу, товарищ капитан, некоторым образом приобщиться... Один вы у нас только и остались неохваченным.

Крюков принял фужер коньяка, кивнул генералу и решительно приобщился к числу подозреваемых. После этого окружающие утратили к нему всякий интерес. Крюков поставил пустой фужер и незаметно, как Ленин с елки, покинул помещение.

Продолжать поиски собутыльника господина Баринова не имело смысла. Выходя из приемной, Крюков снова столкнулся с Вадимом. И чем тот ему так не понравился? А ведь чем-то не понравился. Ну, подумаешь, коньяком от него пахнет... Ото всех пахнет, от самого Крюкова теперь тоже. Короче, подозрения не подтвердились, но осадок нехороший остался...

В комнате «Отдела расизма» опер застал обоих начальников. Миша Волгин

говорил по телефону, включив громкую связь. Гена Крамской делал круглые глаза, показывая знаками, что его нет.

— Его сейчас нет, — понимающе гудел в трубку Волгин. — А мобильник он на столе оставил. — Что-нибудь передать, когда вернется?

— Передайте, что звонил Гершензон, — сообщил голос из телефона. — Это очень важно. Пусть, как только появится, немедленно свяжется со мной. У меня появилась информация... Ну да это не по телефону.

— Я обязательно передам, — заверил Гершензона Волгин и положил трубку.

— Не нравится мне все это, — процедил Крамской. — Начальник новый пришел, теперь звонок срочный. Что-то вонючее затевается.

Крюков согласился.

— Бритоголовых Жидоморова вывозили в лагерь на тренировки. Мой стукач думает, что готовится серьезная акция. Якобы против антиглобалистов. Но я думаю, это пурга для отвода глаз. Хуже другое. Я подозреваю, что мой стукач — двурушник. Он работает еще на кого-то. И топит по его приказу своих соратников.

— А что в этом плохого? — удивился Волгин. — Он и должен их сдавать.

— Плохо то, что те преступления, которые он на них вешает, он совершает сам. Это чистой воды провокация.

Крамской не удержался и цинично выругался.

— Одно из двух, — сказал он, — либо, вопреки всему, что мы знаем, существует центральный фашистский штаб, координирующий действия отдельных группировок. Либо здесь затевается какая-то мелкая пакость с далеко идущими последствиями. Другими словами — кто-то хочет поджечь дом, чтобы потом было от чего прикурить.

Волгин вдруг засобирался.

— Ладно, мне пора. Отъехать надо по делам.

У Крюкова с Крамским тоже имелись дела. Прежде всего, идти на доклад к новому руководству, дабы объяснить, чем таким полезным они занимаются в последнее время.

«Очную стрелку», как назвал предстоящее событие Хорст, решили забить на два часа дня. В это время парк пустел. Гуляющие расходились обедать, а поддающие с утра алкаши засыпали.

Позвонив Ботанику и назначив ему место и время встречи, Хорст сказал Татьянке:

— Ты приходи попозже, к половине третьего. Мы сначала перетрем по мужски, а ты подгребай к финалу. Как раз позиции сторон прояснятся, так что ты ничего не пропустишь.

Она не возражала. Начало встречи обещало быть сумбурным и сопряженным с рукоприкладством. Имело смысл подождать, когда стороны предъявят друг другу свои претензии, перекипят и перейдут к трезвому и взвешенному обсуждению.

Но сам Хорст на место предстоящей «стрелки» подъехал за час до назначенного времени. Требовалось ознакомиться с местностью. Он не любил сюрпризов, а от Игната можно было ждать чего угодно. Непонятной оставалась и позиция Шварца. На встрече он должен был выступать в роли третейского

судьи, но Хорст подозревал, что бывший друг может оказаться очень даже заинтересованной стороной. А может быть, и врагом.

Местом встречи выбрали пустырь за Кутузовским парком, неподалеку от места, где произошла драка с «архангелами». Чтобы попасть туда, нужно было пересечь весь парк, затем железнодорожные пути и некоторое время идти вдоль длинного забора, за которым располагалась не то больница, не то дурдом. Пустырь сплошь порос кустарником. Здесь, при желании, с успехом мог бы спрятаться не то, что человек, а небольшой слон, причем не один.

Хорсту под ноги попала бутылка из-под пива, вокруг которой были набросаны конфетные бумажки. На горлышке бутылки еще виднелись непросохшие капли. За ближними кустами Хорсту послышался шорох. Он обогнул их и встал так, чтобы, оставаясь незаметным, видеть и слышать происходящее.

Разговаривали двое или трое. В просвет Хорст разглядел бритые макушки. Значит, Игнат приготовился к встрече всерьез. Слов в разговоре он не мог разобрать. Какое-то дебильное ржание. Неожиданно на тропинке появился и сам Игнат. Он быстро шагал, часто останавливаясь и озираясь по сторонам. Видно, шел за Хорстом и вдруг потерял его из виду. Хорст сделал шаг в сторону, чтобы Игнат не увидел его с тропинки, но при этом неосторожно приблизился к росшему рядом толстому дереву.

В последний момент он успел оглянуться даже не на шорох, а чисто интуитивно. Он попытался уклониться от летящего в его голову обрезка металлической трубы, зажатого в неправдоподобно большой пятерне. И это ему почти удалось. Дыня как всегда немного проигрывал в скорости.

Но тут же сзади на спину Хорста обрушился еще один удар. Чей, он уже не увидел. Наверное, вступил в игру кто-то из тех, кто ржал за кустами. Хорст отключился, причем всерьез и надолго.

Он не видел, как над его телом склонились трое — Игнат, Дыня и Шварц. Дыня еще раз замахнулся своим ударным инструментом, но Шварц остановил его:

— Хорош, а то зажмурится. А он еще нам живым понадобится. Тащите его к машине.

Игнат с Дыней подхватили бесчувственное тело под руки и поволокли к спрятанному за дальними кустами и деревьями «УАЗику» — «буханке» с военными номерами. Они забросили тело в салон через заднюю дверь и устроились по бокам от него. Шварц сел за руль, запустил двигатель и осторожно тронул машину по сильно пересеченной местности.

Машина без приключений добралась до дома, в котором проживал эксперт по национальным вопросам Гершензон, и остановилась возле его подъезда.

— Останешься с ним, — приказал Игнату Шварц. — Очнется — вырубешь. Но зря не лупи. А мы пока сходим в гости к сионисту.

Когда Хорст со стоном приоткрыл глаза, то увидел прямо перед собой велосипедное колесо. Он не сразу понял, что это такое и где он находится. Преодолевая раскалывающую голову боль, он, наконец, сообразил, что лежит в полутемном коридоре. Он был в этой квартире только один раз, но сразу узнал ее. Квартира Гершензона, куда его приводила Татьяна. Колесо, которое он сначала принял за велосипедное, на самом деле принадлежало коляске-каталке, на которой передвигался по квартире хозяин. Коляска валялась, опрокинутая

набок. Тело хозяина лежало здесь же, безжизненно отброшенная рука едва не касалась лица Хорста.

«А что с Машкой?» — подумал Хорст, снова вспомнив меткую метательницу пищевых продуктов.

Машка... Его теперь вечная память...

Где-то рядом разговаривали люди. Голоса их показались Хорсту знакомыми. Он приподнял голову, и тут ее снова пронзил острый приступ боли. Он застонал. Голоса тут же смолкли. Потом послышалась яростная брань, на голову Хорста обрушился новый удар, и он опять потерял сознание.

— Ладно, уходим, — раздраженно бросил помощникам Шварц. — Доедем до ближайшего телефона, ты, Игнат, вызовешь ментов.

— А почему я? — попытался возразить тот.

— А потому, что самый умный! Еще вопросы будут? Нет? Тогда сваливаем. Нам еще Ботаника надо оприходовать, он меня уже достал, — прорычал Шварц.

На пустырь они вернулись минут за пять до назначенного времени. Ваньши на месте не было.

— Не торопится, — прокомментировал ситуацию Дыня.

— Одно слово — Ботаник, — презрительно хмыкнул Игнат.

Шварц воровато огляделся вокруг. Никого.

— Вот что, Игнат, прогуляйся вдоль забора. Увидишь Ботаника, дуй к нам. А мы с Дыней ему тут встречу организуем, — сказал Шварц. — Дыня, ты готов?

— Всегда готов!

Дыня сменил трубу, оставленную второпях в квартире Гершензона, на бейсбольную битую. В его лапах она казалась не толще спички. Игнат с ворчанием повернулся к друзьям спиной и направился в сторону тропинки.

— Тогда давай! — скомандовал Шварц.

И Дыня обрушил битую на голову своего друга. Дерево хрустнуло, кость тоже. Игнат, не проронив ни слова, ткнулся носом в траву. Голова его неестественно вывернулась, словно он, лежа на животе, хотел посмотреть на небо. Но не мог.

— Ты ему шею сломал, — определил Шварц, разглядывая мертвого помощника, как диковинный экспонат в музее.

Дыня, довольный до крайности, подобрал обломки биты, забросил их подале и пошел к машине за новым орудием. Ботаник должен был подойти с минуты на минуту.

Когда Крюков с Крамским подъехали к дому Гершензона, возле подъезда уже скопилось несколько машин с голубенькими номерами и две медицинские — «скорая» и труповозка. Крюкову это сильно не понравилось.

— Кажется, мы немного опоздали, — подтвердил его сомнения Крамской.

Сержант милиции отгонял любопытных. Из квартиры доносился бубнящий голос следователя прокуратуры: «Тело мужчины, на вид сорока — пятидесяти лет. Лежит на левом боку...»

На лестничной площадке курили опера в штатском. Дверь квартиры распахнулась, на пороге появился Шабанов.

— Почему курим? — напустился он на своих подчиненных. — А ну жилой сектор отрабатывать — кто что видел! Быстро разобрались по подъезду!

Опера с ворчанием неохотно направились к лестнице — кто наверх, кто

вниз. Крюков укоризненно покачал головой.

— И ты еще спрашиваешь, почему я к тебе в отдел не перехожу? Да вот потому, — он кивнул на уходящих оперов, — что вся романтика раскрытия убийств сводится к тому, чтобы таскаться от одного дверного половичка к другому и обзванивать квартиры. Как коробейники или нищие. Типа: «Сами мы не местные, отстали от поезда. Помогите, люди добрые, кто сколько сможете». Тьфу!

Шабанов был удивлен и не скрывал этого.

— Блин, какая встреча!

— Не блин, а Крюк, — поправил сыщик. — Опер Крюк.

— Слушай, — Шабанов хлопнул его по плечу так, что чуть не оторвал руку вместе с ключицей. — Что с тобой сегодня случилось? Почему ты приехал позже меня? В лифте застрял?

— Нет. Сидел в сортире, ждал, пока воду дадут, — парировал сыщик. — И давно ты тут крутишься? Поди, и преступника уже поймал?

Полковник Шабанов сиял, как портрет Бенджамена Франклина со столярной бумажки нового образца.

— Еще не поймал, но за этим дело не станет. Тебе что-нибудь говорит такое имя: Дмитрий Минаев?

— Вообще-то Минаев — это не имя, а фамилия, — поправил Крюков. — А что, ты нашел его именной абонемент в баню или это было вырезано на ручке ножа, которым убили жертву?

— Всего лишь паспорт. Он лежал прямо под трупом.

Крюков нахмурился. Снова ксива Хорста... Кто-то очень старается подставить и утопить паренька.

— А самого владельца паспорта поблизости не оказалось?

— Нет, но он оставил свои следы на орудии преступления. Кстати, это не нож, а обрезок трубы. Мужичку голову размозжили. По документам жертвой должен быть Гершензон...

— Да, это он. Я его опознал, — из квартиры вышел Крамской, он был мрачнее тучи.

— Вы его знали? — подозрительно прищурился Шабанов.

— Не просто знали. Он звонил к нам в отдел часа два назад. Говорил, что владеет какой-то ценной информацией, — объяснил Крюков. — А мы, дураки, вместо того, чтобы сразу приехать, перед новым начальством прогибались. Отчитывались — кто и почему с обеда задержался или раньше на десять минут с работы ушел. Детский сад пополам с борделем! И не гляди на нас, как пуканка на две сотни баксов. У нас алиби. Железобетонное. Фактическое алиби!

— Да? Жалко, — признался Шабанов. — Нет, я, конечно, верю, что вы никого не убивали, но рапорт ты все равно черкани. Так, на всякий случай.

Крюков не обижался. Он слишком давно знал своего друга, а вот Крамской забеспокоился. Сыщик отвел полковника в сторону.

— Кроме паспорта за что-нибудь уже уцепился? — спросил он.

Шабанов глубоко задумался, прикидывая — говорить или не стоит.

— Нутром чувствую — свои замочили. Вошли чисто, как к себе домой. Дверь или сам хозяин открыл, что вряд ли, поскольку он инвалид, или ключики раздобыли.

— И на том спасибо, — Крюков позвал Крамского, и они вместе стали спус-

каться вниз.

И, в самом деле, зачем мешать занятым людям?

Хорст очнулся в незнакомой комнате. Он лежал на диване. За окном было темно. У него страшно болела голова, больше он ничего не понимал. Постепенно сознание и память возвращались. Поднялся. Прошел в ванную. Умылся холодной водой. Пощупал — на затылке шишка с кулак. Вроде не тошнит, это хорошо. Значит, мозгов нет, а то мог бы и сотрясение заработать.

Он вышел из ванной и только тут заметил, что в кухне у окна кто-то стоит. Он подошел. Это была Машка. Она не поворачивалась. Хорст стоял у нее за спиной дурак дураком и не знал, что сделать или сказать. Машка не плакала.

— Папу убили, — сказала она.

Хорст стиснул зубы. Значит, опрокинутая каталка и рука ему не приснились.

— Когда я вошла, ты лежал рядом с папой. Они оставили тебя там, чтобы менты приняли тебя за убийцу. Я оттащила тебя сюда. Это квартира нашей соседки. Она просила меня поливать цветы, а сама улетела на неделю во Францию.

— Зачем оттащила? — не понял Хорст.

— Потому что менты точно повесили бы убийство на тебя. Ты же фашист, следовательно — кандидат в убийцы номер один. А я хочу, чтобы нашли настоящего убийцу. И еще... Еще я хотела тебя спасти...

Хорст ощутил одновременно счастье и новый прилив боли. Справившись с ней, он твердо пообещал:

— Я найду того, кто убил твоего отца. Ты мне веришь?

— Верю. А теперь мне надо сходить в аптеку, — Машка накинула куртку и пошла к дверям.

На улице совсем стемнело. До аптеки недалеко — рукой подать. По количеству аптек столица давно обогнала все прочие города мира вместе взятые. Равно как и по числу больных. Но Машке не суждено было дойти до вывески с зеленым крестом. Едва она сделала несколько шагов от своего подъезда, как возле нее с визгом затормозила черная «Волга».

Из машины выскочили двое чернявых молодцов, схватили Машку и ментально затолкнули в машину. Следом вскочили сами, и машина сорвалась с места.

Машка пыталась заорать изо всех сил, но получила сильный тычок в живот, отчего у нее перехватило дыхание. И тут же ее широко раскрытый рот запечатала скрученная вонючая тряпка, похожая на грязный носок. Ее чуть не вырвало.

Один из похитителей похлопал ее по спине.

— Тыхо, не кричи! Тэбэ ничего плохого нэ сэлают! Хороший чэлавэк папрасил тэбя украст и к нэму даставыт. Пачэму не сделат, если хороший чэлавэк просит? Он с тобой гаварыт хочэт.

Машина промчалась по относительно свободным вечерним улицам города и через десять — пятнадцать минут влетела под навес рыночного дебаркадера. Здесь Машку вытащили из салона и поволокли по длинному коридору. Проход освещали редкие тускло мерцающие лампочки. По сторонам до самого

потолка громоздились мешки и ящики. Одни дразнили нос запахом экзотических пряностей, от других разило тухлым мясом или рыбой.

В конце коридора похитители вместе с пленницей поднялись по довольно крутой железной лестнице. Машка дважды оступалась и едва не сорвалась с верхней ступеньки. Слава Богу, все обошлось. Наконец идущий впереди водитель уперся в обитую металлом дверь и дважды ударил в нее ногой.

— Брат, открой, это я!

Дверь распахнулась, и Машку впихнули в небольшую комнату. Открывший дверь был молодым кавказцем. Он с недоумением посмотрел на вошедших.

— Э, постереги дэвочку, слюшай. Ибрагима знаешь? Он приедет, ему передашь. Муса так велел. Можешь с ней нэмножко развлечься. Я бы и сам нэ отказался, но нэкогда, слюшай.

Машку толкнули на диван. Похитители вышли. Дверь за ними закрылась, и она осталась наедине со своим новым стражем.

Когда Машка торопливо выбежала из своего подъезда, то не заметила, как за ней, кривясь от боли в затылке, заковылял Хорст. Если бы она так не спешила и не оторвалась от него на приличное расстояние, возможно, он и сумел бы помешать ее похищению. А получилось, что ее увезли буквально у него из-под носа.

Хорст выскочил на проезжую часть и едва не попал под колеса резко затормозившей «Волги». Не вдаваясь в объяснения, он рванул ручку двери и плюхнулся на свободное сиденье рядом с водителем. Машка... Спасти Машку...

— Гони за той тачкой! — указал он водителю на стремительно удаляющиеся красные габариты машины похитителей.

Как ни странно, водитель послушно рванул с места.

— А волшебное слово? — спросил он Хорста. — Кстати, ты знаешь, что тебя ищут по подозрению в убийстве Гершензона?

Хорст посмотрел на него с изумлением. Он определенно встречал этого водителя. Но вот голова...

— Ты кто? — прямо спросил он.

— Меня зовут Крюк. Опер Крюк, — сообщил водитель. — Можешь не представляться, твои установочные данные я помню хорошо. Твой паспорт сейчас лежит на столе у следователя прокуратуры. Хотя, может быть, не просто у следователя, а у следователя по особо важным делам. Это должно вселять в тебя гордость и некоторую радость.

— Почему я должен этому радоваться? — не понял Хорст.

— Ну, хотя бы потому, что больше тебе радоваться нечему, — пояснил сыщик. — Ты в говне по самые уши.

И тут же зарычал без всякого перехода:

— Ну, куда эти козлы так гонят? Им известно, сколько моя «рябуха» расходует бензина на сто километров пробега?

Несмотря на жалобные стенания, Крюков уверенно держался на хвосте «Волги» похитителей, не отпуская ее далеко, но и не прижимаясь к ее заднему бамперу.

Сыщик обратил внимание на то, что пассажир время от времени страдальчески морщится и трет затылок. Он извлек из бардачка металлическую фляжку в кожаном переплете и протянул ее Хорсту.

— Выпей, полегчает. Это коньяк, он расширяет сосуды. Временно, конечно. Но кто знает, сколько нам еще осталось жить? Может быть, как раз ровно столько, сколько надо.

От такого оптимистического предложения Хорст не смог отказаться. Он отвинтил пробку и сделал приличный глоток. Обжигающая жидкость пролилась внутрь, поднялась в голову. Боль и в самом деле несколько утихла.

— Это тебя твои друзья-фашисты так приложили? — самым невинным тоном поинтересовался опер. — А все оттого, что у тебя не было нормального детства. В октябрятах ты, конечно, не состоял, в пионерах тем более. Там бы тебе объяснили, кто такие фашисты. То ли дело в наше время! Меня вот в пионеры принимали на Красной площади, рядом с мавзолеем...

Сыщик непременно рассказал бы Хорсту что-нибудь интересное из своего счастливого пионерского детства, но тут они приехали. Черная машина похитителей нырнула в темноту и растворилась там.

Крюков притормозил возле ворот рынка и повернулся к Хорсту.

— Ну что, фашист, любишь черных бить? Сейчас у тебя появится такая возможность. Мы посшибаем их, как кегли. Ты будешь бить, а я оттаскивать.

Несмотря на выпитый коньяк, Хорст оценивал обстановку весьма трезво.

— Хорошо бы они нам не вломили, — сказал он.

— Нам? — вполне искренне возмутился Крюков. — А нам-то за что? Ну-ка пошли, спросим у этих хулиганов!

И они выбрались из машины. Перелезть через забор при их профессионализме и опыте не составило труда.

— Только бы на собак не нарваться, — высказал опасение Хорст.

— Нет тут никаких собак, — обнадежил его опер. — Здесь по ночам слишком много разного народу шляется, собаки им мешать будут. Тихо!

По проходу между прилавками шли три типа в черном. Хорст рванулся к ним.

— Это они, похитители! Я двоих узнал.

Но опер удержал его героический порыв.

— Сначала определись, кто ты — мститель или освободитель? Если собираешься им мстить, то пожалуйста. Я тебя не держу. Но, по-моему, для мести еще рановато. Даю рупь за сто, они ее где-то здесь оставили.

Оба приуныли. Найти на рынке, пусть даже пустом, спрятанного человека — работа не из простых. Но им снова повезло. Со стороны дебаркадера слышался шум подъехавшей машины и приглушенные голоса.

— Салам, Ибрагим! Мы привезли девчонку. Она там, у сторожа.

Крюк не скрывал тихой радости.

— Ибрагим — это мой старый друг, — пояснил он. — Помнишь как мы с тобой познакомились? Так вот, те, кого мы отметили тогда на пустыре, были люди Ибрагима. Но его самого могу бить только я сам. Ты уж не обижайся.

Хорст пожал плечами.

— Как скажешь, я могу и потерпеть. Но боюсь, что Машку я найти не смогу. Голова еще плохо соображает.

Крюков заинтересовался редким феноменом.

— Голова плохо соображает, но драться не мешает?

— Это я могу в любом состоянии, — заверил сыщика Хорст.

Крюков призадумался. В это время помощники Ибрагима потащили со сто-

роны одного из складов большой мешок. Крюков так и загорелся.

— Опа! А вот и мешок с подарками от Деда Мороза! Заметил, откуда перли? Надо будет туда утречком наведаться.

Сторож, передавший мешок, остался с Ибрагимом наедине. Момент для нападения был подходящий, но тут Ибрагим спросил у сторожа:

— А где девчонка? Не сбежала?

— В бытовке запер, — ответил тот. — У меня тут зиндана нет.

— Так не шути. Веди ее сюда, — жестко приказал Ибрагим.

— Давай так — я займу твоего Ибрагима, ты выведешь Машку, а потом, если останется время, спокойно сможешь добить своего друга. Как тебе такой вариант? — предложил Хорст.

Крюков был вынужден согласиться. Он осторожно последовал за сторожем в сторону административного корпуса.

Хорст спокойно вышел из тени и направился к Ибрагиму. Тот посмотрел на него с удивлением. Хорст несколько расслаблено приблизился к работорговцу.

— Эй ты, черный, закурить не найдется?

Ибрагим чуть не задохнулся от злости. Так к нему давно никто не обращался, разве что менты. И где? Посреди рынка, на его, можно сказать, суверенной территории!

— Ишак, маму твою йоп! — заорал Ибрагим и бросился на обидчика с намерением сровнять его с асфальтом.

— Ты лучше бы своего маму йоп, дешевле получится, — посоветовал Хорст и добавил: — Твой мама сам ишак! И папа тоже ишак.

Ярость Ибрагима не знала меры. Этого Хорст и добивался. Он легко ушел от сумбурной атаки горячего южного парня и сам провел несколько болезненных ударов по почкам и печени противника. Он мог бы его вырубить, но обещал оставить немножко и для Крюкова. Поэтому бой затянулся на неопределенное время.

Сыщик осторожно шел за сторожем. По силуэту и движениям он определил, что имеет дело с молодым и крепким мужчиной. Вероятно, работа ночного сторожа не была для того основной. Крюков не стал недооценивать противника, поэтому сразу отбросил первый пришедший ему в голову план — взять его живым и допросить. Он решил дождаться, пока тот сам приведет пленницу.

Он затаился у входа в здание администрации рынка. Сторож затопал наверх по ступенькам лестницы. Звякнул дверной замок. Потом дверь хлопнула снова. Теперь по лестнице спускались двое. Шаги звучали торопливо.

Сыщик отошел немного назад, за ближайший ларек. Он собирался перехватить сторожа, когда он пройдет мимо него. Но он ошибся. Сторож не пошел через рынок, а потянул пленницу за угол, к забору. Только теперь Крюков заметил в этом месте неприметную калитку. Сторож загремел ключами. Может быть, с той стороны забора их ждали люди Ибрагима с машиной? Вполне вероятно...

Крюков в несколько неслышных пружинистых прыжков достиг забора, когда сторож справился с замком и толкнул Машку к калитке.

— Уходи, быстро! — тихо, но внятно произнес сторож.

Крюков сразу раздумал его бить. Он передвинулся ему за спину и так же тихо скомандовал.

— Стоять, бояться, уголовный розыск!

Сторож обернулся. Это был действительно молодой парень кавказской наружности. Крюкова он совсем не испугался. Очевидно, он опасался увидеть кого-то другого. Может быть, Ибрагима?

Сыщик не ошибся в своем предположении.

— А где Ибрагим? — спросил парень.

— Его там сейчас бьют. — успокоил его Крюков. — Если поторопишься, можешь поучаствовать.

— Не сейчас. У меня тут есть дела поважнее. Что ты хочешь?

— Забрать ее, — Крюков указал на Машку.

Парень повернулся к ней.

— Знаешь его? — спросил он. — Хочешь с ним поехать?

Машка, несмотря на пережитые потрясения, признала в сыщике мента, приходившего как-то к ее отцу.

— Да, я с ним поеду, — наконец проговорила она.

Опер шагнул к ней и взял под руку. Профессиональным чутьем он с высокой степенью вероятности признал в парне своего. Если не опера, то внедренного агента.

— Запомни, меня зовут Крюк. Опер Крюк, — сказал он. — Будут проблемы с ментами, меня спросишь. Бывай.

— Постой! Ударь меня, чтобы следы остались, — попросил парень.

Следы? Это запросто. Крюков оставил подопечную и огляделся. На соседнем прилавке сиротливо валялся забытый образец — резиновая кеда. Он взял ее и помахал в воздухе.

— Подставляй глаз. Будет отличный синяк. И, что самое главное, никаких внутренних повреждений. На себе проверял.

Удар получился на славу. Сыщик отбросил инструмент и вернулся к Машке. Они вышли на совершенно пустой проулок позади рынка.

— Как тебя звать? — на прощанье спросил сыщик сторожа.

— Алан, — ответил тот, держась рукой за наливающуюся лиловым баклажаном глазницу.

— Слушай, Алан, посмотри там, чем мой друг занимается. Если сможешь, передай ему, чтобы заканчивал с Ибрагимом и уходил. Завтра я его найду.

Сыщик повел Машку к оставленной «рябухе» и услышал, как у них за спиной Алан запирает калитку.

Закрыв ее, Алан поспешил туда, где оставил Ибрагима. По дороге он услышал какой-то шум. На драку это было не похоже. Приблизившись, он понял, что опоздал. Хорста и Ибрагима держали под прицелом коротких автоматов двое постовых. Это были менты, прикормленные Мусой.

— Э, я охранник, что случилось? — спросил Алан милиционеров.

— Сейчас разберемся, — заверил его один из них. — Вот эти двое тут дрались. Ты их знаешь?

Алан кивнул Ибрагиму.

— Вот этого знаю, он наш.

Ибрагима отпустили, Хорсту же накинули наручники и потащили к выходу с рынка.

Ибрагим бросился к Алану, увидел его заплывший глаз.

— Слюшай, что случилось?

Тот покачал головой.

— Не знаю. Я вел к тебе девчонку, на меня напали. Вырубили с первого удара, ничего не помню. Когда очнулся, девчонки не было. Я пошел искать тебя.

— Ишаки, маму их йоп! — воскликнул Ибрагим. — На меня тоже напали. Вон тот ишак. Я ему отомщу! В камере зарэжу, мамой клянусь!

И он бросился догонять патрульных, уводивших Хорста.

— Слушай, э! Падажди! Я тоже дрался! Меня тоже сажай!

Один из патрульных вдруг остановился и внимательно посмотрел на Хорста.

— Во, блин! — крикнул он своему напарнику, хотя тот стоял рядом. — Готовь дырочку для медали! Знаешь, кого мы взяли? Это же тот Дмитрий Минаев, который жиды замочил! Ты что, не врубился? Час назад нам ориентировку зачитывали и фотку показывали.

— А я в сортир выходил, — отозвался напарник.

— Вот так все и проходишь, — усмехнулся патрульный и весело заорал на крутившегося вокруг них Ибрагима: — А ты что тут прилип, черный? В морду давно не получал? Пошел на фиг!

И патрульные со своим ценным призом устремились к наградам, оставив дважды оскорбленного Ибрагима скрипеть зубами от злости.

Крюков усадил Машку в «рябуху» и тронулся.

— Куда тебя отвезти, домой? — спросил он.

— Нет, лучше к бабушке, — она назвала адрес и подумала о том, как там Митя. Красивое имя...

По дороге сыщик несколько раз проверялся — нет ли хвоста, но сзади все было чисто. Приехали в переулок в центре Москвы. Бабушка Фира, как ее звали, жила в старом доме дореволюционной постройки. В подъезде пахло вековой сыростью. Поднявшись без лифта на третий этаж, Машка позвонила в обитую старым обветшавшим дерматином дверь.

На звонок долгое время никто не реагировал. Наконец из-за двери донеслось еле слышно:

— Кто там?

— Это я, Маша, — прокричала Машка. — Бабушка, это ты?

— Еще да, — снова донеслось из квартиры, и дверь отворилась.

Машка с сыщиком вошли в длинный полутемный коридор. Бабушка Фира оказалась маленькой, сухонькой, совершенно седой старушкой. Она расцеловала внучку. Потом обратила внимание на ее спутника. Почему-то Крюков ее сильно заинтересовал. Она пристально посмотрела ему в лицо, впрочем, не зажигая света.

— Чтобы он был Тевье, таки нет! — сказала она наконец. — Раздевайтесь и проходите в кухню, сейчас будем завтракать.

На кухне было гораздо светлее, тут бабушка Фира еще раз внимательно рассмотрела сыщика и произнесла с нескрываемым разочарованием:

— Нет, теперь я вижу, ты не еврей. Просто плохо выглядишь.

— Вы, случайно, не из Одессы? — поинтересовался Крюков.

— А что, у вас уже что-нибудь пропало? Садитесь к столу. Мириам, золото, налей нам чаю.

Определив, что сыщик не принадлежит к богоизбранному народу, бабушка

Фира решительно перешла в общении с ним на «вы».

Из коридора появился громадный пушистый кот. Он также критически уставился на опера.

— А, Мойша пришел! — обрадовалась Машка. — Бабушка, налить ему молока или он у тебя на сухом корме?

Старушка поджала губки.

— Мириам, золото, я тебя миллион раз просила не называть кота человеческим именем!

— А как вы его зовете? — спросил Крюков.

— Его зовут Мишель.

Машка налила чай, нарезала хлеб и соорудила бутерброды с маслом, сыром и колбасой одновременно. Сделав это, она опустила глаза и стала молиться. Бабушка Фира уселась за стол и недовольно проворчала:

— Ну, может быть, мы когда-нибудь начнем или будем ждать, пока все остынет?

Крюкову показалось странным это сочетание набожности внучки и атеизма бабушки.

— А вы не молитесь перед едой? — спросил он старушку.

— Зачем? Все продукты свежие.

— Вы не верите в Бога?

Бабушка Фира взглянула на Крюкова с сожалением.

— А вы считаете, что Бог скорее услышит мои просьбы, если я без конца буду надоедать Ему своим нытьем по несколько раз на день? Знаете, молодой человек, за мою долгую жизнь я встречала глубоко верующих людей. По крайней мере, они считали себя такими. Но им это не помогло. Вот и мой зять, папеле моей бедной Мириам... Да, похоже, в этой стране снова развивают любимый олимпийский вид спорта — борьбу с евреями. И за что такие цорес на мою бедную еврейскую голову? — Она тяжело вздохнула и продолжила: — Во время войны я чудом избежала Бабьего яра. Я попала в партизанский еврейский отряд братьев Остропольских. Там не было комиссаров, представляете? Одни евреи! Наш командир, Тевье Остропольский, какой это был красавец! Его брат Наум тоже, но Тевье! Вы, юноша, чем-то на него похожи.

И тем же тоном, не прерывая плавного потока речи, обратилась к внучке:

— Кушай, Мириам, детка, кушай с хлебом, чтоб ты сдохла! Тебе надо поправляться! Да, в позапрошлом году мы встречались. Те, кто остались живы. Меня разыскал Яша. Вы не знаете Яшу Боренбойма? У нас в отряде он считался дурачком. Он и разговаривал всегда, как глупый еврей. Теперь Яша говорит как умный еврей. Надеюсь, вы понимаете разницу?

— Не совсем, — признался Крюков.

Бабушка Фира снова тяжело вздохнула, то ли сетуя на непонятливость собеседника, то ли по привычке, скорбя о судьбах народа Израилева.

— Глупый еврей говорит быстро, много и, в основном, руками. Как будто он собирается взлететь или вспоминает, как плавать, — пояснила старушка. — Думный еврей говорит по телефону, причем из Нью-Йорка. Так вот, Яша говорил именно оттуда. Они, все кто еще остался в живых, все там.

— А вы почему не уехали? — осторожно спросил опер.

— Зачем куда-то ехать, если мне и здесь плохо? Мириам, золото, во имя чего ты дала бабушке такой горячий чай? Ты хочешь, чтобы я ошпарилась до

смерти? Может быть, ты мечтаешь остаться совсем одна, чтобы все тебя жалели как круглую сироту? Вероятно, ты находишь в таком положении особую прелесть.

Машка посмотрела на бабушку с укоризной.

— Ай, бабушка, оставь свои еврейские шутки. Сейчас не то время. Лучше подуй на чай, тогда он быстрее остынет.

— Золото, если бы я хотела дуть, я бы попросила у тебя не чай, а трубу, и играла бы в оркестре сына тети Рахили... Как его, чтоб он сдох? Да, Бени Гудмана!

— Бабушка, сколько раз тебе говорить? Это не наш Бенья Гудман!

Тут старушка с обидой отвернулась от внучки и обратилась к Крюкову:

— Молодой человек, вот вы сам, конечно, не еврей, что теперь, при свете, стало заметно совершенно невооруженным глазом. Нет, вы не еврей, но голова у вас — почти да. Так скажите мне, откуда у всех эти нервы? Ладно у нас, стариков. Но молодежь! У них же нервы совсем ни к черту!

Крюков сделал глоток чая. Чай был не жидок, а, напротив, весьма крепок и ароматен.

— Говорят, во всем виноваты пятна на Солнце, — предположил он.

— Что вы говорите? — всполошилась бабушка Фира. — Никогда не замечала. Правда, я что-то слышала на эту тему по телевизору, но никогда не верила. Ведь телевизор существовал только для того, чтобы эти старые пердуны из политбюро дурили нам голову. Но раз вы так говорите, я впредь буду внимательнее.

Крюков надулся от гордости и постарался мобилизовать все свои научные знания в области астрофизики.

— Солнце вообще скоро погаснет, — сообщил сыщик. — Оно, знаете ли, сначала превратится в красного карлика. Такого красного-красного. Карлика...

Бабушка Фира в испуге всплеснула руками. Хорошо, что чашка с чаем в этот момент стояла на столе.

— Какой ужас! Бедное наше Солнце! Я бы никогда не хотела превратиться в красного карлика. Это же так некрасиво!

— Не волнуйтесь, — успокоил старушку опер. — Это случится еще очень не скоро. Через пять миллиардов лет.

Бабушка Фира сначала округлила глаза, но тут же вздохнула с нескрываемым облегчением.

— Как вы сказали? Через пять миллиардов лет? Ну, слава Богу, а то я так испугалась! Мне послышалось, что не через пять миллиардов, а через пять миллионов. Представляете, какой кошмар!

Позавтракав, сыщик собрался уходить. Он тепло простился с еврейской партизанкой бабушкой Фирой. Машка проводила его до двери.

— Скажите, а что с тем парнем, который... — она замялась.

— Которого ты вытащила из вашей квартиры? — помог ей сыщик и признался: — Я в курсе ваших дел, он сам мне рассказал. Он вместе со мной ездил тебя освобождать. Понятия не имею, где он сейчас. Но если ты дашь слово не болтаться по улицам, я смогу спокойно заняться его поисками, — пообещал опер. — Вот номер моего мобильного.

— Я даже не спросила, как вас зовут, — спохватилась вдруг Машка.

— Опер Крюк. В случае чего спросишь любого мента, меня каждая собака

знает.

И Крюков твердой походкой направился вниз по лестнице.

7

Но не для всех события ночи закончились столь же благополучно. Когда Татьяна явилась на «стрелку» за парком Кутузова, то не нашла там ни Хорста, ни Ваньшу Ботаника. Из предосторожности она прошла через территорию больницы. Через дырку в больничном заборе выбралась на пустырь, где должна была состояться встреча друзей. Под ноги ей попала бутылка из-под пива. Она отбросила ее подальше в кусты. Бутылка упала с шумом. И тут же из-за других, дальних кустов, выскочил Дыня и бросился туда, где слышал треск. Он вломился в кусты, как слон в бамбуковые заросли. Не найдя никого, в растерянности вышел обратно. Татьяна, затаив дыхание, прижалась к забору. К счастью, Дыня ее не заметил.

Дальние кусты снова раздвинулись, и оттуда появился Шварц.

— Какого фига ты там копаешься? Пошли, машину подгоним. Надо их грузить и увозить. Никто больше не придет.

Дыня послушно последовал за начальником. Татьяна, прячась за кустами, отдельными деревьями и разбросанными там и сям бетонными глыбами, двинулась следом.

Подобравшись к дальним кустам, откуда появились Дыня и Шварц, Татьяна замерла. Перед ней на замусоренной, покрытой окурками, пачками из-под сигарет и бумажками от конфет, лежали два тела.

Ей вдруг вспомнился куплет детской песенки. В данной ситуации эти слова казались крайне нелепыми:

Однажды утром рано лежат, как два банана, Лежат, как два банана, два трупа на песке.

Трупы из песенки принадлежали негру Тити-Вити и попугаю Ке-ке. Перед Татьянкой же предстали тела Ваньши Ботаника и Игната. Вот тебе, бабушка, и очная ставка! Татьяна поглядела по сторонам со страхом. Она боялась увидеть еще одно тело — Хорста. Но его не было. Неподалеку послышался шум двигателя. Звук приближался. Подминая кусты, на прогалину выкатилась машина грязно-зеленого цвета, похожая на микроавтобус, только на высоких колесах. Возле тел убитых машина остановилась, Шварц и Дыня спрыгнули на землю. Шварц указал на трупы.

— Давай работай, тащи-пакуй! Товар портится.

Дыня не торопился приниматься за дело. Работать одному ему явно не хотелось. Здоровяк хныкал, уныло свесив по сторонам массивной туши ручищи с огромными, как ковши экскаватора, лапами.

— Надо было побольше людей с собой взять!

— В следующий раз обязательно возьму, когда понадобится тебя паковать, — утешил его Шварц. — А ну поворачивайся, свинья жирная!

И тут Татьяна переступила с ноги на ногу. Попавшая под каблук бутылка из-под пива, которую Татьяна сама же сюда и забросила, предательски звякнула, соприкоснувшись с камнем.

Дыня и Шварц разом насторожились.

— Тихо! Кто там?

— Ну-ка быстро проверь!

Дыня с проворством, которое вряд ли можно было подозревать в такой туже, снова ломанулся, как слон через кусты, прямо на Татьянку. Та от страха присела, но спасения не было. Рукой Татьянка оперлась о землю, но и тут ощутила ладонью холод стекла злополучной бутылки.

Не совсем соображая, что делает, Татьянка вскочила. Дыня вылетел прямо на нее и замер от неожиданности. Татьянка продолжала действовать «на автомате». Она почти без размаха треснула Дыню бутылкой по бритой голове и бросилась бежать. Бутылка со звоном разлетелась. Что случилось с головой Дыни, у Татьянки не было времени выяснять. На помощь Дыне бросился Шварц. Она метнулась обратно к дыре в больничном заборе.

Возле самой дыры она заметила ловушку. Из-за забора показалась группа бритоголовых. Значит, Шварц все-таки задействовал в мероприятии не одного Дыню? Или он и в самом деле решил «упаковать» и своего помощничка?

Как бы то ни было, Татьянка едва не угодила им в лапы. Все лица оказались чужие, ей незнакомые и довольно зверские. Она едва успела соскользнуть в какую-то яму и затаилась там за горой сваленных в кучу покрышек. Сквозь щель она могла видеть своих преследователей. Они с дебильным видом осмотрелись, наверняка ее высматривая. Идущий впереди размахивал бутылкой пива. Точно такой же она только что пыталась проломить голову Дыне. Потом группа двинулась в сторону машины Шварца. Оттуда донеслись раздраженные голоса, слов Татьянка разобрать не смогла, но догадалась, что Шварц вставлял пистон своим бестолковым помощникам.

Впрочем, прислушавшись к перебранке, она засомневалась. Выходило скорее, что это подчиненные орали на Шварца. Во всяком случае, почти сразу раздался шум мотора, который вскоре затих вдали. Погоготав, удалились и остальные.

Но, несмотря на наступившую тишину, Татьянка нескоро покинула свое убежище. Только под утро, совершенно промерзшая и промокшая, она осмелилась выбраться из ямы и направилась домой в твердой уверенности, что спаслась лишь чудом.

Для Хорста прошедшая ночь тоже едва не стала последней. Постовые доставили его в отделение милиции. Оперов уголовного розыска на месте не было. Кто ушел домой, кто находился на операции. То есть, может, водку с друзьями пил, а может, рискуя жизнью, вешал хомут опасному преступнику.

Дежурный принял задержанного и закрыл в пустой камере, а сам позвонил в «убойный». Спустя час в отделение примчался сам Шабанов. Дежурный открыл ему свободный кабинет. Сержант с бегающими глазками привел Хорста.

Заполнив шапку протокола, полковник приступил к допросу. Все обвинения в причастности к убийству Гершензона Хорст решительно отверг.

«Неужели кто-то из соседей видел меня возле квартиры?» — подумал он.

Полковник положил перед Хорстом паспорт.

— Твой? Нашли на месте преступления.

Тот взял его, раскрыл, полистал. Кивнул.

— Мой. Я его неделю назад потерял. Между прочим, в милицию заявление отнес, все как полагается. Мать заставила. А как он на место преступления попал, не знаю. Наверное, убийцы подбросили.

Шабанов озадаченно потер кончик носа. Энтузиазм его разом куда-то пропал. И ночь псу под хвост пошла, и результатом, похоже, не пахнет. Надо было

не самому ехать, а кого-нибудь из своих прислать. Ну, кто же думал? Генеральские погоны померещились. Как же, лично взял и расколол убийцу видного общественного деятеля! Разбежался... и мордой в стену.

— Говоришь, заявление отнес? Проверим, — вяло проговорил полковник. — Если подтвердится, матери спасибо скажи. Но тогда получается, что убийца где-то возле тебя ходит? Не помнишь, где мог паспорт потерять?

Хорст пожал плечами.

— Почему не помню? После тренировки в спортзале он пропал. В раздевалке окно было открыто, а у двоих пацанов деньги пропали и плеер.

Шабанов насупился.

— Ладно, иди пока в камеру.

Сержант увел Хорста, а полковник принялся размышлять. Вполне вероятно, что убийство Гершензона планировалось за неделю и даже раньше. Если убийца все-таки Хорст, мог он специально отнести в милицию заявление о пропаже паспорта, а потом подбросить его под труп? Запросто! Но зачем? Проще организовать себе железное алиби, пару-тройку свидетелей, которые подтвердили бы, что его в этот день вообще в Москве не было. Похоже, парня подставляют. По тогда и в самом деле выходит, что настоящий убийца крутится где-то поблизости от этого Димы Минаева, в качестве досуга избивающего сержантов морской пехоты США.

На выходе Шабанов сказал дежурному:

Пусть пока этот Минаев у вас посидит, утром я решу, что с ним делать.

И уехал. Едва задние габариты его «Волги» исчезли в ночи, в дверь отделения осторожно вошел Ибрагим.

Когда-то Козьма Прутков заметил: «С женщинами мы одни, а с начальством другие». Ибрагим прекрасно иллюстрировал сей афоризм. Суровый и жестокий с подвластными ему пленницами, сейчас он был белым и пушистым, как домашний хомячок.

Здравствуйте, гражданин начальник! — подобострастно улыбнулся он. — А Пашу можно?

Может, и можно, я не пробовал, — ухмыльнулся дежурный и заорал: — Пашка, к тебе тут какой-то черт нерусский!

Из тьмы коридора, где были расположены камеры, небрежно почесывая пузо под расстегнутым кителем, показался сержант с блудливо бегающими глазками.

Чо надо? — поинтересовался он.

Увидел Ибрагима, узнал.

А, это ты? Заваливай, у меня как раз одна камера свободная, — пошутил он.

Не надо свободную, ты меня посади к... — и он зашептал что-то на ухо сержанту.

Тот выкатил глаза.

Чо?! А ноги тебе помыть не попросишь?!

Так ведь не задаром! — Ибрагим снова принялся с жаром, хотя и шепотом, разъяснять свою проблему.

У дежурного капитана, видевшего эту картину, но не слышавшего ни слова, сложилось неверное впечатление относительно Ибрагимовых предложений.

— Не соглашайся, Пашка! — предостерег он помощника. — Этот шайтан те-

бе всю задницу на фашистский знак порвет!

И громко заржал, донельзя довольный своим остроумием. Как ни странно, сержант направил свои глазки в пол и покраснел. Не то, чтобы начальник угадал суть предложения, но все равно стало стыдно.

Дежурный встал и потянулся.

— Ладно, я пойду вздремну. Посиди на телефоне, — распорядился он и кивнул на Ибрагима. — А с этим поосторожнее. Технику безопасности соблюдай. В жопу на всякий случай пробку вставь или свисток. Если засадит, определишь по свисту.

И скрылся за дверью ближайшего кабинета, продолжая смеяться над собственными шутками.

Как только он закрыл за собой дверь, Ибрагим вытянул из принесенного с собой пакета литровую бутылку водки.

— Э, давай по чуть-чуть за встречу!

Но сержант Паша не торопился. Он сел за стол дежурного и приосанился. Как-никак теперь он остался за начальника.

— Давай еще раз и конкретно. Чего ты от меня хочешь? — твердо потребовал он.

Ибрагим покачал головой — трудно говорить с бестолковыми — и все же принялся терпеливо, в который раз, объяснять свой план.

— Ты меня запишешь, как будто я арестованный по падазрению в квартирная кража и посадишь в камеру, где этот сидит. А потом как будто падазрения нэ падтвэрдились, и ты меня выпустишь. Я уйду...

— А в камере труп останется, — закончил за него мысль сержант Паша.

Ибрагим аж подскочил на месте.

— Зачэм труп? Немножко руки-ноги ломал, с койка упал. Живой будет! Давай пить, водка стынет!

Он набулькал понемногу в два пластмассовых стаканчика. Сержант Паша неохотно принял свою порцию и выпил. Ибрагим тоже опрокинул в рот свой стаканчик.

— Как же ты водку пьешь, ты же вроде мусульманин, — ехидно подколот собутыльника сержант.

— Аллах пить водку не запрещает. Водка — это не вино. Это... водка, — резонно возразил Ибрагим и налил снова.

Они закусывали принесенной Ибрагимом мясной нарезкой и маринованным чесноком.

— Чесноком вонять будет, — посетовал сержант.

— Зато водкой не будет, — подсказал Ибрагим. — Ладно, хватит водка дуть, пошли дэло дэлать.

Хорст повернулся на жестком подиуме, именуемом «спальным возвышением». Чтобы заснуть здесь, надо быть сильно пьяным или смертельно усталым. Или наоборот... Тем не менее, он старался производить впечатление спящего безмятежным сном человека. Из коридора возле камер до него донеслось яростное шипение. Похоже, возле его камеры шепотом переругивались два человека.

— Свет у него выключи!

— Как я свет выключу? Зайду в камеру и лампочку вывинчу? Или пробки

выну, чтобы все отделение без света оставить? Ты своей головой-то думай иногда, а не только шашлык хавай!

Дальше разговор пошел тише, Хорст не мог разобрать отдельных слов. Потом до него снова отчетливо донеслось:

— Да пошел ты знаешь куда?! Я и так рискую тем, что тебя в его камеру сажаю. А ты меня на мокруху подписываешь?! Да вас, черных, давить надо! Спасибо скажи, что с тобой тут вообще разговаривают, чмо горное! Мумиё ходячее, блин! За такие «бабки» сам свои дела делай. Паши, негр, солнце еще не вставало.

Звякнул засов, и дверь камеры приоткрылась. Хорст услышал осторожные крадущиеся шаги.

— Спит? — прошептал один.

— Дрыхнет, — отозвался другой. — Короче, я пошел. Через полчаса вернусь. Но смотри у меня!

Дверь закрылась, и засов снова звякнул. Хорст продолжал делать вид, что спит. Он лежал в дальнем углу камеры, поэтому тень неизвестного должна была обозначить приближение опасности. Если только противник не полз на карачках. Но это вряд ли.

Хорст прикидывал, что тот собирается делать. Ну, что не шоколадками угощать, это и дураку понятно. Вопрос в другом. Хочет ли предполагаемый убийца его зарезать или будет душить? Зарезать вряд ли, крови много будет, а он, похоже, хочет уйти без шума. А вот по башке треснуть чем-нибудь тяжелым, а потом удавку накинуть — это запросто.

Но оказалось еще проще. Ибрагим то ли и вправду поверил, что жертва спит, то ли решил понапрасну не шуметь. Во всяком случае, он сразу перешел к главной части. По мелькнувшей тени Хорст безошибочно определил момент начала атаки ночного гостя.

Блестящая нить стальной проволоки сверкнула в тусклом свете лампочки, но захлестнула не горло жертвы, а лишь пустоту. Хорст ушел кувыркком через голову и оказался на ногах, прямо за спиной опростоволосившегося убийцы.

Хорст не стал проявлять джентльменства и нанес Ибрагиму сколь неспортивный, столь же и сокрушительный удар кулаком в основание черепа. Убийца ткнулся носом в спальное возвышение и затих. Умолк буквально, как рыба в пироге.

У Хорста была простая альтернатива. Он мог оставить несостоявшегося убийцу в покое, чтобы тот пришел в себя и повторил свою попытку. Но более приемлемым вариантом ему показался другой — обезвредить киллера. Убивать его Хорст не стал — себе дороже будет. Да и не испытывал он к врагу такой ненависти.

Припомнив детали драки на рынке, Хорст решил, что убийца правша. Ну и толчковая нога, скорее всего, левая. Двумя ударами он перебил Ибрагиму правую руку и левую ногу. Тот так и не пришел в себя. Хорст оттащил его к двери, потом вернулся к своей лежанке. С чувством выполненного долга растянулся на спальном месте.

Не прошло и получаса, как дверь открылась, и в камеру заглянул сержант Паша.

— Эй, Ибрагим, ты где? — тихо позвал он.

И с удивлением обнаружил сообщника прямо у себя под ногами.

— Что тут у вас происходит, бляха-муха?!

— Упал он, с верхней шконки, — сообщил Хорст и протяжно зевнул.

Сержант выругался, выволок бесчувственного Ибрагима в коридор и захлопнул дверь камеры.

Остаток ночи Хорст не спал, провел в напряжении. Под утро все-таки задремал. Разбудил его новый дежурный.

— Эй, как тебя, Минаев, давай на выход. За тобой пришли.

Поиски Хорста Крюков начал с того, что сделал бы любой сотрудник правоохранительных органов. Он просмотрел сводку. И нашел то, что искал. Дмитрий Минаев был задержан ночью по подозрению в совершении убийства.

За разъяснениями он для начала отправился к Шабанову в «убойный» отдел.

— Ты, говорят, уже взял убийцу? — поинтересовался опер у полковника прямо с порога. — Поздравляю!

Шабанов только руками замахал.

— А, если бы! Я уже ни в чем не уверен. Из улик — лишь паспорт. А парень говорит, что потерял его неделю назад. Я проверил. Только что сообщили — заявление имеется. Так что паспорт могли и подкинуть.

Крюков подумал-подумал и добавил масла в огонь сомнения полковника.

— Его уже один раз пытались подставить. Но там подбросили студенческий билет на фамилию Минаева.

Шабанов посмотрел на опера с интересом.

— Ты гляди, что творится! Думаешь, кто-то топит пацана?

— Уверен, — подтвердил его догадку Крюков. — Но по-любому выходит, что убийца — кто-то из его окружения.

— Присмотреться бы к ним, — размечтался начальник «убойного» отдела.

— Я этим как раз и занимаюсь, — признался опер. — В этом деле у нас с тобой клиенты общие.

Шабанов встал с места, подошел к сейфу и достал оттуда папку.

— На месте преступления убийца пальчики оставил. По учетам они нигде не проходят, но есть одна маленькая особенность. «Пальчики» — это не то слово. Отпечатки сарделек каких-то, честное слово! Наши криминалисты обещают, что зимой мы его обязательно поймем. На такие лапы, как у нашего убийцы, никакие перчатки не налезут. Ты там в окружении этого Минаева приглядишься — у кого пятерня с лопату, тот и есть наш клиент. А самого его придется выпускать. Я звонил следователю, он со мной согласился и решил избрать для него мерой пресечения подписку о невыезде. Может, ты стоняешь, подмахнешь бумажку?

Крюков уселся на стул напротив полковника и нахально спросил:

— А что я с этого буду иметь? Лучше деньгами, но согласен на ценный подарок или ценную информацию.

Шабанов взвесил в уме «за» и «против». Наконец решил, что хранить секреты от друзей — дело недостойное, тем более и случай подходящий подвернулся.

— Слушай, — сказал он, — помнишь, негра недавно убили? Там, на трубе, которой его по голове двинули, та же самая пятерня отпечаталась, безразмерная. Так вот, этот негр оказался юристом из Штатов. Эксперты по его искус-

ственным зубам определили, что он американец, а в посольстве его быстренько опознали. Так вот, он приехал сюда по делу о наследстве их американского миллиардера Рабиновича. Слышал про такого?

— Да, слышал. От слова «рябина», — и видя, что Шабанов не понял, Крюков попросил: — Продолжай.

— Так вот, — продолжил полковник, — наследником этого Рабиновича оказался наш Гершензон, которого следом тоже убили. Понимаешь? Получается, что негра убили не хулиганы-скинхеды, а те, кто охотится за наследством Рабиновича. Это, конечно, пока только версия, причем не самая рабочая, но тебе как другу...

Версия Крюкову понравилась. В нее вписывалось многое из того, что для него самого оставалось пока загадкой. Он, правда, еще не вполне понимал, почему неизвестный убийца так старательно подставляет Хорста, но сообразил, что в любом случае парня надо вытаскивать. И еще. Следовало срочно спрятать Машку. В очереди жертв смертельно опасного наследства она значилась следующей.

Но сначала нужно было освободить Хорста. И сыщик направился к следователю за постановлением.

В коридоре Хорста ждал Вадим. Хорст сильно удивился. Он готов был встретить здесь опера, с которым устроил ночной рейд на рынок или, на худой конец, кого-нибудь из помощников Жидоморова. Может быть, самого Шварца. Но никак не Вадима.

В это время сверху по лестнице спустились начальник отделения и... дядя Федор. Таким дядю Федора Хорст еще не видел. Тот предстал перед ним во всем великолепии генеральской формы. Начальник отделения, хоть и проходил по другому ведомству, обхаживал дядю Федора, словно своего собственного шефа.

Дежурный тем временем заполнил какие-то бумаги и обратился к стоявшему рядом Вадиму.

— Товарищ полковник, вот тут распишитесь. И он пусть распишется.

Вадим — полковник? Или это кличка такая? Хорст вообще перестал понимать, что с ним происходит. Он автоматически расписался вслед за Вадимом в книге дежурного и вышел на улицу.

Крюков торопился. Ему хотелось как можно быстрее попасть в отделение, где содержали Хорста. И все же он опоздал. Подъехал как раз в тот момент, когда из дверей отделения показалась группа людей. Из группы в глаза ему бросились двое — генерал Орлов в военной форме и Хорст. Приглядевшись, сыщик узнал помощника генерала Вадима. Четвертым был милицейский сержант с блудливо бегающими глазками. Сержант виновато махал руками, вроде бы оправдываясь перед Хорстом. Несмотря на его видимое раскаяние, Хорст не удержался и на прощанье дал с правой сержанту в морду.

«Ни фиги себе, времена настали! — мысленно присвистнул сыщик. — Мордуют ментов прямо у дверей их родной конторы!»

Генерал, Вадим и Хорст погрузились в большой черный «джип» и уехали. На смену им к дверям отделения подкатила «скорая». Через несколько минут из помещения на носилках вынесли горца. Сыщик узнал в нем Ибрагима. Рука, нога и шея его были наскоро прибинтованы к временным шинам.

Носилки сопровождал все тот же битый сержант. Ибрагим оживленно ругался с ним, потом вдруг вскочил с носилок и, опираясь на здоровую правую ногу, здоровой левой рукой заехал сержанту в морду. Тот даже не поморщился, а остался стоять с виноватым видом.

«Высокие отношения, — отмстил про себя сыщик. — Дали ему по левой щеке, он правую подставляет. Да, не перевелись еще святые люди на земле русской. Но неужели это конец? Или будет продолжение?»

«Скорая» укатила, оставив праведного сержанта с блудливо бегающими глазками в задумчивости чесать дважды битую морду. Но тут на крыльцо, где он стоял, вышел заспанный капитан в милицейской форме. По мятому кителю и щетине на щеках его можно было принять за дежурного, сдавшего смену. Капитан также напустился на сержанта. Может, здесь так принято, или тот вообще работал в отделении мальчишкой для битья?

— Все! — орал капитан. — Буду на тебя рапорт писать. Достал, мудила грешная!

И отвесил праведному страдальцу пинка в ягодицы.

«Вот и истина во всей своей неприкрытой наготы, — снова отметил про себя Крюков. — Когда наварили тебе по морде и справа, и слева, не останавливайся на достигнутом, а подставь задницу».

Оставаться здесь дальше не имело смысла, преследовать генерала тоже. И Крюков направился в «Отдел расизма».

Хорст ехал молча. Задавать вопросы дяде Федору не имело смысла. Их было слишком много. Захочет, сам скажет — чем это Хорст ему так приглянулся, что он собственной персоной, при полном параде поперся в ментовку его выручать. Но ни дядя Федор, ни Вадим, оказавшийся вдруг полковником, не торопились внести ясность в ситуацию.

Наконец Вадим прервал молчание.

— Тебя где посадить? — спросил он Хорста.

Тот пожал плечами.

— Можно прямо здесь.

Вадим воспринял это как приказ, прижался к бордюру и остановился. Хорст открыл дверь и выбрался наружу. Он ожидал, что сейчас его спасители что-нибудь скажут, но не дождался. Хлопнула дверь, джип уехал, и Хорст остался один в полном непонимании. Подумав, решил идти к профессору Жидоморову.

Дверь Хорсту открыл Дыня. Оба вытаращили глаза и некоторое время крутили в мозгах одну и ту же мысль: «А не ошибся ли я адресом?»

Но тут в коридор вышел Шварц. На Хорста он взглянул сурово, молча отступил в сторону и кивнул головой на дверь кабинета, как бы приказывая пройти.

«И что я такого сделал, что со мной никто разговаривать не хочет?» — подумалось Хорсту.

Он проследовал в кабинет Жидоморова. Сам профессор был тут, сидел в кресле за массивным письменным столом. Хорст давно не видел его. Святополк Жидоморов сильно изменился. Сейчас он производил странное, даже пугающее впечатление. Лицо осунулось, глаза ввалились. Волосы свешивались липкими редкими прядями. На лице профессора было написано: «Ну вот,

только тебя не хватало».

Он посмотрел на Хорста, как на пустое место, и недовольно спросил каким-то странным скрипучим голосом:

— Тебя отпустили?

Хорсту это не понравилось.

— А что, не должны были? — поинтересовался он. Жидоморов смутился.

— Ну почему?.. Просто я слышал, улики очень серьезны.

«Интересно, от кого слышал? — подумал Хорст. — А не ты ли эти улики и подкинул? Не сам, конечно, «шестерок» у тебя пока хватает».

Словно в подтверждение этих мыслей Шварц встал в дверях каменной статуей. Из-за его спины трусливо выглядывал Дыня.

— Игнат пропал, — сообщил Шварц. — Мы за его жизнь сильно беспокоимся. Ты ведь его, кажется, не любил?

Хорст усмехнулся.

— Но не настолько, чтобы убивать. Что-то много наших пропадать стало. Кстати, Ботаника до сих пор не нашли?

Шварц не ответил. Выдержав паузу, распорядился:

— Готовься к акции. Займемся рынком Мусы. У тебя будет шанс проявить себя...

— А до этого я себя не проявлял? — перебил его Хорст подчеркнуто дружеским тоном. — Не тебе, старина, меня учить. И вот еще что... Как мой паспорт могли найти на квартире Гершензона под его трупом?

Шварц опять не счел нужным ответить, за него это сделал Жидоморов:

— Но ты же как-то заходил в квартиру Гершензона, — проскрипел он. — Нет? Значит, тебя с кем-то спутали. Тогда действительно странно, что там вдруг оказался твой паспорт. Просто ума не приложу, как это могло случиться!

Профессор велел Хорсту идти в спортзал и как следует погонять там молодых новобранцев, чтобы получше подготовить их к предстоящей акции. Дыню приставили к Хорсту помощником, но тому показалось, что доносчиком. Похоже, здоровяк теперь пользовался полным доверием профессора.

По дороге Крюков передумал ехать в отдел и свернул к дому Гершензона. Возле подъезда сыщик нажал кнопку домофона. Из коробочки донеслось что-то невнятное типа: «Вы к кому?»

— Я к Моисею Вольфовичу, — Крюков не сразу сообразил, что получилось нелепо.

— Его уже нет, хотя венки еще стоят, — сообщил голос бабушки Фиры. — Что вам надо?

— Меня зовут Крюк, опер Крюк! — представился сыщик и был впущен сначала в подъезд, а затем и в квартиру.

Дома, кроме бабушки Фиры, была Машка. Сыщик принес обеим свои соболезнования.

— Я на секунду, — сказал он. — Хотел посоветовать вам быть осторожнее. Машка теперь может оказаться наследницей миллиардов Рабиновича.

На Машку сообщение, вроде бы, не произвело особого впечатления. А вот старушка, кажется, заинтересовалась.

— И что, там действительно много денег?

— Очень много, — подтвердил опер.

Бабушка Фира вздохнула.

— Ну что же, я всегда хотела иметь столько денег, чтобы купить на них атомную бомбу. Как вы думаете, их должно хватить?

— Думаю, хватит на две. Небольших, килотонн по пятьдесят. Но зачем вам атомная бомба?

— Бомба мне и даром не нужна, — призналась бабушка Фира. — Просто я хотела иметь именно столько денег. Кто-то ведь мечтает иметь деньги на «мерседес», кто-то на самолет. А я — чтобы хватило на атомную бомбу. И вот теперь я могу умереть спокойно! Мириам, золото, ты уже нашла? Представляете, куда-то запропастился альбом с фотографиями. Ищем третий час, и все никакого толку.

— Бабушка, посмотри в серванте, пока я занимаюсь чаем, — попросила с кухни Машка.

Старушка бессильно опустилась на диван.

— Нет, золото. Только не в серванте. В серванте я не смотрела и даже не хочу смотреть, потому что если их и там нет, у меня будет инфаркт!

Крюков сам осмотрел сервант, но не нашел никаких фотографий.

Машка вошла в комнату с подносом, на котором стоял большой заварочный чайник и чашки.

— Я поняла. Это Танька, стерва, взяла! — сказала вдруг она.

И Машка рассказала, как случайно встретила на улице школьную подругу Таню Тонкую. Они давно не виделись, с выпускного вечера. Машка слышала, что Танька связалась с бритоголовыми. Та не отрицала этого, но заверила подругу, что сделала это из-за своего парня, а теперь с ним порвала, и ей негде жить. Машка развесила уши и пригласила Тоцкую к себе, благо, квартира большая.

В квартире Танька добровольно возложила на себя обязанности горничной, чем совершенно подкупила Моисея Вольфовича. После преждевременной смерти его жены, Машкиной матери и дочери бабушки Фиры, уборка квартиры, стирка и готовка принимали здесь вид редких авральных мероприятий.

Позже Танька привела своего друга Ивана, которого, по ее словам, преследовали его бывшие друзья фашисты. Иван Машке понравился. Он никуда не лез, сидел в отведенной ему дальней комнате и выходил оттуда только к столу или по нужде. Моисею Вольфовичу он тоже понравился, так как тот мог вести с ним долгие политические и философские диспуты или играть в шахматы. Незадолго до смерти Моисея Вольфовича Иван внезапно исчез. Танька исчезла еще раньше. Фотографиями с тех пор никто не интересовался. Иван фотографии взять не мог, он вообще никуда не лазил, а вот Танька — запросто.

Объяснения Машки прервал звонок домофона. Она вышла в коридор и вернулась встревоженная.

— Это Тоцкая.

Крюков обрадовался.

— Вот и прекрасно. Сейчас все и узнаем из первых рук. Ты ее будешь держать, я — бить, а бабушку попросим вести протокол допроса.

— Вы меня недооцениваете, юноша, — обиделась бабушка Фира. — В нашем партизанском отряде мне приходилось делать вещи посерьезнее, чем то, что вы нам тут предложили. И, поверьте, мы с врагами не церемонились.

— Мы же пока не знаем — враг она или нет, — сыщик постарался охладить пыл старушки. — Вот определимся, тогда, пожалуйста. Можете тряхнуть стариной и вспомнить молодость.

Раздался звонок в дверь. Машка пошла открывать. Крюков на всякий случай приблизился к двери в комнату и прислушался. Вроде все спокойно.

Машка вернулась через несколько секунд. В руках она держала альбом с фотографиями. За ее спиной переминалась с ноги на ногу девушка. Крюков узнал в ней ту самую подругу Хорста, которую он заметил еще во время погрома в центре города и взрыва в бутике Анвара.

— Проходи, деточка, — пригласила гостью бабушка Фира.

Она сама налила ей чаю, подвинула сахар и варенье. Татьянку бил легкий озноб. После чая она немного успокоилась.

— Я не знала... — сказала она наконец.

— Чего не знала?

— Я не знала, что он убьет их. Моисея Вольфовича, Ваньшу...

— Кто?

— Жидоморов, кто же еще?

Тут она разревелась, потом начала рассказывать.

Узнав, что Татьянка училась в школе с дочкой Гершензона, Жидоморов приказал ей войти в доверие и внедриться в квартиру Моисея Вольфовича. О цели внедрения профессор сообщил не сразу. К этому времени Татьянке захотелось вредить своей подруге, ее отцу и даже чокнутому Санчесу, который с момента появления в дядиной квартире Татьянки стал бывать здесь гораздо чаще.

Потом случилась беда с Ваньшей. Его объявили предателем, и Татьянка не придумала ничего лучше, как привести его в квартиру Гершензона. Уже тогда она твердо решила для себя — какое бы задание Жидоморов ей ни поручил, выполнять его она не будет. И ошиблась.

В один прекрасный момент профессор вдруг напомнил о себе. Он поинтересовался у Татьянки, как прошло ее внедрение, и поручил сущую ерунду. Попросил принести ему на пару дней альбом с фотографиями из квартиры Гершензона. У Татьянки просто не нашлось причины отказать ему в таком пустяке. Альбом он, как и обещал, вернул через пару дней, но у нее не оказалось времени положить его на место.

— Тут не все. Несколько фотографий он отобрал и велел уничтожить, но я их спрятала. Они в надежном месте. Я их привезу прямо сейчас.

— Подожди. Сейчас тебе лучше побыть здесь. Если надо будет, я сам съезжу и привезу. Что было на этих фотографиях?

— Там... Вы не поверите. Там Моисей Вольфович и Жидоморов, оба совсем молодые.

— Примерно это я и подозревал, — с досадой хлопнул кулаком по столу сыщик.

— Может быть, вы поделитесь с нами тяжким грузом ваших знаний? — осторожно предложила бабушка Фира.

И Крюков, как мог проще, объяснил, что все здесь присутствующие так или иначе оказались втянутыми в поле действия опасной интриги. Ее организаторами и активными участниками стали, на первый взгляд, непримиримые враги. Но на самом деле все они преследуют одну общую цель — дестабилизация.

цию обстановки и создание хаоса. Для кого-то это просто производственное задание вышестоящего руководства, для других — возможность погреть руки. В эту организацию входят представители самых разных группировок: продажные чиновники, исламские террористы, фашисты и прочие экстремисты. И очень часто рядовых исполнителей их вожди используют втемную.

— Да, но мы-то тут причем? — возмутилась старушка. — Мы не чиновники, не экстремисты и уж, тем более, не исламские террористы!

— Дело в том, — пояснил сыщик, — что кто-то из главных интриганов хочет урвать большой кусок лично для себя. И кусок этот — наследство Рабиновича. Так что все вы, как свидетели, представляете опасность, а Машка особенно, поскольку стоит на пути к миллиардам. И я ей, честно говоря, не завидую.

Татьянка встала из-за стола, сняла с шеи серебряный крестик и протянула Машке.

— Вот, возьми. Это мамин. Он тебя охранит. Машка смутилась.

— А ты как же? И потом я же не христианка.

— Возьми и скажи спасибо, — приказным тоном заявила вдруг бабушка Фира. — Достоевский утверждал, что всякий порядочный человек в душе христианин. И я с ним согласна. Твоему отцу истинная вера не очень-то помогла. Может быть, с Христом тебе повезет больше? И потом — Он же, в конце концов, тоже был евреем.

— Но я не крещеная, — напомнила Машка.

— А кто крестил Марию, мать Христа? Кто крестил апостолов? Христос просто говорил им: «Следуй за Мной!» И все, никакой бюрократической волокиты. А налить воды за шиворот, пробормотать что-то невразумительное — все это нужно попам, чтобы иметь свой гешефт, но никак не Богу.

Машка взяла крестик, поцеловала и надела на шею. Потом они обнялись с Татьянкой и стали реветь и целоваться. Крюков испугался, что это теперь надолго и вернул разговор в прежнее русло.

— Скажите, — обратился он к бабушке Фире, — вы ведь бабушка по матери?

— Да, — подтвердила та. — Ее бедная мать была моей любимой дочерью.

— А по отцу родственники есть? — спросил опер Машку.

Та перестала реветь и обниматься.

— Есть, Санчес. Помните, который вместе со мной яйца бросал в Жидоморова? Он папин племянник.

Крюков нахмурился.

— Так, значит тоже наследник, только второй очереди. Как ты думаешь, он может убить?

Машка гордо выпрямилась и надула губы.

— Кто, Санчес? За деньги? Никогда в жизни! Он же идейный. Он считает, что убивать можно только за идею революционной борьбы.

Крюков презрительно усмехнулся.

— Да? Милый мальчик, наверняка из хорошей еврейской семьи. Поди, в детстве на скрипке играл. Ну что ж, идея — это хорошо. Например, такая — получить очень много денег для своей борьбы. Убедительно?

Машка поджала губы и задумалась. На сей раз ее ответ был не таким категорическим.

— Но ведь Санчес еврей. Он никогда не свяжется с какими-то исламскими террористами!

— Вот только на это я и надеюсь, — признался опер. — И еще я очень хотел бы знать — кто впустил убийц в вашу квартиру?

Санчес восхищенно вздохнул. Он чувствовал себя ребенком в магазине игрушек Деда Мороза. Только вместо витрин магазина его окружали бетонные стены ангара, а вместо игрушек на полках лежали автоматы, пистолеты, винтовки и коробки с патронами.

А вместо Деда Мороза по сказочному миру мечты его водил Анвар.

— Идем, э! Взрывчатка у меня хранится дальше, в отдельном помещении. Сам понимаешь, нужна осторожность. Если рванет, мало не покажется, э!

Он открыл тяжелую сейфовую дверь и провел Санчеса в небольшую комнату, по обе стороны которой высились закрытые шкафы.

— Здесь у меня взрывчатка на любой вкус. Тротил, тол, тринитротолуол, блин, фиг выговоришь. Динамит даже есть, но я тебе его брать не советую. Бери пластиковую — хочешь нашу, хочешь чешскую. Да, вот ключи от хаты твоего дяди. Забери, они больше не нужны.

Санчес замер, вертя в пальцах связку ключей.

— Ты ведь сказал, что ключи от дядиной квартиры тебе нужны, чтобы покопаться в его компьютере. Это ты его убил?

Анвар сморщился, как от зубной боли.

— А, снова ты об этом! Ну, сколько можно? Во-первых, убил не я. Я вообще человек мирный, никого не убиваю...

— Да? — удивленно перебил его Санчес и обвел рукой вокруг. — А это тогда зачем?

Анвар улыбнулся.

— Как зачѐм? Для самооборона, зачѐм еще? А во-вторых, хочу тебе напомнить, что ты теперь почти наследник. Миллиарды долларов, а? Только дочка его мешает. Представляешь, сколько таких складов можно купить? Да что там, атомный бомба купить можно, куда хочешь привезти, закопать и еще на дэвочек деньги останутся.

— И что ты мне предлагаешь? — раздраженно спросил Санчес. — По-твоему, из-за этого я должен убить Машку?

— Вах! Зачем сразу убить? Хочешь, женись на ней. Не хочешь жениться, убей. Не хочешь убивать, пусть доверенность даст тебе «бабки» получать. Сколько возможностей! Я тебе даже завидую.

Санчес покачал головой.

— Ты не мне, ты Мусе завидуешь. Иначе зачем тебе надо, чтобы я его рынок взорвал?

Анвар воздел руки к небу, призывая его в свидетели.

— Как я могу Мусе завидовать?! Муса — ишак! Свинину ест, — тут Анвар подумал, что собеседнику такие аргументы вряд ли покажутся убедительными и добавил: — Муса трудовой народ на рынке обманывает. Он настоящий капиталист-империалист, э!

— А ты кто, пролетарий или революционер, что ли? — презрительно ухмыльнулся Санчес.

Неожиданно Анвар посмотрел на него прямо и пронзительно.

— Сам как думаешь? — спросил он, при этом его «кавказский» акцент разом куда-то исчез. — Интересно, кем ты меня считаешь? Чуркой? Черным? А у меня, между прочим, мама — русская. Когда я в школу пришел, не очень хорошо по-русски говорил. Надо мной все смеялись. Тогда про тех, кто русский плохо знал, говорили: «Он вчера с гор спустился». Про тех русских, кто местный язык не знал, худо не говорили. Это было нормально. Обычная политика колониальной империи. И что от вашей империи осталось? Куча мусора, которая с каждым днем все уменьшается. Скоро совсем исчезнет, как только нефть подешевеет или американцы водородное горючее придумают. А сила моего народа, сила родовых отношений, религии, нации — вечна. Я — варвар. Моя миссия, если хочешь, состоит в том, чтобы окончательно сокрушить Российскую империю. Сейчас она уже стоит на коленях. Раком стоит. Подходи и трахай, кто хочет. Лишь «бабки» плати вашим правителям. Осталось сделать контрольный выстрел. И я его сделаю.

Санчес посмотрел на оратора со смесью уважения и сомнения.

— Но тогда почему ты хочешь взорвать рынок Мусы, а не Кремль?

Взгляд Анвара вдруг снова стал блудливым и хитрованским.

— А ты можешь взорвать Кремль? Нет? Я так и подумал. Поэтому прошу взорвать хотя бы рынок. Ты ведь в шахматы играешь, да? Тогда зачем спрашиваешь? Не все сразу. Сначала рынок, потом Кремль. Ты взрывчатка хотел? Получил? Хороший взрывчатка, пластилин-взрывчатка! Много взрывчатка. Теперь взрывай кого хочешь. И получил ты ее бесплатно. За то, что ключи от дядиной квартиры дал. И еще я у тебя совсем фигня прошу — немножко Мусу взорвать. Так берешь или не берешь?

— Согласен, — вздохнул Санчес. — Давай.

Ему бы радоваться, но тягостное ощущение предстоящей беды не отпускало. Он чувствовал, что заключил сделку с дьяволом.

Анвар одобрительно похлопал его по плечу.

— Взрыватели получишь у моего человека, так надежнее. Работать будете вместе. Найдешь его на рынке. Спросишь Алана из службы безопасности.

Утром ни свет ни заря Крюкову позвонил дежурный по его родному управлению Алеша Попович.

— Слухай, Крук, тут до тябэ по городскому тяляфону цялый дзень какой-то сябр дозваниваца, — сообщил он. — Дать ему твой мабылный тяляфон?

— Ты ему лучше номер моего мобильного дай, а сам «тяляфон» мне еще пригодится, — поправил сыщик. — А что за «сябр»? Не представился?

— Ня знаю. Он гаварыт, пырыдай, что званыт тот, кому Крук на рынце галошей сыняк пид глаз поставил.

— Может не галошей, а кедой? — уточнил опер.

— Та какая разныця? Мабуть и кэдой.

— Давай скорее. Жду его звонка! — заорал сыщик.

Через секунду мобильник Крюкова исполнил арию Папагено из оперы Моцарта «Волшебная флейта». А не какую-нибудь «Бригаду», между прочим. Сыщик нажал кнопку связи.

— Опер Крюк на проводе.

— Это Алан, — представился рыночный знакомец. — Есть срочное дело. На рынке заложена бомба.

Приезжай, как сможешь, чем быстрее, тем лучше. Тут заваривается что-то нехорошее.

— Ты знаешь место, где лежит бомба? — спросил опер.

— Знаю. Я сам ее туда заложил, — успокоил его Алан. — Буду ждать тебя возле калитки. Ты помнишь, куда она выходит?

Крюков помнил. Через пятнадцать минут он остановил «рябуху» в проезде позади рынка. Алан ждал его у забора. Он рассказал сыщику, что накануне вечером к нему заявился какой-то придурок в камуфляже и майке с портретом Че Гевары и сказал, что его зовут Санчес и что Алан должен помочь ему заложить бомбу на рынке. Потом позвонил Анвар, подтвердил, что это не бред сумасшедшего и сказал, где можно найти взрыватели.

«Значит, Санчес все-таки снюхался с Анваром», — печально подумал сыщик.

— А где Муса хранит наркоту? — спросил он.

— Наркотиков здесь нет. Анвар вывез их этой ночью. И на это место приказал заложить бомбу.

Крюков посмотрел на нового союзника с недоверием.

— Он что, считает Мусу законченным дураком? Неужели тот не поймет, что во время взрыва на складе было пусто? Тут и экспертизы не надо.

— Муса ничего не поймет, потому что умрет. Бомба, склад и его кабинет — все это в одном месте. Когда он войдет туда и сядет на стул, цепь замкнется, и все взлетит на воздух. Собственно, он уже там.

Опер удивился.

— Тогда почему до сих пор нет взрыва?

— Я разомкнул цепь в другом месте, — пояснил Алан.

Из-за забора, окружавшего рынок, вдруг послышался грохот. Но это был не взрыв. Такой шум мог бы издавать слон, окажись он в посудной лавке. Очень большой слон в очень большой лавке. Размером с рынок.

Алан быстро отпер калитку и вслед за сыщиком оказался на территории рынка. Здесь творилось что-то неопишное.

8

По рынку несся, сметая все на своем пути, настоящий поток. По своей разрушительной силе он уступал разве что цунами. Бритоголовые парни с перекошенными от злобы лицами крушили, ломали и опрокидывали отдельные палатки и прилавки, били витрины, а заодно продавцов и покупателей. Доставалось, главным образом, черным, но и коренному населению кое-что перепало на орехи.

Охрана рынка даже не пыталась организовать сопротивление, отступила к складам, где и закрылась. Покупатели разбежались, продавцы от них не отставали. Анвар любовался происходящим из машины с противоположной от рынка стороны улицы и весело смеялся. Вдоволь натешившись, он посмотрел на часы и удивленно вскинул густые черные брови.

«Почему нет взрыва»? — забеспокоился он.

Алан и Крюков наблюдали за погромом, просунув головы в приоткрытую калитку.

Неожиданно сзади в их спины ткнулся какой-то тип. Оглянувшись, сыщик увидел Санчеса. Но тот не обратил на него ни малейшего внимания, а пристал к Алану:

— Почему она не взрывается?!

Алан оттолкнул его так, что экстремист-антифашист отлетел к сложенным у забора пустым коробкам.

— А тебе что, очень хочется взрывов, грома, фейерверка? Придурок! Открою тебе великую тайну. Я разомкнул цепь, поэтому взрыва не будет.

Санчес не то зарычал, не то зарыдал. Судя по всему, у него началась истерика. Как же, не дали подвиг совершить!

— Предатель! Я сообщу Анвару!

Крюкову надоело выслушивать весь этот бред, и он сгреб революционера за шкуру.

— Что ты тут лепечешь?! А ну-ка, террорист долбаный, лапы в гору! Ты арестован. Ты имеешь право молчать, кричать, избирать и быть избранным, в самодеятельности участвовать. Что еще? Право на труд, право на лень... нет, не помню.

С воплем отчаяния Санчес рванулся, оставив в кулаке сыщика кусок камуфлированной материи. Растолкав обоих противников, он рванулся на территорию рынка и устремился в самую кутерьму.

— Куда бежит этот идиот? — в недоумении спросил опер Алана.

— Бомбу взрывать, — ответил тот. — Но я не только цепь разомкнул, но и со взрывателем поработал. Часы отключил. Вряд ли у этого идиота найдутся батарейки. Да и заряд там пустяковый — граммов двадцать, не больше...

Тем временем не на шутку рассерженный Анвар, сидя в машине напротив рынка, раз за разом нажимал кнопку дублирующего радиовзрывателя. Но взрыва по-прежнему все не получалось. Это было скверно. Если взрыва не произойдет, а Муса останется жив, он поймет, что Анвар его обчистил. Но даже если Мусу убьют, а взрыва не будет, то труп хозяина рынка не пострадает от взрыва и с точностью визитной карточки укажет на заказчика — Анвара. В любом случае взрыв нужен до зарезу. А потом он разберется с обоими предате-

лями — и с Аланом, и Санчесом.

Не ведая о незаслуженной опале, Санчес пробивался к администраторской, где вчера они вместе с Аланом заложили взрывчатку. Пару раз его приложили железной трубой или арматурой — по спине и по затылку. Но Санчес не обратил на это внимания. Его гордость была уязвлена куда сильнее. Он даже не отдавал себе отчета, что опозорился не перед товарищами, а перед злейшим врагом, ставшим на короткое время попутчиком.

Ворвавшись в кабинет Мусы, он споткнулся о его труп, лежавший возле двери с проломленной головой. Погромщики уже побывали здесь. Стол и стулья были опрокинуты, шкафы зияли распахнутыми дверцами, их содержимое устилало пол. Оборванный телефонный провод навел Санчеса на тревожные мысли. Он влез в шкаф, вытащил кусок пола и вздохнул с облегчением. Взрывчатка была на месте. Разъединенные Аланом контакты болтались рядом.

Санчес соединил провода. Он взглянул на взрыватель и понял, что торжествовать рано. Циферблат электронных часов не горел.

Санчес выругался. Искать батарейки на разгромленном рынке — бессмысленно. И тут его осенило — часы! Он расстегнул ремешок, сорвал с руки свой кварцевый «Ситизен», отвинтил заднюю крышку и трясущимися руками выковырял батарейку. Батарейка подошла. Часы на взрыватели заработали.

На восстановление взрывного механизма и приведение его в боевое состояние потребовалось не более двух минут. Санчес вывел на циферблате время. По его прикидкам пяти минут для отхода на безопасное расстояние ему должно хватить.

Восстановив взрывной механизм, Санчес глубоко вздохнул и плотно прикрыл дверцы шкафа. Теперь мешкать было нельзя. Как говорится, время пошло.

В этот момент в машине неподалеку от рынка потерявший всякую надежду Анвар в последний раз нажал кнопку пульта дублирующего взрывателя, о котором Санчес не знал.

Взрыв получился не сильный, Алан и в самом деле уменьшил количество взрывчатки до минимума. Тело Мусы совершенно не пострадало, чего и боялся Анвар. Но незадачливому экстремисту хватило даже такого ослабленного заряда. Дверцу шкафа сорвало с петель, дверная ручка из дюралевого сплава ударила его чуть ниже подбородка, разорвала горло и застряла в шейных позвонках.

Услышав взрыв, Крюков с Аланом бросились к администраторской. Катаклизм практически завершился, погромщики уступили территорию мародебрам. Отдельные суетливые типы, как тараканы, шныряли между разгромленными прилавками и витринами с пакетами, доверху набитыми добычей. С минуты на минуту можно было ожидать и появления сил правопорядка.

Сыщик осторожно толкнул дверь администраторской и поднялся по лестнице наверх. Выбитая взрывом дверь комнаты администратора валялась на полу. Крюков, а за ним и Алан, вошли в кабинет Мусы. Следы погрома смешались здесь с последствиями взрыва. В воздухе стоял кисло-терпкий запах.

Сыщик сразу же обратил внимание на разбросанные на полу тела. Одно из них принадлежало недавно хозяину рынка и наркоторговцу Мусе. Сыщик едва не споткнулся о него при входе в комнату.

— Ни к чему не прикасайся, — предостерег он Алана.

— Я, между прочим, такой же мент, как и ты, — обиделся тот. — Не вчера с гор спустился.

В углу кабинета, возле вывороченного наизнанку стенного шкафа в луже собственной крови лежал террорист-экстремист, он же антифашист Санчес. Но опера больше всего заинтересовало третье тело. Сыщик хорошо знал его при жизни, как и двоих предыдущих. Это был Хорст.

— Оригинально, — заметил Крюков. — Раньше я всюду находил документы этого парня. А теперь вот и самого найти сподобился. Вот уж подбросили так подбросили.

За его спиной в удивлении застыл Алан.

Часом раньше Хорст, еще полный сил и жизни, выходил из спортзала после тренировки в окружении соратников по движению. Неожиданно прямо рядом с ними затормозила машина, и высунувшийся из окна брюнет, в котором Хорст узнал забинтованного Ибрагима, заорал:

— Эй, фашисты проклятый! От Мусы привет, подарка получай!

Хотя и без приветов было ясно, чья это машина. И отцы, и деды Мусы признавали только два вида транспорта, достойных мужчины — горячий конь и черная «Волга». Сам Муса с раннего детства даже на горшок, и то на черной «Волге» ездил. И здесь, во враждебном ему мире чужаков, черная «Волга» была ему чем-то теплым и близким, вроде очага родной сакли. Поэтому и он сам, и его люди игнорировали иномарки и ездили исключительно на черных «волгах». Кто-то, например Муса, на новой, выпущенной Горьковским автозаводом всего в десяти опытных экземплярах, а кто-то, вот как сейчас Ибрагим, на старой и раздолбанной.

Ибрагим бросил к ногам политических противников большой черный пакет. Пакет с глухим стуком ударился об асфальт и остался лежать. Машина тут же сорвалась с места и исчезла вдали.

Сначала Хорст и его товарищи инстинктивно отскочили в стороны от подозрительного «подарка». Но тот не взрывался, да и на вид не казался опасным. Он напоминал, скорее всего, мешок с капустой. С парой больших капустных кочанов. Один из скинов опасно приблизился к пакету, наклонился и открыл его двумя пальцами. Выражение интереса на его лице сменилось изумлением, потом застыло маской ужаса. Продолжалось это недолго. Выпустив край пакета, парень издал нечленораздельный звук, отлетел в сторону, словно отброшенный невидимой пружиной, и принялся блевать прямо посреди тротуара.

Остальные замерли, глядя не на пакет, а на него.

— Что за базар?! — раздалось у них за спиной.

Из дверей спортзала показался Шварц. Его окружала свита из новых, незнакомых Хорсту пацанов. Возглавлял охрану Дыня. Он подобострастно заглянул в глаза своему шефу, молча засеменил к пакету и поднял его. Раскрыл и заглянул внутрь. Его рот расплылся в глумливой ухмылке.

— Во, смотрите!

Он широко распахнул пакет и продемонстрировал остальным его содержимое. Предметами, похожими на пару капустных кочанов, оказались человеческие головы. Одна — Игната, другая — Ваньши Ботаника.

Кто-то побледнел, кому-то резко захотелось проблеваться. Но на лице Шварца не дрогнула ни одна морщинка. Оно было мрачным и торжественным.

— Ну, вот и дождались, — изрек он. — Черные оборзели вконец, режут наших братьев среди бела дня!

Шварц как будто забыл, что Ботаника из числа братьев исключили с позором и предали ритуальной смерти. Он продолжал:

— Наша месть должна быть страшной и молниеносной. Объявляю общий сбор. От рынка этого ублюдка — Мусы — не должно остаться камня на камне! А это, — он повелевающим жестом указал на пакет, — спрячьте. Если менты пронюхают, они будут на рынке раньше нас. У Мусы все схвачено. Вперед!

Те, у кого были мобильники, принялись названивать, собирая по тревоге бойцов. Шварц отошел в сторону. Хорст едва протолкался к нему сквозь ряды охранников.

— Ты думаешь, это Муса? — спросил он.

— А кто? — взгляд Шварца прожег его насквозь.

«Странно, — подумал Хорст, — Шварц ни черной «волги» не видел, ни «привета» не слышал, а уже в курсе дела. Откуда бы у него такая осведомленность?»

— Это был Ибрагим, — твердо сказал Хорст. — Я его хорошо знаю, сам ему руки-ноги ломал. Ибрагим — человек Анвара, а не Мусы.

— Сначала разберемся с Мусой, а потом и других чурбанов в стойло загоним! — стоял на своем Шварц.

Ему нельзя было отказать в логике. По крайней мере, кроме Хорста, никто другой не усомнился в верности указанного курса. Хорст тоже не стал больше спорить, а отошел к основной группе бойцов. Все были возбуждены и находились в состоянии веселой ярости.

— Встречаемся через полчаса возле рынка! — распорядился Шварц, и толпа с гомоном двинулась по улице, пугая встречных прохожих.

Хорст пошел вместе со всеми. Но Шварцу его поведение все равно не понравилось. Кивком он указал на Хорста Дыне. Тот снова понял шефа без слов и направился следом за Хорстом и остальными.

Спустя полчаса возле главных ворот рынка скопилась внушительная толпа, человек пятьдесят, а то и больше, преимущественно бритоголовых. Но встречались и обладатели короткой стрижки — «ботвы кирпичом». По сигналу Шварца бойцы лавиной устремились громить торговые площади. Хорст присутствовал при погроме, но участия в нем не принимал. Он искал Ибрагима, хотя и понимал, что тот вряд ли будет сидеть и дожидаться возмездия.

Из-за контейнера прямо на Хорста вылетел охранник в черной униформе. В руке он сжимал резиновую дубинку — тонфу. Он размахнулся и обрушил удар на Хорста. Тот увернулся, подбил ногу охранника под колено и добавил ему локтем в голову. Охранник выронил дубинку и кубарем закатился в грязь под прилавок.

И тут внутри двухэтажного административного домика что-то грохнуло. Хорст определил это как несильный взрыв. Он бросился в дом. Наверх вела лестница, и он, прыгая через две ступеньки, поднялся на второй этаж. Здесь он увидел малоприятную картину: трупы Мусы и Санчеса, вонь, гарь. Лишь на миг Хорст утратил привычную бдительность, но и этого оказалось достаточно.

Налетевший Дыня ударил его обрезком трубы. Хорст попытался увернуться. Удар прошел вскользь, но все же достиг своей цели.

«И как только такая туша смогла незаметно прокрасться по лестнице?» — подумал Хорст, теряя сознание.

Когда сознание вернулось, первое, что ощутил Хорст, была саднящая острая боль над верхней губой. Хорст постарался открыть глаза. Перед глазами маячили двое. Один, смутно знакомый, с противной рожей, давил со всей дури ногтем ему под нос и приговаривал:

— Ну, оживай! Как там говорится? Бери постель свою и ходи! Ожил? С возвращением! Узнал меня? Давай, вспоминай! Меня зовут Крюк, опер Крюк, — потом указал на второго. — А это Алан. Повтори!

— К-крюк... Ал-лан... — слегка запинаясь, непослушными губами с трудом произнес Хорст.

— Ну вот, порядок. Мы его не потеряли. Так и запишем — разум восстановлен почти полностью, — с удовлетворением сказал Крюков. — Теперь выясним — что у нас болит?

Хорст осторожно потрогал затылок. Под пальцами обнаружилось что-то липкое.

— Голова...

— Фигня, — успокоил его сыщик. — У тебя там легкий двойной перелом затылочной кости со смещением. Кость не мозговая, так что ничего страшного.

— А липкое — это что?

— Это тебе голуби на макушку наделали. Ничего, солдат, жить будешь, воевать будешь. Вот только с потомством...

— А что такое? — Хорст, испугавшись не на шутку, сел и забыл о разламывающей голову боли.

Крюков успокаивающе положил ему руку на плечо.

— Ты только не волнуйся. Я боюсь, дети у тебя будут такими же дураками, как и ты сам. Ладно, хватит сачка давить. Чего в грязи разлегся? Поднимайся и поехали. Больничный все равно не получишь.

Вдвоем с Аланом Крюков помог Хорсту подняться и доковылять через опустевший разгромленный рынок до калитки. Здесь они уложили Хорста на заднем сиденье крюковской «рябухи», потом уселись в машину сами. Хорст за тих, кажется, задремал. Крюков тронул машину и вырулил на шоссе.

— Куда едем? — спросил Алан.

— Для начала надо пристроить куда-то этого энтузиаста, — Крюков ткнул пальцем за спину на храпящего Хорста. — Отвезу его к Машке. Раз они оба кому-то так мешают, охранять двоих будет проще, чем каждого в отдельности. А там поглядим. Что-то должно случиться не сегодня, так завтра.

Крюков набрал на мобильнике номер домашнего телефона Машки. В ответ он услышал только короткие гудки.

— Занято, — поморщился он. — Машка с кем-то треплется. А, может, бабушке Фире снова ее еврейские партизаны из Америки звонят.

Машка вернулась с похорон отца в опустевшую квартиру. Только сейчас, когда закончилась суэта с организацией похорон, она в полной мере смогла понять и оценить свою утрату. С кладбища все отправились к бабушке Фире, где были организованы поминки, но Машка попрощалась с собравшимися и поехала домой. Татьяна последовала за ней.

Дома Машка налила себе и Татьянке мартины. Говорить ни о чем не хотелось. Тем более подходить к телефону. Но тот, кто позвонил, имел другие намерения. Телефон звонил долго и требовательно. Наконец звонки прекратились, но только затем, чтобы возобновиться через несколько секунд. На третьей попытке у Машки не выдержали нервы и она взяла трубку.

— Маша? — голос в трубке был ей хорошо знаком. — Это я, Жидоморов. Прими мои соболезнования. Ты можешь мне не верить, но я очень огорчен смертью твоего отца. И что бы там ни болтали, имей в виду — я не имею к его смерти никакого отношения. Мы же были с ним братьями...

— Как Каин и Авель? — переспросила Машка.

— Что? — не сразу понял профессор. — Нет, что ты... Зачем ты так? Я только сейчас понял, какой ерундой мы все это время занимались... Но ведь никто не мог подумать, что все так закончится... В общем, я знаю, кто убил твоего отца. Мне тоже угрожают. У меня нет времени, поэтому приходи сейчас в кафе. Знаешь, то, которое напротив вашего дома? Я буду тебя там ждать.

Как раз в этот момент Крюков безуспешно пытался дозвониться до Машки. Она положила трубку и осторожно вышла в коридор. Татьяна смотрела телевизор в гостиной. Машке не хотелось, чтобы даже она присутствовала при разговоре. Она накинула куртку и вышла из квартиры. Но Татьяна услышала. Она выскочила в прихожую, когда дверь за Машкой уже закрывалась.

Татьянка моментально оделась и бросилась догонять Машку. В тот момент, когда она захлопывала дверь в квартиру, внизу эхом хлопнула дверь подъезда. Татьяна не стала ждать лифта, а помчалась вниз по лестничным пролетам, рискуя сломать ноги.

Выбежав из подъезда, она остановилась, чтобы оглядеться. И тут с ужасом увидела, что рядом с Машкой затормозила черная иномарка. Татьяна сразу узнала ее. Это был тот самый черный бумер в который ее затолкнули похитители-джигиты на автобусной остановке возле поселка «Дружба».

Татьянка бросилась к машине. Машку уже запихнули в салон. Толстый джигит полез за ней следом. Дверца машины почти закрылась, когда Татьяна вцепилась в нее и рванула на себя изо всей силы.

Выстрел в лицо, сделанный из пистолета, отшвырнул ее на асфальт. С визгом шин и вонью горелой резины черный бумер сорвался с места и исчез в потоке машин, оставив Татьянку на краю тротуара смотреть в хмурое небо стекленеющими глазами.

Крюков стоял посреди тротуара под морозящим дождиком. Татьянку только что увезли лихие веселые санитары из морга. Взяли тело за руки и за ноги, качнули и «на раз» забросили в санитарный фургон. Отряхнув руки, один из санитаров с несмываемой ухмылкой на толстых губах обратился к сыщику:

— Эй, чудило, дай-ка в зубы, чтобы дым пошел!

Опер пытался удержаться, но не смог.

— Получи!

От удара в челюсть весельчак «врубил заднюю скорость» и на полном ходу влетел задницей в свой фургон. Его напарник орлом ринулся на выручку друга. Он был потяжелее своего коллеги, повыше ростом и шире в плечах. Всем хорош, только ноги кривоваты. Крюков пропустил его в броске мимо себя и

еще добавил некровозу небольшое ускорение. Тот забодал массивный мусорный бак и упал, видимо, от изнеможения.

А на Крюкова уже наступал противник посерьезнее. С яростью кафрского буйвола к нему приближался полковник Шабанов.

— Когда кончится этот беспредел? — прорычал он. — Опять твои клиенты мочилову устроили? Когда конец?!

— Совсем немножко осталось, — пробормотал опер и бочком-бочком постарался скрыться от разгневанного друга.

Вариант спрятать Хорста в квартире Гершензона отпал. Да и Алана нужно было пристроить на время. Крюков завез обоих к себе домой, где и оставил контуженого Хорста на попечение Алана. А сам двинулся в «Отдел расизма».

Крамской и Волгин сидели в кабинете, оба мрачнее тучи. Крюкова встретили прохладно и с порога огорошили:

— Наш отдел разгоняют. Это из-за погрома и взрыва на рынке.

— Погром и взрыв на рынке заказал Анвар, — сообщил Крюков, усаживаясь на свободный стул. — Он убрал Мусу, захватил его наркоту и хотел свалить все на скинов. Взрыв на рынке совершил один из лидеров «Интербригады Че» Санчес. Он погиб при взрыве.

Услышав это, Крамской сразу оживился.

— Это же в корне меняет дело! Молодец, Крюк. Мы еще поборемся!

Зато Волгин заметно приуныл.

— А я уже собрался к себе в полк возвращаться. Надоело тут фигней заниматься, честно говоря. По настоящему делу соскучился.

Крамской не слышал слов своего заместителя. Казалось, его целиком захватили сведения, принесенные Крюковым.

— Интересно, что общего могло быть у Анвара с Санчесом?

Волгин отмахнулся.

— Тот террорист, и этот террорист.

Крюков не согласился.

— Я подозреваю игру посложнее, — сказал он. — Санчес был наследником американского миллиардера Рабиновича. Как и Гершензон. Сейчас оба мертвы, а дочка Гершензона пропала. Возможно, она похищена людьми все того же Анвара.

— Ему-то это зачем? — не понял Волгин.

— Думаешь, что Анвар работает на неизвестного нам наследника? — предположил Крамской. — Надо проверить, кто еще может претендовать на «бабки» этого Рябиновича. Нет ли у Гершензона еще братьев или сестер? Я сам этим займусь. Есть какие-нибудь соображения?

Крюков в двух словах рассказал о фотографиях, на которых был изображен Гершензон вместе со Святополком Жидоморовым.

— Я пока могу поискать дочку Гершензона, — предложил Волгин.

Крамской одобрил его решение. Крюкову такой вариант тоже понравился, так как избавлял его самого от необходимости общаться с разъяренным полковником Шабановым. С общего одобрения Волгин отправился исследовать место происшествия.

— А мне что делать? — спросил начальника Крюков.

— Ты пока подготовь отказной материал по взрыву на рынке. Мы должны доказать руководству, что это дело не нашей юрисдикции, а обычная разборка

между наркоторговцами. И давай подробнее про Жидоморова.

Крюков еще раз рассказал о фотографиях. Крамской внимательно выслушал его, потом стал собираться в гости к профессору. Крюков с тоской посмотрел на кипу чистой бумаги. Ему предстояло превратить ее в несокрушимые фактические аргументы, призванные доказать, что проблема национального экстремизма не имеет к случившемуся ни малейшего отношения.

Крамской ушел. Сыщик каменным изваянием застыл над бумагами. Он ощущал полную потерю тонуса, как всегда при составлении документов.

«Пойти бы к доктору и попросить у него справку, что в течение месяца старшему оперуполномоченному капитану Крюкову категорически запрещается прикасаться к каким бы то ни было документам», — размечтался сыщик.

Чтобы хоть немного взбодриться, он зарядил кофеварку и сварил себе чашку эспрессо. Не помогло. Сварил еще одну. Тонус на нуле. Пока Крюков размышлял на предмет — не сварить ли еще пару — раздался телефонный звонок.

«Вдруг это срочный вызов?» — подумал он.

Оперу страшно захотелось отправиться прямо сейчас на место какого-нибудь преступления. Лишь бы не писать никаких дурацких бумажек. Он решительно поднял телефонную трубку.

— Опер Крюк, «Отдел расизма и расовой дискриминации», — представился он.

— Крюк, это Крамской! — прокричал голос в трубке. — Я у Жидоморова. Его убили, приезжай быстрее.

«Ты этого хотел?» — спросил себя сыщик, спешно покидая кабинет.

Поздним вечером того же дня Крюков загрузил в «рябуху» Алана и более или менее пришедшего в себя Хорста. И повез их к бабушке Фире.

Та долго не открывала, наконец, послышались шаги, и дверь открылась.

— Как вы себя чувствуете? — с беспокойством спросил сыщик с порога.

— Еще да, — ответила старушка.

Весть о пропаже внучки она перенесла стойко, только все время вздыхала.

— И за что все эти цорес на мою бедную еврейскую голову?

За чаем обсуждали главный вопрос — кто и почему мог похитить Машку?

— Мы все время отстаем как минимум на один ход, а то и больше, — констатировал Крюков. — Мы не успели определиться, мог ли Жидоморов быть наследником Рабиновича, а его уже убили. И знаете, чему я больше всего удивился? Что рядом с его телом я не нашел ничего, указывающего на причастность нашего друга, — он указал на Хорста. — То ли убийцы поспешили, то ли у них улики кончились. Не успели мы сообразить, что Машка крайняя, как ее похитили.

— Или убили, — тихо, чтобы не слышала старушка, вышедшая в кухню, подсказал Алан.

— Это в том случае, если имеется еще один наследник, — уточнил Крюков.

— Нету никаких наследников, — бабушка Фира оказалась гораздо ближе, чем они предполагали, и слышала она тоже гораздо лучше, чем про нее думали. — Машку украли, чтобы жениться на ней и получить наследство. Пока этого не произойдет, она в безопасности. А вот та бедная девочка, которую убили... Я бы расстреляла этих мерзавцев собственными руками! Это говорю

вам я, старая еврейская партизанка!

Спорить с ней никто не захотел. А, собственно, о чем тут спорить?

— Кто ее похитил, и куда ее могли вывезти? Вот два ключевых вопроса, — определил опер. — Кто — понятно. То есть было понятно. Я думал, что за всем этим стоит Жидоморов, но оказалось, что он в этой цепочке — не первое звено. За ним — шишки покрупнее. А связь, я думаю, идет через Анвара. В последнее время, куда ни сунешься, отовсюду его уши торчат.

Алан засопел. Сыщик внимательно посмотрел на него.

— Хочешь что-то добавить?

Алан рассудительно произнес:

— В общем, да. Анвар меня вербовал. Для этого его люди вывозили меня к нему в особняк. Это где-то под Москвой. Наверняка Санчес там же и взрывчатку у Анвара получал.

— Где-то под Москвой? Точное место, — усмехнулся опер. — Остается поехать туда и...

— Соберем группу и налетим, — Хорст еще толком не пришел в себя, поэтому не понял иронии сыщика. — Всех перемочим! Атака рейнджеров.

Крюков хлопнул его по плечу.

— Отдыхай пока. А лучше маме позвони, рейнджер хренов. Когда ее последний раз видел? Так давай звони, обрадуй. Скажи, что ты пока еще живой и на свободе.

Хорст автоматически снял трубку телефона и набрал домашний номер. Сначала он говорил негромко. Потом вдруг удивленно поднял брови и обратился к Крюкову и остальным:

— У меня дома сидит сестра Татьянки. Та ей оставила какие-то бумаги и велела передать их мне, если с ней что-нибудь случится.

— Пусть едет сюда, — распорядился Крюков. — И как можно быстрее.

Хорст передал приказ. В это время с кухни донесся голос бабушки Фиры.

— Идите пить чай!

На большой, метров в двадцать, кухне за массивным столом сидели двое, Барин и Оборотень. Белый потолок кухни пересекали черные деревянные балки. Над столом свисала, сияя тусклой бронзой, лампа, стилизованная под старинную керосиновую. Стариной веяло от чугунной плиты и от дубового буфета. Даже холодильник имел вид изразцовой печи.

Здесь Барин чувствовал себя комфортно. Здесь не надо было прикидываться любителем экзотических блюд и напитков. Пил и ел то, что хотел и сколько хотел.

Сейчас комфортное состояние он ценил особенно. Нервы стали совсем ни к черту. На работе против него собралась целая коалиция, враги так и норовили обжать со всех сторон, спасало только особое доверие президента. Но это неустойчивое равновесие могло рухнуть в любой момент. И вместе с теплым местом он лишится и всех своих акций нефтяных и алюминиевых компаний, полученных за верную службу. А наркобизнес Анвара, похоже, накрылся медным тазом.

Ну, а о том, что творилось дома, лучше было вообще не думать. Сын-наркоман откалывал такие номера, что Барину самому порой хотелось застрелиться от стыда. Анвар, скотина, вместо того, чтобы убереечь его мальчика,

сам подсадил его на иглу. И этим самым Барина за горло взял, за кадык. За пищик, блин. И держит. Совсем, сука, кислород перекрыл. Врачи неделю назад предынфарктное состояние констатировали. В тот раз пронесло, но поберечься наперед стоило. Покой и еще раз покой.

Только поэтому Барин и решился пригласить в свой дом злейшего друга — Оборотня. Они уже успели выпить ледяной водки, закусить икоркой, огурчиками и грибочками, после чего прислуга выложила на блюдо шампуры с шипящим мясом и удалилась. Барин на правах хозяина снова наполнил рюмки. Выпили.

— На Анваре можете поставить крест, — вторя его мыслям, категорически заключил Оборотень. — В том дерьме, что произошло на рынке Мусы. Анвар засветился по самое дальше некуда. Следствие выйдет на него если не сегодня, так завтра. Поэтому от него нужно срочно избавляться. Кстати, вам ведь до за-резу нужен террористический акт? Вот пусть он его и совершит.

Теракт Барину и в самом деле требовался до зарезу. Это был тот единственный козырь, которым он смог бы побить карты своих врагов. Если произойдет теракт, он, Барин, сразу станет фигурой номер один. Потому что в любой критической ситуации, и особенно при устранении ее последствий, что главное? Правильно — финансирование. А финансирование — это он, Барин. И те шавки, которые на него сейчас лают и стремятся укусить, будут ему руки и ноги лизать, да еще при этом визжать от удовольствия.

Но только сам теракт должен быть дозированным, без перебора. Ни в коем случае нельзя вызвать раздражения у вышестоящих. Нужно просто напомнить о существовании Барина, о его незаменимости. Никаких сотен жертв. Максимум человек десять — двадцать. Ну, двадцать пять.

Барин весь так и заерзал на месте от нетерпения. Даром, что водку пил.

— А как заставить Анвара совершить этот теракт? — он искательно заглянул в глаза Оборотню.

Надо же, перед какой мразью пресмыкаться приходится!

Оборотень, казалось, не обращал на хозяина дома никакого внимания. Просто рассуждал вслух:

— Элементарно. Надо натравить на него бритоголовых, а еще лучше — ментов. Вспугнуть, короче. Как жирного тетерева на охоте. Для этого ведь и существуют легавые собаки. Половина дела уже, собственно, сделана. Проблемами его напряги, выхода у него нет. А теперь я сам поеду к нему и подскажу правильное решение. Возможно, сам и возглавлю акцию. Давно ментов не стрелял, руки чешутся. Особенно одного козла завалить очень хочется, по фамилии Крюков. А он наверняка туда первым примчится. Но за это я требую вашей поддержки в деле с наследством Рабиновича. Мне понадобятся настоящие документы, юристы международного класса, нотариус и прочее.

Барин поспешил заверить гостя:

— Все это у тебя будет, не волнуйся. Только скажи, зачем тебе это надо?

Оборотень сделал вид, что обиделся.

— А чем я хуже других? Свадьба, кольца, белый лимузин с разноцветными лентами. Крики: «Горько!» Шампанского попить, салатик поесть. Подружку невесты на кухне трахнуть. Чтобы все как у людей. Или всем можно, а мне нельзя? Ладно, шучу. От женитьбы мне нужно две вещи — сначала штамп в паспорте, а потом доверенность на распоряжение наследством. Невесту сначала

ла на иглу, а потом и совсем убрать можно будет. И коротать остаток жизни в тоскливом одиночестве в собственном дворце. Эх, не дано мне встретить старость в теплых войлочных тапочках, читая сказки внукам! Подохну от инсульта или инфаркта, в каком-нибудь пятизвездочном люксе, в постели с молодой, развратной мулаткой. А то и с двумя сразу. Вот мерзость!

И он разразился веселым заразительным смехом. Так, наверное, смеялся Ленин, встречаясь с детьми на елке в Сокольниках.

Баринов замахал рюмкой, и водка пролилась. Он налил еще.

— Я не о женитьбе. Я хотел спросить — зачем тебе нужна такая собачья жизнь? Стрельба, двойная жизнь. Ведь у тебя такая должность, положение! Любой дурак позавидует.

Оборотень усмехнулся.

— Но я же не дурак! Наверное, мне это просто нравится. Натура, видно, такая противоречивая. На Кубе Че Гевару поставили народным банком руководить, а он сбежал в партизаны. Вот и я такой же, как Че Гевара, только хочу и банкиром быть, и партизанить. Там кавказцев поднял, тут бритоголовых замутил, по вкусу красных радикалов добавил. Адская кухня, и я на ней главный повар. Вот это завидная роль! Как Зорро. Сегодня представитель власти, завтра разбойник. К тому же с утра до вечера я занимаюсь разработкой всякой мрази. По одну сторону от меня деньги, по другую — кровь. Поневоле зачерпнешь одного и вымажешься в другом. Вам это трудно понять, я хищник, а вы — мародер, падальщик. Вы приходите туда, откуда я уже ушел. Мы с вами не совпадаем во времени. Наливайте. Как говорил начальник одесской канализации: «Выпьем за дерьмо, которое нас кормит».

— А вы его знали? — удивился такому знакомству Барин.

— Я нет, но так утверждает Жванецкий, а я ему верю, — подтвердил Оборотень.

Тут они снова выпили и налегли на остывающий шашлык.

Выпив чаю, Крюков отправил Хорста на улицу встречать Татьянкину сестру, а сам продолжил доверительную беседу с Аланом.

— Скажи честно, зачем ты в Москву приперся? Не затем же, чтобы у Мусы на рынке ящики кантовать? Я, в принципе, догадываюсь. Тебя к Мусе в его наркобизнес внедрили?

Алан покачал головой.

— Нет, я тут по своим делам. Это касается теракта в Сослане. Ты слышал о Полковнике?

Крюков кивнул.

— Это тот подонок, который командовал захватившими школу террористами? Его же вроде бы убили.

— Нет, не убили, я точно знаю. У моих земляков неплохо поставлена разведка, и влиятельные люди на нашей стороне имеются. Но после того, как президент пообещал приравнять мстителей к террористам, они ничем мне помочь не могут. Поэтому я действую на свой страх и риск.

Крюков потер лоб.

— Я слышал от одного парня, его недавно в тюрьме убили, про какого-то Оборотня-Полковника. Может быть, это он и есть? Витас его еще Шварцем называл.

— Витас? — переспросил Хорст.

Он только что вошел в квартиру. Сестра Татьянки вошла следом.

— Надя, — представилась она. — Но вообще-то меня Надюхой зовут.

— Крюков, — поднялся со стула сыщик. — Но вообще-то меня зовут Крюк. Опер Крюк. Так ты сестра Татьянки?

— Двоюродная, — уточнила Надюха. — Я под Москвой живу, в поселке «Дружба». Татьянка ко мне приезжала недавно и просила вот этот пакет передать Хорсту, если с ней что случится.

Присутствующие удивились.

— А откуда в поселке «Дружба» стало известно, что с Татьянкой что-то случилось?

— Ну, как же, а крест? — пояснила Надюха. — У нее крестик был серебряный. Батя мой сам сделал, он у нас умелец на все руки. Так тут вчера Ибрагимовы козлы Анвару новую девчонку привезли, а батя как раз в особняке проводку менял. Он и увидел на девчонке Танин крест. Раз так, говорит, значит, нет больше нашей Татьянки. Ну, я взяла пакет и в Москву, Хорста искать. С Татьянкой что-то случилось? Плохое?

В кухне воцарилось гнетущее молчание.

— Хуже некуда, — буркнул наконец Крюков.

Бабушка Фира усадила Надюху за стол и принялась угощать обедом. Крюков, Хорст и Алан стали рассматривать принесенные ею документы и фотографии.

Из материалов следовало, что отец Гершензона женился на матери Жидоморова и усыновил его. Так что юридически тот вполне мог стать наследником его родственника Рябиновича.

Крюков только головой покрутил от досады.

— Да, знать бы это раньше... Зато теперь к горечи от потери дорогого профессора Жидоморова прибавилось удовлетворение от приобретенного знания.

— А что ты говорил о Витасе? — напомнил сыщику Хорст.

И Крюков рассказал, как встречался в камере с Витасом накануне его смерти. И про Оборотня рассказал, и про Полковника, и про свои подозрения насчет Шварца.

— Я так и думал! — поддержал его Хорст. — Шварц — старый мужик, ему лет тридцать, не меньше!

Тут Крюков смущенно улыбнулся. Ему было значительно больше тридцати, но стариком он себя если и называл, то лишь в шутку.

— Старый мужик, — продолжал Хорст, — а все с пацанами в войнушку играет. И морду ото всех прячет.

— А ты бы его узнал? — спросил Крюков.

— Еще бы! — воскликнул Хорст. — Даже ночью, с закрытыми глазами.

Сыщик повернулся к Алану.

— Ты Полковника хорошо разглядел?

— Да, — кивнул тот. — Был бы я художник, прямо сейчас портрет изобразил бы. Жалко, рисовать не умею. А ты почему спросил?

Сыщик неопределенно покрутил растопыренными пальцами.

— Так, вообще. Я думаю, может быть, и я его тоже знаю, просто не догадываюсь, кто он такой. Так ведь часто бывает — ты кого-то ищешь, а он у тебя за спиной стоит. Но это сейчас не главное.

И сыщик принялся подробно расспрашивать Татьянку об особняке Анвара, в который абреки Ибрагима привезли девушку с крестиком, похожую на Машку.

План действий приняли немедленно. Алан едет с Надюхой на разведку в поселок «Дружбу».

— А на чем вы поедете? — спохватился сыщик.

Алан покрутил на пальце тяжелую связку ключей.

— Ключи от гаража Мусы у меня остались. Пять машин, выбирай любую. Хочешь — черную «Волгу». А хочешь — «Волгу» черную.

— Богатый выбор, — заметил Крюков. — А черной «Волги» там нет?

— Да, цвет и марка у них у всех одинаковая, зато качество разное, — возразил Алан. — Две совсем старые, на ходу развалиться могут, две нормальные. А одна — конфета. Прошлого года выпуска, эксклюзивная модель. Для Немцова делали, а он только на «мерседесе» ездит. Ее и возьму, раз ни Немцову, ни Мусе она уже не нужна.

— Я с вами поеду, — неожиданно заявила бабушка Фира. — Мне так спокойнее будет, а вам не в тягость. Места я занимаю немного, легкая. И ем мало.

Алан не нашел, что возразить. Он растерянно переглянулся с Крюковым и вынужден был согласиться.

Хорст отправился в спортзал, служивший штаб-квартирой для его соратников. Он хотел собрать хотя бы небольшую группу бойцов для нападения на особняк Анвара.

Крюков же направился в «Отдел расизма». Ему очень хотелось переговорить с кем-нибудь из своих временных коллег-начальников. С Геной Крамским или Мишей Волгиным. Интуиция подсказывала, что Полковник, этот любитель военных игр с настоящим оружием и настоящими потерями, сидит сейчас в их кабинете.

Оставив «рябуху» возле особнячка, Крюков поднялся на свой этаж, подошел к кабинету. Дверь была не заперта. Он потянул ее и вошел. На столе начальника сидел и улыбался Вадим. Полковник Вадим, помощник генерала Орлова. Ни Крамского, ни Волгина в кабинете не оказалось.

— А я тебя жду, — не здороваясь, с ходу заявил Вадим. — Поехали.

— Куда? — не понял сыщик.

— С тобой хочет поговорить генерал.

Понятно было, что для Вадима существует только один настоящий генерал.

— Если только недолго, у меня дела.

Сыщик спустился за Вадимом к выходу из особнячка. Постовой на входе козырнул им. Одному Крюкову такую честь не оказывали. Видно, Вадим и впрямь полковник.

Вадим предложил оперу сесть в его джип. Врубив сирену и мигалку, он понесся по улицам, не придерживаясь правил уличного движения. Крюков и сам предпочитал свободный стиль езды, но все же не до такой степени.

Они домчались буквально за пять минут. Ставка генерала Орлова располагалась в самом центре столицы, неподалеку от магазина «Детский мир» в невзрачном двухэтажном домишке, похожем на барак. Рядом с дверью висела табличка с надписью: «Движение «Отчизна».

Сразу за дверью оказался тамбур. Опер не сразу понял, куда дальше идти.

Оказалось, что дверь во внутреннее помещение находится справа, чуть ли не за плечом. Крюков догадался, что это сделано из фортификационных соображений. Ворвавшийся в тамбур противник вынужден был бы развернуться вправо-назад, что крайне неудобно, и наилучшим образом попадал под огонь охраны.

В дверях их остановил охранник. Крюков не сомневался, что тот хорошо знает Вадима. Тем не менее, бдительный страж внимательнейшим образом изучил документы Вадима, затем уставился в розовый пропуск, выписанный на Крюкова, и так же тщательно сверил его со служебным удостоверением опера. Что и говорить, служба здесь была поставлена серьезно.

Крюков проследовал за Вадимом по лестнице на второй этаж. Кабинет генерала не отличался ни роскошью, ни размерами. Стол, несколько стульев, на столе компьютер и стопка бланков движения. Ни агитационных плакатов, ни партийной символики. Крюков удивился и прямо с порога спросил об этом.

Генерал поглядел на него и усмехнулся.

— У нас все игры в компьютере, а в жизни мы серьезными делами занимаемся. И агитировать никого не приходится. Те, кто к нам приходит, уже сагитированные. Жизнью.

И без перехода спросил:

— Как там Минаев?

Сыщик несколько обескуражено ответил:

— Спасибо. Вашими молитвами жив пока. Так зачем звали?

Генерал-лейтенант Федор Иванович Орлов внешне напомнил Крюкову генерала из рекламы мыльной пены. А, может быть, там рекламировали прокладки для армейских сапог? Тот генерал все брился, брился, а потом давай орать: «Штурмовики, на взлет!»

— Звал по делу, капитан. Мы тут за тобой понаблюдали немного. Ничего, что на ты?

— А что, нормально. Валяй! — махнул рукой опер.

Вадим от такого нахальства чуть со стула не упал, но генералу это понравилось. Он рассмеялся.

— Сработаемся! А наблюдали мы за тобой не просто так. Мы знаем, что в «Отделе расизма» работает враг. Настоящий оборотень. Не чучело из ужасика и не пугало из милицейской сводки. Вот мы сначала на тебя и подумали.

— А почему сразу на меня? — обиделся сыщик. — Я же там не один корячусь. Или по принципу чукча — шибко умный?

Генерал снова переглянулся с Вадимом. Немного смущенно.

— В принципе, да. Очень уж ты непонятым показался. Вот мы и решили, что это у тебя следствие двойной жизни. И ошиблись, говорю с радостью, потому что ты мне понравился.

Крюков развел руками.

— Извините, не хочется вас обижать, но я по мужикам не очень... Я как-то с женщинами...

Вадим сидел как на иголках. Такая манера беседы была ему явно непривычна. Но Крюков с генералом, судя по всему, нашли общий язык.

— Так вот, капитан, — отсмеявшись, вернулся к главной теме Орлов, — пригласили мы тебя для откровенного разговора. Скажи для начала, что ты думаешь о нашей жизни?

Крюков пожал плечами.

— А что о ней думать? Нормальная жизнь. Корабль медленно, но уверенно тонет, музыка играет, пассажиры танцуют. Команда потихоньку сваливает на спасательных шлюпках, прихватив вещички пассажиров. Им-то они все равно уже не понадобятся.

Генерал посмотрел на Вадима. Теперь и тот одобрительно улыбался.

— Да, хорошо сказал. Метко. — Орлов встал и принялся мерить шагами свой небольшой кабинетик. — В том, что все мы живем в преддверии катастрофы, я с тобой совершенно согласен. Президент бессилён. Ту порочную систему, которую он получил в наследство от предшественника, не переделать. Все зашло слишком далеко. В экономике и политике мы сейчас пытаемся слепо копировать застой, который однажды довел страну до развала. Мы подсели на нефтяную иглу, пудрим народу мозги резервным фондом. Но все прекрасно знают, что резервный фонд — это спасательный круг, которым смогут воспользоваться единицы. Оглушаем себя изобретением дурацких праздников и с ужасом ждем, когда все рухнет. А рухнет оно в один прекрасный момент — при падении цен на нефть. И тогда наступит хаос. И не мы присоединим к себе Белоруссию, а она подберет то, что останется от России. Вот для такого случая мы и готовим наших людей. Наша задача — не допустить хаоса, пресечь массовые беспорядки. Кроме того, тебе это хорошо известно, силовые структуры практически не выполняют своих функций.

— И вы создали параллельную силовую структуру типа опричнины? — догадался Крюков.

— Если хочешь, можно назвать и так, — согласился генерал.

— И кому вы подчиняетесь? Или у вас партизанский отряд? — сыщик невольно усмехнулся, вспомнив бабушку Фиру.

Генерал истолковал его улыбку по-своему и немножко обиделся. Поэтому поспешно выпалил то, что при других обстоятельствах, возможно, и скрыл бы:

— Мы подчиняемся непосредственно первому лицу в государстве. Верховному главнокомандующему. Тебя это устраивает?

Крюков неопределенно покачал головой.

— Я бы предпочел, чтобы некоторые вопросы можно было решать, не заезжая каждый раз за разрешением в Кремль.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Орлов.

И Крюков рассказал ему о последних событиях и своем намерении навещать Анвара в поселке «Дружба».

Выслушав опера, генерал небрежно похлопал его по плечу.

— Расслабься, сынок. Ты попал по адресу. Такие вопросы находятся в моей компетенции. Тут я могу не спрашивать разрешения. Главное — не шуметь после одиннадцати.

Орлов посмотрел на часы и обернулся к Вадиму.

— Так, до одиннадцати время у нас еще есть, груби сбор! Проведем пробу сил. Будем считать это учениями на местности, максимально приближенными к боевой обстановке.

Крюков наврал Орлову. На самом деле тот ему тоже понравился. И сейчас сыщик смотрел на генерала с немым восхищением. Одно слово — орел!

Над мирным поселком «Дружба» в прямом и переносном смысле стуща-

лись черные тучи. Анвар бегал по залам своего огромного особняка и скрипел зубами от ярости так, что было слышно даже на деревенской улице.

А ведь он знал, что нельзя доверять этим русским! Полковник с Бариним его подставили. Его обвинили во взрыве на рынке, в убийстве Мусы, в наркоторговле, похищении людей и всех прочих смертных грехах кроме, разве что, осквернении могил и глумления над государственным гимном.

Скоро в поселок пожалует спецназ. Бронетехника, вертолеты, самолеты, пароходы, пионеры... Короче — привет мальчишу!

Но вместо спецназа прибыл Полковник. Он пребывал в радостном возбуждении. Можно было подумать, что он дозу принял, но Анвар знал — Полковник на дух не переносит никакой наркоты. Только алкоголь, и то в умеренных количествах. Но алкоголем от него не пахло. Водочная клизма также исключалась.

Оставалось предположить одно: для Полковника наркотик — само чувство предстоящей опасности и драка. Анвар слышал, что в бою Полковник преображается. Он звереет и становится подобным неуязвимым древним воинам, охваченным священным безумием.

— В предатели меня записал? — гаркнул Полковник. — Думал, я тебя брошу? Обижаешь, начальник! Ладно, давай к делу. Сколько времени тебе понадобится на эвакуацию всего хозяйства?

Анвар на секунду задумался.

— Часа три, если поторопиться. У меня одной наркоты — вагон. Да еще девочки, барахло кое-какое. И в лесу склад.

— Что у тебя там? — спросил Полковник.

— Так, всего понемножку. Оружие — на полк не хватит, но батальон вооружить можно. Взрывчатка есть, тоже немножко. Москву и Ленинград два раза взорвать хватит. Я за ней уже на всякий случай людей отправил. Скоро вернутся, привезут ящиков десять.

Далеко в лесу что-то сильно грохнуло, и над деревьями поднялся столб черного дыма. Полковник подозрительно прищурился.

— Похоже, склада в лесу у тебя больше нет. Тех людей, наверное, тоже. А кроме этого склада оружие где-нибудь имеется?

Лицо Анвара почернело от ярости.

— Вах, шайтан! Ишак-мамэ сыктым! Вся взрывчатка там был! Оружие немножко в доме есть. Автоматы-пулеметы, на взвод наберется. Патронов много. Что хочешь делать?

Теперь задумался Полковник.

— Что тут у вас в поселке имеется? Школа, больница, почта, телеграф, телефон?

— Школа есть.

— Тогда предлагаю захватить школу. Всех, кого поймаем, возьмем в заложники. Объявим требования — войска из Чечни вывести, ракету на Марс отправить, Березовского президентом выбрать или еще какую-нибудь ерунду. Пока власти будут с нами там разбираться, ты спокойно успеешь эвакуировать все свое хозяйство. За это время даже телевизор с холодильником вывезешь. Сколько у тебя людей?

— Я тебе Ибрагима дам с его джигитами. Ну, и еще пару-тройку человек. Всего шесть.

— Значит, включая меня, великолепная семерка наберется! Маловато, конечно, но сойдет для сельской местности. Тогда не будем тянуть. Начнешь пораньше — сделаешь побольше.

Анвар набрал на мобильнике номер.

— Ибрагим? Срочно ко мне! И ребят своих тащи.

Часом раньше черная «Волга» последней модели, красивая, как два «мерседеса» сразу, остановилась в стороне от поселка. Алан загнал машину в придорожные кусты на высоком холме. Отсюда поселок был виден как на ладони. Надюха сориентировала Алана, показав ему особняк Анвара, а заодно и свой дом. Баба Фира сидела, нахохлившись, на заднем сиденье и молчала.

— Ближе подъезжать нельзя, — сказала Надя. — Нарвемся на абреков.

— Хорошо, — кивнул Алан. — Тогда в поселок я пойду один, а вы пока посидите в машине.

— Ну вот, сейчас! — с полуоборота завелась Надюха. — Я еще у себя дома буду разрешения спрашивать, куда мне ходить! Баб-Фира, пошли ко мне домой! А он пусть в машине сидит.

Алан только головой покачал. Он надеялся, что хотя бы у старушки хватит ума переждать его отсутствие в машине, но та поддержала Надюху.

— Мы пойдем на разведку. В случае чего встречаемся здесь же ровно через час.

Дамы покинули машину и направились к дороге, ведущей в поселок. Они прошли не более ста метров, как возле них затормозил черный бумер. Вероятно, из салона автомобиля им сделали предложение, от которого они не смогли отказаться. Бабушка Фира и Надюха сели в машину.

Алан смотрел вслед удалявшемуся бумеру. Поднятый им столб пыли медленно оседал у ворот Анварова особняка.

Алан достал из простенького тайника, наскоро оборудованного под днищем машины, пистолет. Это был подарок земляков, сделанный на всякий пожарный случай. Похоже, сейчас именно такой случай наступил.

Алан вылез из машины и двинулся вдоль улицы в направлении резиденции Анвара. Навстречу ему выскочил грязный джип. Едва не сбив Алана, машина затормозила. Из открывшейся двери водителя послышалась удалая лирическая песня.

Вместе со звуками музыки наружу высунулась смуглая бородатая рожа. Алан узнал бородача. Тот привозил его к Анвару на вербовку. И тот узнал его. Обрадовался.

— Салам, брат! Так ты с нами? Это харашо! Мусу как собак зарезал. Тоже харашо! Куда идешь? Мы за взрывчатка едем, пошли с нами. Воевать будем, руски собак рзать. Захватим школа-балныца. Все взорвем! Вах, харашо! Покажем этим собакам, что такое война. Второй Сослан сдэлаем!

Алан напрягся, чтобы тут же не разрядить всю обойму в морду новоявленному «брату». Но подумал, что боевые действия начинать пока рано, и сдержался. Он залез в салон и обнялся с двумя напарниками водителя. Те тоже обрадовались пополнению.

— Четверо лучше, чем трое, — рассудили они. — Больше взрывчатка привезем, Анвар спасибо скажэт! Штука баксы даст! Вах, харашо!

По дороге они оживленно обсуждали, как будут «рзать горло русским соба-

кам» и всем остальным, кто подвернется под руку.

Лесной неприметной дорожкой они прикатили к высоченному забору. Алан подумал, что ему сильно повезло. Пешком бы он сюда в жизни не добрал, а его эксклюзивная «Волга» села бы на днище за первым поворотом.

В заборе имелись ворога. Судя по внешнему виду, они смогли бы выдержать танковый таран. Недолго, но смогли бы. На воротах значилась лаконичная надпись: «Склад № 4». Водитель джипа посигналил «спартаковским» кодом «та-та — тра-та-та — тра-та-ти-та — тата». Ворота медленно открылись, пропуская машину.

Джип въехал на территорию склада № 4. Кроме щитового домика охраны, здесь было лишь одно строение — длинный ангар из гофрированного железа. Машина остановилась возле дверей ангара. Водитель вылез и махнул экипажу.

— Пошли!

Внешность склада оказалась обманчивой. Под оцинкованным железом оказалась бетонная коробка. Водитель открыл дверь, напомнившую Алану то ли сейф, то ли подводную лодку, и провел всех на склад. Здесь все было как на обычном складе, только на полках лежали автоматы, пистолеты, винтовки и коробки с патронами.

Алану больше всего понравился стеллаж с холодным оружием. И просто пленил его своим видом лежавший с краю японский боевой самурайский нож, настоящий «танто» с ручкой, покрытой акульей кожей.

Бородатый водитель заметил его восхищенный взгляд. Ну, как было не показать, что он тут главный?

— Нравится? Бери, — милостиво разрешил он и засмеялся. — Я сегодня добрый. Вах! Погубит меня моя доброта!

Взрывчатка хранилась дальше, в отдельном помещении, за следующей тяжелой сейфовой дверью. Алан вошел и оказался в небольшой комнате, по обеим сторонам которой высились закрытые шкафы.

Бородатый водитель определенно был за старшего. Он прошелся вдоль шкафов, сверяясь с листком бумаги, потом обратился к двоим своим помощникам.

— Я буду отбирать то, что нужно, вы таскаете ящики в машину, а он, — водитель ткнул пальцем в Алана, — будет их вам подавать. Здесь не курить.

Помощники вышли поднять на улицу, Водитель открыл дверцы шкафов и принялся выволакивать коробки со взрывчаткой и складывать на полу.

— Помогай, — велел он Алану, который курить не пошел, а остался тут же.

Алан послушно принялся выволакивать коробки на середину комнаты и складывать одну на другую.

Минут через пять водитель перевел дух и отер пот со лба. Посреди комнаты высился внушительный штабель из промасленных коробок и ящиков.

— Эй! — крикнул он так, чтобы его было слышно на улице. — Давай, падахады! Тарапится надо, за один раз все не вывезем!

Тут он захрипел, как будто подавился абрикосовой косточкой. Но причина потери голоса была в другом. Просто Алан слегка рванул вверх бороду водителя и полоснул его бритвенным лезвием самурайского ножа «танто» по кадыку. Шея раскрылась чуть ли не до позвоночника. Алан поспешно оттолкнул тело в угол, чтобы поток крови не испачкал его и не выдал раньше времени.

Он взял одну из коробок и пошел к двери. Ему навстречу уже входил первый из пассажиров джипа.

— Держи, а то взорвется! — Алан бросил ему коробку.

Тот едва успел подхватить опасный груз и только собрался высказать Алану, что он думает по поводу таких шутников, как разделил незавидную судьбу бородатого водителя. Его напарник замешкался где-то у входа в ангар. Алан затаился между двумя стеллажами и, когда боевик проходил мимо, резанул по горлу и его.

Теперь следовало обезвредить охрану. Алан прошелся вдоль полок, выбрал подходящий для такой цели «Макаров» с глушителем. Проверил обойму, взвел затвор. Вышел из ангара и столкнулся с охранником. Тот уже начал беспокоиться.

— Э, пачиму нэ начинаете? Анвар звонил, ждет, когда прыедете. Тут товар много, еще раз прыехать придется.

Алан вскинул руку с пистолетом и дважды нажал спусковой крючок. Хлопки выстрелов были практически неслышны, лишь дважды лязгнул металл затвора.

Второй охранник сидел в будке и смотрел по видею «Убить Билла 3». Алан с порога спросил его:

— А где остальные? Там помочь надо, чтобы за один раз все вывезти.

— Какой остальные? Нас тут всего трое! — Охранник стал ворчать, что они не грузчики, но все же крикнул в дверь комнаты отдыха: — Эй, Ваха, иди сюда!

В этот момент Алан вонзил нож ему в горло. Вошедший в комнату Ваха потянулся к стоявшему у стены автомату, но получил пулю в живот и упал.

Алан наклонился над ним.

— Сколько вас тут было?

— Трое, — простонал раненый.

Это совпадало с полученной ранее информацией. Алан выстрелил Вахе в голову и направился обратно в ангар. Он стал выкладывать коробки со взрывчаткой цепочкой, от комнаты, где хранились ее запасы, к выходу из ангара. Здесь он сложил пирамидкой несколько коробок, между которыми установил нехитрую мину — гранату, засунутую в стеклянный стакан, взятый в комнате охраны. Чеку он предварительно выдернул, и теперь только непрочные стеклянные стенки стакана прижимали спусковой рычаг запала к корпусу гранаты. Оставалось лишь разбить стакан, чтобы граната взорвалась. От нее должны были последовательно сдетонировать выложенные цепочкой коробки со взрывчаткой. И так до самого склада, где этой взрывчатки хватило бы, чтобы взорвать половину крупного города. Анвар если и преувеличивал, то совсем немного.

Теперь следовало подумать и о собственном спасении. Шансы у Алана были невелики. Он отогнал джип к распахнутым воротам склада и оставил его с включенным двигателем. Здесь он оглянулся. Граната в стакане в дверях ангара была хорошо видна. Расстояние приличное — метров тридцать. Для верности Алан прихватил со склада снайперскую винтовку. Пулю следовало положить так, чтобы разбить стакан, не задев саму гранату. Иначе она могла взорваться далеко от коробок со взрывчаткой и не вызвать их детонации.

Алан целился тщательно, даже вспотел. Наконец, он решился. Выдохнул,

плавно, как учили, потянул спусковой крючок. И, не дожидаясь результата, отбросил на сиденье винтовку, вцепился в руль и выжал до пола педаль газа.

Джип рванул птицей. На ухабах и выбоинах лесной дороги его кидало, как камушки в погребушке. Руль так и норовил вырваться из рук. Но Алан сжимал его мертвой хваткой и продолжал давить на газ.

О том, что он попал, он узнал буквально через секунды после выстрела. Сначала небольшой взрыв, потом следующий, посильнее, за ним слившаяся в единый гул цепочка взрывов. И, наконец, рванул сам склад.

Дрогнула земля. Алана спасло то, что дорога в этот момент ушла в ложину между двух лесистых холмов. Над крышей джипа буквально пронесся ураган из вырванных с корнем деревьев и камней. Спустя мгновение они забарабанили по крыше машины, но уже на излете.

Алан глянул в зеркало заднего вида. За спиной, там, откуда он минуту назад вырвался, творился ад. Огромный столб черно-желтого дыма поднялся к облакам. Не ядерный гриб, но тоже без дрожи не взглянешь.

Алан на максимальной скорости, какую только могла позволить лесная дорога, гнал машину к поселку.

9

В спортзале, который служил штаб-квартирой соратников Хорста, он нашел одного лишь сторожа. Сам зал был закрыт.

— Трубу прорвало, — пояснил сторож.

— А где народ? — спросил Хорст.

Сторожем работал молодой парень, из своих. Он был в курсе дел организации.

— Шварц перед тобой заскочил, забрал Дыню и куда-то с ним умотал. А остальных дядя Федор куда-то вывез на автобусе. Боюсь, разбредутся все. Жидоморова больше нет, Шварц все время шкурными делами занят. Ты вообще перестал заглядывать. Кранты нашему движению. Капут.

Хорст не стал дослушивать пессимистические рассуждения сторожа. Он снял трубку телефона и набрал номер мобильного Крюкова. Они встретились через десять минут.

Хорст сел в бронированную «рябуху» рядом с сыщиком. Его мучили мысли о Машке, но он старался себя не выдавать.

— Куда поедем?

— В деревню. Генерал крестовый поход затеял.

— Я хотел своих ребят подключить, но никого не нашел, — признался Хорст. — Может, дядя Федор их и подписал?

— Не волнуйся, у генерала наверняка своего народу хватает, — успокоил его Крюков.

Опер слегка приврал. Ехали они не в деревню, а к месту сбора. Оттуда колонна, сформированная генералом Орловым, должна была двинуться на штурм поселка «Дружба».

Алан остановил трофейный джип возле указанного Надюхой домика. Он не надеялся на то, что абреки в машине просто подбросили Надюху с бабушкой Фирой до дома. Тем не менее, стоило удостовериться в обратном.

Дверь в дом оказалась открытой, и Алан вошел внутрь. В доме было темно.

Алан не успел сориентироваться, как почувствовал затылком прикосновение холодного металла.

— Стоять, козел! Ты что тут забыл? — раздался скрипучий мужской голос за его спиной.

Только идиот может подойти к задержанному вплотную. Алан поднял руки. Он мог бы вырубить этого типа одним ударом, но пожалел. Судя по голосу, тот был немолод. Скорее всего — отец Надюхи.

— Я могу повернуться? — спросил Алан. — Я из милиции. Если хотите, могу показать удостоверение.

— Ты чеченец? — недоверчиво спросил скрипучий голос.

— Осетин. Я из Сослана.

Человек помедлил.

— Ладно, покажь ксиву.

Аслан медленно вытащил из кармана свое служебное удостоверение и протянул назад.

Обладатель скрипучего голоса резко вырвал удостоверение и засопел. Видимо, читал. Наконец разрешил:

— Ладно, повернись.

Алан повернулся. Его глаза успели привыкнуть к полумраку помещения. Перед ним стоял, как он и предполагал, немолодой мужик со слегка опухшим лицом в сером милицейском камуфляже и голубом омовском бронежилете. На его голове красовалась милицейская фуражка. Кажется, Надюха ничего не говорила насчет того, что ее отец служит в милиции. Или он недослышал?

Мужик в камуфляже покашлял.

— Так что ты тут делаешь? — снова спросил он у Алана.

— Я с Надей приехал, — ответил тот.

— И где она?

— Ее какие-то типы в черном «БМВ» увезли, пока я машину в кустах прятал.

Мужик в камуфляже выругался.

— Ну, Анвар, сукин сын! Я же его предупреждал, чтобы наших девчат и пальцем не трогать! Ну, погоди, бандит, ты у меня получишь!

В руке мужик продолжал сжимать пистолет. Тут он решительно засунул его в кобуру и собрался идти, вероятно, разбираться с вероломным Анваром. Но Алан задержал его.

— Подождите. Анвар что-то задумал. По-моему он хочет совершить террористический акт. Тогда он вас просто убьет.

— Да? — мужик в камуфляже расстроился. — И что же делать?

Алан забрал у него свое удостоверение.

— А вы кто? Надин отец?

— Я-то? Нет, — мужик махнул рукой. — Ее отец Семка, кореш мой. Я к нему в гости заглянул. Гляжу — дверь не заперта, в доме нет никого, а тут и ты появился. Участковый я здешний. Петровичем меня кличут. Так что же делать-то?

— Как что? — удивился Алан. — В район звонить.

— Так ведь вроде ничего пока не случилось...

— Случится, обязательно, — заверил участкового Петровича Алан. — И надо предупредить людей в больнице или в школе... Есть у вас в поселке школа

или больница?

— Больницы нет, а школа имеется, — подтвердил участковый. — Так я прямо туда двину, оттуда и начальству позвоню.

— Правильно, — одобрил его решение Алан. — А я наведаюсь к особняку Анвара, а потом тоже к школе подтянусь.

— Семке записку черкануть надо. Придет — прочитает и тоже в школу придет, — Петрович присел к столу и на куске газеты нацарапал несколько строчек.

Алан уже был на улице и двигался в направлении гнезда Анвара.

Алану удалось незамеченным подкрасться к самым воротам особняка Анвара. Они были распахнуты настежь, во дворе суетились и бегали боевики Анвара. Среди них Алан, к своему удовольствию, увидел Полковника.

Первой мыслью его было — выстрелить в него сразу же. Но он сумел подавить искушение. Анвар определенно задумал большую акцию. Убив Полковника прямо сейчас, Алан ее не предотвратит. Зато сам наверняка погибнет, к тому же насторожит Анвара и его людей. А если он не убьет Полковника — промахнется или кто-то его закроет случайно? Поэтому Алан предпочел затаиться и ждать.

У выезда со двора стояли две машины. Из-за затемненных стекол Алан не смог определить количество сидевших внутри боевиков. Полковник собрался садиться в одну из машин, когда из дома вышел Анвар в сопровождении двоих мордovorотов. Один из них вел за руку бабушку Фиру.

— Возьми старуху с собой, — велел Полковнику Анвар. — Здесь она не нужна, а в школе лишняя заложница тебе может пригодиться.

«Значит, точно — снова будут захватывать школу, — подумал Алан. — Только бы Петрович успел...».

— Девчонку я отправил к куклам в питомник, — продолжал Анвар. — Пусть посидит с твоей невестой.

Полковник при этих словах придержал дверь машины.

— Знаешь, отправь-ка ты мою дражайшую невесту ко мне. Так будет надежнее. И не забудь для нее подвенечный поясok шахидки. На всякий случай.

— Я отправлю ее с Ибрагимом, — заверил сообщника Анвар. — Он тебе заодно со склада мыло доставит. Если взрывчатки нет, хоть имитацию заделаешь. Главное — проводов побольше накрутить.

— Не учи, сам знаю!

Полковник захлопнул дверцу, после чего обе машины сорвались с места, пулей вылетели со двора и понеслись по дороге к поселку. Анвар с беспокойством подумал, что участковый Петрович, оставшийся сочинять послание другу Сене, может и не успеть вовремя предупредить людей в школе и районную милицию. О том, какие действия предпримет эта самая милиция, Алан старался сейчас не думать.

Задержавшийся Ибрагим тем временем отвел Надюху к дежурному по питомнику.

— Приведи девку Полковника, — приказал он. — А эту помести пока к Оксанке. Сделай ей экспресс-обработку. Дай ударную дозу. И приготовь пояса для наших кукол. Возможно, они сегодня пригодятся.

Дежурный с раздражением посмотрел на Надюху, потом перевел взгляд на

Ибрагима.

— А чем я ее обработаю? Мне на нее дозу не выдавали.

— Изыщи резервы, — резко оборвал его Ибрагим. — Я тебе потом отдам. Сейчас у меня ключей от сейфа с собой нет. В машине оставил.

Дежурный втолкнул Надюху в камеру к Оксанке и пошел за Машкой. Оксанка смотрела на новую сокамерницу с ненавистью и злобой. Она слышала, о чем говорили Ибрагим с дежурным, и хорошо понимала, что такое «изыскать резервы». Да еще ударную дозу! Это значило, что она вместо полной дозы получит, в лучшем случае, половину, а то и того меньше.

Девушку переполняли ярость и отчаяние. В таком состоянии она была способна на все. Но ни дежурный, ни Ибрагим об этом не догадывались.

Через десять минут дежурный передал Ибрагиму Машку, облаченную в пояс шахидки. Тот усадил ее в машину и поехал догонять ушедший вперед отряд Полковника.

А из-под недостроенной веранды вытарщенными от ужаса глазами смотрел на них дядя Сема, занимавшийся тут отделочными работами. Только что он увидел свою родную дочку. Видел, как Ибрагим провел ее к питомнику и оставил там. Дядя Сеня взял себя в руки и, бросив инструмент, осторожно выбрался наружу. Отряхнув цементную пыль, он демонстративно деловым шагом направился к воротам.

— Э, куда пошел? — окликнул его охранник.

— Дак это я... это того, стамеску дома позабыл, понимаешь... Позабыл дома. Стамеску.

Охранник посмотрел на него с удивлением, но ничего не сказал.

Ибрагим привез Машку к школе. У дверей его встретил боевик в черном комбинезоне. Такую униформу Полковник раздал всем своим людям.

— Как тут у вас? — спросил Ибрагим.

— Порядок, — отозвался боевик. — Все прошло чисто. Полковник маладэц! Всэго двоих убить пришлось.

Захват школы и в самом деле прошел без сучка и задоринки. Подлетев к зданию на двух машинах, они молнией бросились к дверям. В холле им попался школьный завхоз, совмещавший за скромную доплату свою должность с обязанностями охранника. Он был серьезно вооружен газовым пистолетом и резиновой дубинкой.

Впрочем, даже если бы пистолет был самым настоящим, то вряд ли помог бы несчастному завхозу. Его буквально изрешетили пулями, и он пал, как настоящий герой, не оставив своего поста.

Боевики разбрелись по классам небольшой поселковой школы, собирая всех, кого смогли разыскать. Детей было немного — те, кто оставался на продленке. С ними занималась пожилая учительница. Всех согнали в актовый зал. Здесь же добычей бандитов стали юные актеры драмкружка и их руководительница — молоденькая библиотечарша.

Один из боевиков тут же стад отжимать ее от остальных заложников, а двое напялили на себя маски Карабаса-Барабаса и Арлекина и принялись фехтовать на деревянных шпагах.

В этот момент в актовый зал вошел Полковник. Увидев бардак, он пришел в ярость. Бандита, который тащил в угол библиотечаршу, он сбил с ног одним

ударом в зубы. Карабасу и Арлекину просто отвесил по пощечине. Даже несмотря на маски, закрывающие лица всех налетчиков, удары прозвучали оглушительно звонко.

— Еще раз увижу, что кто-то херней занимается, сверну башку! — пообещал Полковник.

В коридоре послышался шум. Со стороны учительской двое бандитов волокли мужика в сером камуфляже и голубом бронежилете.

— Кто такой? — спросил Полковник.

Но пленный только яростно ругался.

— Местный участковый, — ответил за него один из бандитов. — В ментовку позвонить пытался.

— Поторопился ты, мужик, — процедил сквозь зубы Полковник. — Часок спустя я бы сам тебе номер набрал. А сейчас еще рановато будет.

Полковник был раздражен недисциплинированностью своего отряда. Для наведения порядка требовался пример устрашения. Он подошел сзади к пленнику, одной рукой взял его за затылок, другой уперся в подбородок и крутанул голову. Раздался треск позвонков. Петрович, в неловкой позе, как сломанная кукла, распластался на деревянном полу школьного коридора.

— А теперь все по местам! Двое — охранять заложников, двое — развесить «гирлянды». Один на крышу наблюдать. Нас тут слишком мало, но лучше я сам убью одного, чем он подставит нас всех! У меня все.

Полковник вышел на крыльцо школы и закурил. Вокруг еще царила тишина, ничто не нарушало мирной обстановки. Захват школы удалось провести так гладко и быстро, что никто из случайных прохожих ничего не заметил. Первый пункт операции выполнен на отлично. Оставалось осуществить еще два пункта — поднять достаточно сильный шум и потом тихо уйти.

Полковника задумался. Нет, с уколами совести его мысли не имели ничего общего. Просто иногда он думал — а нельзя ли действовать как-то по-другому? Но каждый раз приходил к выводу, что его путь — единственно возможный.

Он был сравнительно молодым перспективным и крайне честолюбивым офицером, мечтал совершить подвиги, когда начался развал государства и спецслужб. Дураки держались за свои должности и звездочки, как утопающий за спасательный круг, умные рванули в бизнес. Он дураком не был и тоже решил заняться бизнесом. Тогда ему и посчастливилось встретить мудрого человека, который сказал: «Лучший бизнес — это политика». Поэтому это не он ушел со службы. Он не предавал родины, это она предала его. Что же тут странного? Иногда дети бросают матерей, иногда матери детей. Он воспринял этот факт спокойно и стал служить не родине, а себе.

Он никогда не отказывался от самых опасных и щекотливых заданий. Когда кругом все коллеги поголовно брали взятки, он оставался неподкупен. Для него гораздо важнее было другое — информация. Если убивали кого-то из сильных мира сего, он всегда стремился узнать, кому это понадобилось. Ему было плевать, кто нажал на курок, ему было плевать на доказательства. Зачем? Если заказчик окажется в тюрьме, какой от него будет прок?

Полковник докапывался до заказчика, выходил с ним на контакт и припирали к стенке неопровержимыми доводами. А то, что причастность заказчика к преступлению нельзя доказать, Полковника не смущало. Напротив, он сам помогал тому разработать правдоподобную ложную версию, подобрать козла от-

пущения и сфабриковать доказательства. Для дальнейшего шантажа это было куда вернее, чем какие-то признания и отпечатки пальцев. Ну и, конечно, Полковник пожинал лавры за раскрытое преступление.

Его внедряли во всевозможные преступные группировки, использовали в качестве посредника в самых темных сделках. Короче, он служил подтирочным материалом. Только чудом ему удавалось выходить живым из ситуаций, где другого убили бы не один раз. У него появилась привычка к риску. Он «подсел» на него, как другие подсаживаются на наркотик. Собственно, опасность и стала для него особым видом наркотика.

Сейчас подтирочным материалом ему служили шесть баранов, предназначенные на убой. Жизни заложников он в расчет не брал. Он не без оснований предполагал, что Барин и с ним собирается поступить точно так же, как он с этими шестерыми? Что если он сам — седьмой жертвенный баран?

Кстати, их все еще было шестеро. Ибрагим с его, Полковника, главным козырем все еще не приехал. И какой козырь! Спасибо Барину. И на работу в президентскую комиссию устроил, и с личной жизнью помог. Невесту с миллиардами, можно сказать, сосватал. Но и Полковник Барину не раз помогал. Вот как сейчас. Что угодно-с? Заказывали дозированный террористический акт с ограниченным количеством жертв? Распишитесь и получите. Ментов и журналистов Полковник только что вызвал сам, так что скоро тут будет шумно. Вот под этот шум он и уйдет. Как всегда незаметно и элегантно.

Да и как же иначе? Искать-то будут лицо кавказской национальности. Нет, эти ребята определено ничему не учатся. «Ищут пожарные, ищет милиция...» Книжки читать надо! Ведь все это уже было. Когда к Александру II привели стрелявшего в него Каракозова, царь никак не хотел поверить, что тот не поляк, а русский. Тогда властям нужны были террористы-поляки, теперь подавай кавказцев. А у него, Полковника, самая что ни на есть русская физиономия.

А что касается денег... Он твердо знал, что его деньги — впереди. Настоящие, большие, сумасшедшие деньги. Сундук с сокровищами, предназначенный только для него. Кстати, вот и сундук.

Из остановившейся у школьного крыльца машины выбрался Ибрагим и вытащил упиравшуюся Машку. Поверх рубашки и джинсов на ней был надет широкий фартук из черной грубой ткани. Нашитые сверху карманы оттопыривались от пластиковой взрывчатки. На спине торчала антенна радиовзрывателя.

Ибрагим подвел Машку к Полковнику и протянул ему пульт взрывателя. Тот убрал черную коробочку в карман и отвел бандита в сторону.

— Иди в зал, к заложникам. После меня ты главный. Бутафорию уже развешили, ментов я вызвал. Организуй охрану заложников и наблюдение за местностью. Как только менты нас обложат, выждем пару часов, потом взорвем заложников гранатами и уйдем. А газетчики пусть опять обвиняют во всем беспечных и неумелых спецназовцев. Задача тебе ясна? Тогда выполняй.

Ибрагим отправился к своим людям, а Полковник взял Машку за плечо и подтолкнул вперед. Теперь он был совершенно спокоен. Все шло по задуманному им плану. Теперь главным пунктом становилась она.

Полковник внимательно посмотрел Машке в глаза. Лишь бы в истерику не ударилась. Надо ее как-то успокоить, рассказать сказку со счастливым кон-

цом, в которой она исполняет главную роль. И так рассказать, чтобы поверила. Полковник повел ее к лестнице в подвал, где хранились предназначенные для ремонта школы материалы.

— Здесь ты будешь в безопасности, — сказал он, спускаясь впереди нее по ступенькам. — Не волнуйся, я твой друг. Я был другом твоего отца, и только я один могу тебя спасти.

— От кого? — кажется, это были первые слова, сказанные ею с момента похищения.

— Скорее, от чего, — поправил ее Полковник. — Ты находишься в смертельной опасности. За наследством Рабиновича идет охота, убиты твой отец, Санчес, Жидоморов, плюс десяток людей, которых ты не знаешь. И все из-за этих денег. Их слишком много, они тебя раздавят, если я не помогу. Только я могу спасти тебя, — повторил он для убедительности.

— И что вы предлагаете? Как спасти-то собираетесь, дыханием рот в рот? — не теряя самообладания, спросила девушка.

Они спустились в подвал и остановились под свисавшей с потолка тускло горевшей лампочкой. Машин тон задел Полковника, но он скрыл раздражение и произнес как можно спокойнее:

— Существует старое, как мир, средство — фиктивный брак. — Он постарался придать своему голосу максимум дружелюбия и искренности. — Мы с тобой женимся, потом разводимся. В брачном договоре предусмотрим пункт, согласно которому ты после развода ежегодно будешь получать один миллион долларов. И никаких забот, живи спокойно где угодно, хоть на Багамах.

— А как же вы с такими деньгами, вас не придавит? — все тем же ерническим тоном продолжала Маша. — А, понятно, принимаете огонь на себя! Как благородно с вашей стороны.

Полковник постарался придать взгляду самое честное выражение, на которое был способен, и сказал торжественным тоном, как будто приносил присягу:

— Из всех этих миллиардов я не возьму ни гроша. За мной стоит серьезная организация, и эти деньги пойдут на ее нужды, — он внимательно смотрел Маше в лицо, пытаясь прочитать ее мысли: ну, как, поверила?

К его неудовольствию, девушка снова недоверчиво улыбнулась и с невыразимым ехидством спросила:

— Это что, официальное предложение? Мы теперь жених и невеста? А где кольцо с бриллиантом? Вы ведь к состоятельной девушке клеитесь?

Полковник дернулся, как от удара. Кажется, с невестой будут проблемы. Ну да ладно, Ибрагим и не таких обламывал. Он мастер девок дрессировать и зомбировать. Никуда она не денется, влюбится и женится. То есть, выйдет за него замуж. Куда ей деваться? На иглу сядет — уже не соскочит. А там видно будет.

Он наклонился к девушке и, несмотря на сопротивление, поцеловал ее в щеку.

— Это задаток, родная, — объяснил он, — продолжение следует. Извини, у меня дела. Мне еще шестерых идиотов надо вдохновить на подвиг. А ты посиди здесь, подумай о жизни и смерти... — Он повернулся и пошел к лестнице...

Когда дверь захлопнулась, и в замке заскрежетал ключ, Маша забралась с ногами на стоявший у стены ящик, обхватила руками колени, спрятала в них

лицо и заплакала...

Никакого движения вокруг школы не отмечалось, и Полковник собрал свое немногочисленное воинство для краткого, но интенсивного промывания мозгов.

— Некоторые из вас думают, что мы самоубийцы, — сказал он, — но это не так. Мы захватили эту школу не для того, чтобы погибнуть. Этим мы совершаем отвлекающий маневр. Наша задача состоит в том, чтобы продержаться тут как можно дольше, отвлечь на себя и связать силы врага. Сейчас, в это самое время, наши братья готовятся совершить террористический акт в центре Москвы. Я гарантирую, что все вы выйдете отсюда живыми. Вы меня знаете, я выбирался и не из таких переделок.

Полковник врал так самозабвенно, что и сам верил в свое вранье. Естественно, он не стал уточнять, что из всех опасных переделок он выбирался один, оставляя соратников на верную гибель. Бандиты радостно загалдели. Полковник обратился к заложникам.

— А ваша жизнь целиком будет зависеть от вашего поведения и действий властей. Мы не хотим никого убивать. Не поддавайтесь панике. Ведите себя спокойно и выполняйте все наши требования. В этом случае обещаю, что с вами ничего не случится.

Из-за дверей снова послышались громкие голоса. Полковник бросился на шум. Двое бандитов с трудом сдерживали возбужденного немолодого кавказца. Тот что-то яростно им доказывал на каком-то непонятном наречии.

— Чего он хочет? — недовольно спросил Полковник.

— Требуется отпустить всех и уматывать, — перевел один из бандитов.

— Даже так? — удивился Полковник. — А кто он такой?

— Это Алик Мамедыч, директор колхоза. Здешний хозяин.

— Хозяин? Уже нет. Теперь тут хозяин я.

И Полковник, не целясь, выстрелил директору совхоза в голову. Алик Мамедыч рухнул как подкошенный, заливая кровью половицы коридора.

Услышав поблизости выстрел, и без того перепуганные дети зашумели. Пожилая учительница и молодая библиотекаря сами были близки к отчаянию. Бабушка Фира решила, что пора брать инициативу в свои руки.

— Тихо! — крикнула она.

Все и в самом деле притихли.

— Не волнуйтесь и не кричите! — потребовала бабушка Фира. — Это обычные антитеррористические учения!

Ибрагиму такое выступление понравилось. Он резко и сильно толкнул ближайшего к нему старшеклассника, который забился в истерическом крике.

— Кончай орать! Слышал, что бабка сказала? Это учения! Поэтому сиди и учись! Если не заткнешься, я тебя наизнанку выверну!

Бабушка Фира внимательно следила за действиями бандитов. Она обратила внимание на то, что помещение они минировали наспех и словно напоказ. Оказавшись будто бы случайно возле одной из мин, она заметила, что толовая шашка сильно напоминает кусок мыла. То есть она знала, что тол по виду напоминает мыло, но не настолько же! Ведь вояки не станут украшать шашку надписью «Мыло хозяйственное»?

Но вот несколько гранат на поясах бандитов определенно были настоящи-

ми. Как и автоматы с пистолетами. Школьники сидели, притихшие. В отличие от них пожилая учительница все время всхлипывала и порывалась вско-чить.

— Ну, как же так? Мне до пенсии всего полгода осталось! — рвалась она объяснить неизвестно кому.

— Не суетитесь, — посоветовала ей бабушка Фира. — Иначе добьетесь того, что пенсии не увидите никогда.

— Почему это? — удивилась учительница.

— Не доживете.

Казалось, такой вариант развития событий учительнице в голову не приходил. Она испуганно замолкла. С улицы послышался звук подъехавших машин.

— Э, Полковник, менты приехали! — голос дозорного был скорее испуганным, чем радостным.

Полковник вышел в коридор и чуть не споткнулся о тело Алика Мамедыча.

— Выбросьте эту пададь во двор! — распорядился он.

Ближайший из бандитов ухватил мертвого за руку и потащил на улицу. Вернувшись, спросил, указывая на тела участкового и завхоза-охранника:

— А с этими что делать?

— Охранника туда же, а мента в подвал. Он нам еще пригодится.

— Но там же девчонка сидит.

— Ничего, посидит пару часов с покойником, стоворчивее будет. Возьми ключ.

Бандит потащил на улицу тело охранника, а Полковник направился в директорский кабинет. Вид из его окон позволял контролировать обстановку во дворе.

Бандит с ворчанием торопливо оттащил второго покойника подальше от входа, чтобы его не заметили прибывшие милиционеры. Неожиданно прямо у себя за спиной он услышал шаги. Испуганно обернувшись, он увидел Алана. Его кавказская внешность не внушала бандиту подозрений. К тому же они, как будто, встречались у Анвара.

Почувствовав его неуверенность, Алан поспешил взять инициативу в свои руки.

— Я от Анвара. Он обещал, как только транспорт отправит, еще людей при-слать. Человек десять.

— О! Это нормально! — обрадовался бандит. — Слушай, памаги адын мешок подвал затащить. Толстый, сволочь, тяжелый больно. —

«Адын мешок» оказался убитым Петровичем. Алан сразу отметил одно важное обстоятельство. Два тела в гражданской одежде, окровавленные, были брошены во дворе. Третье, в милицейской форме, решили спрятать в подвале. Алан сразу узнал почерк Полковника. Тот снова готовил себе путь к отступле-нию.

Вдвоем они подхватили тело Петровича за руки — за ноги и потащили вниз по узкой лестнице. Внизу бандит долго копался ключом в замке. Нако-нец справился. Дверь открылась. Изнутри подвала послышался шум.

— Там кто-то есть? — удивился Алан.

— Девка там, невеста Полковника, — усмехнулся бандит. — Давно бы ее трахнули, но Полковник не разрешает. Прямо бешеный делается, если кто к

ней близко подходит...

Это были его последние слова. Сокрушительным ударом Алан проломил бандиту височную кость, подхватил безвольно тело и потащил через подвал к трупу Петровича. Под низким потолком горела тусклая лампочка. В ее свете Алан увидел сидевшую на ящике девушку, она подняла на него заплаканные глаза. Теперь он понял, кого бандит назвал невестой Полковника.

— Помнишь меня? — спросил он ее. — Я тебе помог сбежать с рынка Мусы.

Маша слезла с ящика и показала рукой на черный пояс-фартук, стянутый у нее на талии.

— Я заминирована, — сказала она ровным голосом.

Алан и сам догадался об этом. Он окинул взглядом подвал. Его внимание привлек деревянный короб с крышкой, на котором минуту назад сидела девушка.

— Не волнуйся, — сказал он, открывая ящик, — сейчас что-нибудь придумаем...

Через несколько минут дверь в подвал со скрипом открылась.

— Вставай, — сказал Алан и протянул сидевшей на полу Машке руку, рывком помогая ей подняться. — Уходим, быстро.

— Чуть позже! — раздался за его спиной голос Полковника. — Какая встреча! А я смотрю — лицо знакомое. Значит, от Сослана меня пасешь? Жалко, поговорить не успели по душам.

Полковник выстрелил — Алан упал на цементный пол. Полковник шагнул к нему, чтобы сделать контрольный выстрел в голову, но тут сверху послышалась беспорядочная стрельба.

Полковник выругался и наклонился над телом убитого Петровича, стаскивая с него бронежилет и камуфляж. Напялив на себя униформу и прикрывшись сверху бронежилетом, он схватил Машку за руку и рванул с такой силой, что чуть не оторвал ей руку.

— Быстро за мной! — скомандовал он. — Больше нам здесь делать нечего.

Бандиты ошибались. Люди, которых они приняли за милиционеров, на самом деле были бойцами армейского спецназа. Дядя Федор заскочил в одну воинскую часть, командир которой был его старым другом и единомышленником, и «позаимствовал» у него два взвода разведчиков.

— Смотри, с отдачей берешь! — напомнил друг-полковник.

— Ты меня знаешь. Ни тебя, ни ребят не обижу, — заверил друга дядя Федор.

В условленном месте грузовики с разведчиками соединились в колонну с уже знакомым Крюкову автобусом и еще несколькими машинами. Опер пристроился в хвост. Так, не спеша, но и не задерживаясь, колонна прикатила в поселок «Дружба».

При въезде в поселок чуть ли не под колеса идущего впереди джипа, в котором ехали Вадим и дядя Федор, бросился всклокоченный мужичонка. Колонна остановилась. При допросе выяснилось, что зовут мужичонку Семеном. Дядей Семеном.

— А меня дядей Федором, — сказал генерал Орлов.

— А меня — Крюк. Опер Крюк, — уточнил со значением Крюков.

— А меня... Дима, — сказал Хорст.

Торопливо глотая окончания слов, дядя Семен принялся рассказывать об увиденном в особняке Анвара и тыкать приехавшим в лицо запиской Петровича.

Генерал задумался буквально на пару секунд.

— Сначала двинем в школу. Посмотрим, что там творится, а потом и Анвара навестим...

Машины разгрузились в переулке возле школы. Генерал Орлов дал команду построиться. Два неполных взвода разведчиков, плюс добровольцы вроде Крюкова и компании. Всего набралось человек сорок — пятьдесят. Генерал дал команду оцепить школу и готовиться к штурму.

— Я тут все дыры знаю, могу подвалами провести, — предложил дядя Сема. Крюков с надеждой посмотрел на генерала. Ему не терпелось в бой.

— Я смогу с ним на разведку сходить по-тихому.

— И я, — поддержал его Хорст.

Генерал озадаченно наморщил лоб, но добровольцы смотрели на него такими умоляющими глазами, что он согласился.

— Ладно, давайте. Только в перестрелку не вступать, туда и обратно. Нам нужно точно знать их численный состав и расположение постов. Ну и, конечно, хотелось бы захомутать у них самого главного. У него не голова, а база данных. И вот что, действуйте без меня. Я вызову вертушку и слетаю в Москву за подмогой — дело слишком серьезное, в компетенции президента и правительства, а мы здесь отсебятиной занимаемся. Вадим, остаешься вместо меня. Звони каждые полчаса. — Он отошел в сторону и достал свой навороченный мобильник.

— Держите, — Вадим протянул сыщику и Хорсту два «Макарова», снабженные глушителями. — Исключительно для самозащиты. Если что, мы вас выручим.

Дядя Сема отвел разведчиков в будку, похожую на трансформаторную. Из школы ее не было видно, но расстояние, разделявшее постройки, было невелико. Дядя Сема начал спускаться по скобам в неширокий колодец. Сыщик последовал за ним. Группу замыкал Хорст.

По школьному коридору прохаживался вооруженный автоматом бандит. Он внимательно поглядывал через окна школы на пустырь, раскинувшийся позади здания. Наблюдатель не сразу заметил у себя за спиной две странные фигуры. Одна была облачена в плащ и маску Карабаса-Барабаса, другая — в клоунский балахон и маску Арлекина. Бандиту это не понравилось.

— Ты тупой совсем? — спросил он у Карабаса. — Хватит херней заниматься. Полковник тебя убьет.

— Но сначала я убью тебя, — возразил Карабас голосом опера Крюкова, и перед носом бандита замаячило черное дуло глушителя.

Арлекин обошел бандита сзади и рубанул по башке рукояткой своего пистолета. Когда бандит очнулся, то почувствовал, что руки связаны за спиной ремнем от автомата. Перед носом снова замаячила дыра глушителя и идиотская морда Карабаса.

— Крикнешь — умрешь, — заверил пленного сказочный злодей. — Ну, как, хочешь быть героем? Нет? Тогда говори тихо, но отчетливо — сколько вас тут,

и где заложники?

— Заложники в актовом зале, — сообщил бандит. — С ними трое, всего нас семеро и девка Полковника. Только не надейся, там с заложниками Ибрагим. Если что, у него гранаты. Он всех поубивает...

Хорст вырубил бандита ударом по голове — береженого бог бережет...

Казалось, бабушка Фира и в плену у террористов чувствовала себя как дома. Тем не менее, юная библиотекаряша, утешая детей и пожилую учительницу, решила подбодрить и старушку.

— Не бойтесь, нас обязательно освободят, — улыбнулась она бабушке Фире. Та посмотрела на нее, как на ненормальную.

— Детка, золото, я же именно этого и боюсь. Я просто до ужаса боюсь, что нас возьмутся освободить федералы. Это гораздо страшнее, чем террористы. Пусть уж лучше все остается как есть, авось само рассосется.

Библиотекаряша показал на висевшие под потолком, опутанные проводами связки самодельных мин.

— Но ведь бомбы могут взорваться!

— Это не бомбы, — успокоила ее многоопытная старушка. — Это мыло, я отщипнула кусочек, когда эти дурни отвернулись. — Она показала пальцем на Ибрагима и двух его подручных.

Один из помощников торчал у входа, другой контролировал окна. Сам Ибрагим прохаживался по залу от сцены до выхода. Ему было скучно. Ожидание выводило его из себя. Он подошел к библиотекаряше и грубо дернул за руку.

— Пошли за занавеску! — приказал он. — Трахать буду. Перед смертью хоть кайф поймаешь. Потом спасибо скажешь. Все равно вам башка резать будем. Зачѐм ломаешься, как целка? Целка в могилу не унесешь!

— Мерзавец! — Библиотекаряша вдруг вырвала свою руку из лап Ибрагима, выхватила у него из-за пояса большой пистолет и с трудом нажала на тугий спусковой крючок.

Но выстрела не последовало. Ибрагим вырвал пистолет из ее руки и наотмашь ударил рукояткой по лицу. Девушка отлетела к стене.

— Ха, дура! — воскликнул Ибрагим. — Оружие — оно для мужчин предназначено! С ним надо уметь обращаться. Не хотела со мной по-хорошему, теперь пожалеешь.

Он сунул пистолет за ремень и уселся в кресло, положив ноги на стол. Пистолет уперся стволом ему в пах. Ибрагим вскочил, как ужаленный, выхватил пистолет и в сердцах бросил на стол. Лицо его сморщилось от боли.

— Эй, Муса! — крикнул он одному из помощников. — Ты первым будешь этой дуре целка ломать. Давай!

Бабушка Фира встала со своего места, подошла к Ибрагиму.

— Как вам не стыдно, молодой человек! — укоризненно сказала она, глядя ему в глаза.

— Ты что хочешь, старый старух? — раздраженно спросил Ибрагим. — Нэ надѐйся, тѐбя трахат нэ будѐм.

— Я только хотела спросить, сколько вам лет? — невозмутимо поинтересовалась бабушка Фира.

Ибрагим почему-то смутился.

— Ну, это... Мнэ тридцат скоро будет. Ты зачем спросил?

Но бабушка Фира не ответила, только головой покачала и с сожалением

произнесла.

— Да, уже поздно.

— Что поздно, слюшай?!

— Аборт поздно делать. Упустили вас, юноша.

— Вах, шайтан-старух! — подскочил на своем кресле Ибрагим и потянул из-за пояса огромный кавказский кинжал. — Тебе первой сейчас башка отрэжу! Совсем с ума сошел!

— Как вы смеете так разговаривать с пожилой женщиной?! — возмутилась библиотекарша. — Она не сумасшедшая!

Бабушка Фира тоже не согласилась с Ибрагимом.

— Нет, я вовсе не сумасшедшая. Конечно, я иногда утром не помню, куда накануне вечером положила свои очки, зато до мельчайших деталей помню все, чему научилась в молодости.

— А чем ты занималась в молодости? — с любопытством спросил Муса.

Вместо ответа бабушка Фира схватила пистолет, опрометчиво оставленный Ибрагимом на столе, лихо передернула затвор, одновременно спуская флажок предохранителя, и трижды выстрелила по часовой стрелке, как ковбой в голливудском боевике.

Ибрагим и двое его помощников медленно осели на пол там, где их застала смерть. Они едва успели изумиться, на большее у них не хватило времени. Во лбу у каждого зияло по аккуратному отверстию от пули.

Библиотекарша так и застыла с открытым ртом. По истечении бесконечно долгой паузы она, слегка заикаясь, сумела, наконец, выдать из себя:

— П-п-простите, так чем вы за-занимались в молодости?

— Я была ликвидатором в еврейском партизанском отряде братьев Остропольских, — ответила бабушка Фира, дунула в дымящийся ствол пистолета и подмигнула библиотекарше.

— Как интересно! — охнула та. — А вы не могли бы выступить перед школьниками на вечере, посвященном Дню Победы?

— Если доживу, почему бы и нет? Я люблю общаться с молодежью.

Молодежь с затаенным восхищением смотрела на старуху, которая на их глазах тремя выстрелами быстрее, чем за три секунды, уложила троих вооруженных бандитов.

В это время на пороге актового зала появились две нелепые фигуры. Одна в плаще Карабаса-Барабаса, другая в клоунском балахоне Арлекина. Впрочем, костюм мог принадлежать и Пьеро. Маски они успели снять, это, в сущности, и спасло их от метких выстрелов, а бабушку Фиру избавило от необходимости вновь демонстрировать свое искусство стрельбы в контур. Крюков мгновенно сориентировался в ситуации.

— Бабуля, давно вы собираете штанцмарки? — спросил он старушку с пистолетом, указывая на красные дыры во лбах террористов.

Бабушка Фира скромно улыбнулась, и ответила что-то в том смысле, что мастерство не пропьешь, особенно, если не брать в рот спиртного...

— А это вам не мешает заниматься пулевой стрельбой? — опер указал на свисающие с потолка гроздья похожих на свертки упаковок с взрывчаткой.

Бабушка Фира беспечно махнула на них стволом.

— Нет, это же мыло, а я пользуюсь «Досей». Зачем платить дорого, если можно сэкономить... Короче, надо срочно выводить детей в безопасное место.

В проеме двери появился дядя Сема. Он долго не мог сообразить, каким образом трое бандитов прекратили свое брэнное существование, так что бабе Фире пришлось снова повторить свою команду. Дядя Сеня вострепенулся, как молодой конь:

— Там, за сценой дверка имеется, — сказал он, рысью пересек весь весь зал и скрылся за занавесом. Через минуту оттуда послышался его сдавленный голос: — По одному ко мне.

Операцию по спасению заложников возглавила бабушка Фира, к которой вернулась ее партизанская бдительность. Она выглянула за маленькую дверь — ничего подозрительного. После удачной разведки она разрешила библиотекарше по одному выпускать юных заложников на улицу. Крюков и Хорст страховали входы и выходы из помещения. Когда все дети, а также пожилая учительница и молоденькая библиотекарша были эвакуированы, Крюков подвел итоги отстрела бандитов:

— Вы, бабушка, грохнули троих террористов, — сказал он старой партизанке, — значит, Полковник с парой людей еще где-то тут бродит. Маша у него. Будем искать... — он кивком показал Хорсту на выход, но воспользоваться им они не успели.

Осколки окон актового зала со звоном посыпались на пол. Под треск выбиваемых рам в помещение вломились бойцы в камуфляже. Впереди шел Вадим. В бронежилете, титановом сферическом шлеме, с автоматом «Абакан» в руках и гранатометом за спиной он воплощал собой машину для уничтожения живой силы противника. Терминатор из будущего, по-другому и не скажешь. Только делать ему и его людям было здесь нечего. Бабушка Фира уже навела порядок, а помогли ей два сомнительных типа в нелепых карнавальных костюмах.

Крюков с трудом убедил старушку выйти на улицу и удалиться на безопасное расстояние. Остальных заложников погрузили в автобус и отправили в ближайшую больницу для медицинского осмотра.

Из школы донеслись несколько выстрелов: последние террористы присоединились к своим соратникам в райских кушах. Возвратившийся Вадим подвел скорбный итог. Шесть мертвых боевиков, трое «двухсотых» гражданских. Поиски продолжаются. Ни Машки, ни Полковника так и не нашли.

Крюков и Хорст тщательно обследовали подвал.

— Там несколько трупов, — доложил Крюков по возвращении Вадиму. — И этот, Алан, без сознания. Что теперь будем делать?

— А теперь пора наведаться в особняк к вашему Анвару, — ответил тот.

Личный состав стал грузиться в машины. И тут Крюкова ждал неприятный сюрприз. Он не смог найти свою «рябуху».

— Это Полковник угнал, больше некому, — предположил Хорст.

Крюков тяжело вздохнул. Это похищение подтверждало его худшие предположения. О его методе запуска двигателя с помощью отвертки знали только свои. Выходило, что Полковник и в самом деле был человеком из его ближайшего окружения.

Дыня любил рулить. Но сейчас он не получал от этого занятия никакого удовольствия. Началось с того, что Шварц выдернул его прямо с тренировки и велел срочно собраться и взять права. Их Дыня недавно получил с подачи того

же Шварца.

Дыню самого несказанно удивляла его головокружительная карьера. Из обычного дворового баклана с большими пудовыми кулаками и маленькой, обритой просто для понта, бестолковкой он вдруг стал правой рукой одного из руководителей фашистского движения. Ну, народу перемочил без числа. А как же иначе? Политики без крови не бывает, так по телевизору говорят.

Шварц привез Дыню к своему корешу Анвару, посадил за накрытый стол и велел сидеть и ждать. Дыня ждал, ел и смотрел по ящику какой-то тупой сериал. Закладывать за воротник Шварц категорически ему запретил. Сказал, что придется крутить баранку. Дыня воспринял запрет, как должное. Дисциплина есть дисциплина. Он же теперь не баклан, а идейный борец.

Ждать пришлось долго. Дыня уже еле дух переводил — так много сожрал. Во дворе шумели и суетились. Орала на непонятном языке, матерились по-русски. Подъезжали какие-то машины. Наконец за ним пришел какой-то тип, похожий на огромную носатую обезьяну.

— Иды за мной, — велел он.

Дыня с трудом поднялся и, тяжело отдуваясь, пошел за носатым. Тот привел его к Анвару.

— А где Шварц? — спросил Дыня.

— Уехал, — лаконично ответил Анвар. — Велел тебе меня слушаться. Тэпер я твой начальник.

«Ты для меня говно, а не начальник» — подумал Дыня, но вслух ничего не сказал. Дисциплина есть дисциплина. Раз Шварц велел, значит, так надо.

— Во дворе машина стоит, — продолжал Анвар. — Сядешь за руль, поедешь, куда скажут. Милиций остановит, убегай. Попадешься — про меня ничего не гавары. Скажи — угнал покататься. Так меньше дадут.

У Дыни глаза на лоб полезли.

— Кому дадут? За что?

— Ты наркотик павэзешь. Много, целый машина. Ты русский, башка лысый, тебя милиций сильно правэрать нэ будет. Привезешь, куда скажу, много бабки получишь.

«Или железякой по голове, как Игнат»? — снова подумал Дыня, но опять промолчал.

Анвар пристально посмотрел Дыне в глаза. Не то гипнотизировал, не то разглядеть что-то пытался. А что там разглядишь, когда у Дыни от обжорства веки так и норовят закрыться? Сейчас бы вздремнуть немного, минут этак сто двадцать!..

Во дворе его ждал грузовичок «бычок» с надписью на тенте «Пейте сок «Щедрый♦». Анвар дал последние указания:

— Выедешь на трассу, тебя догонят ребята на черном бумере. Остановишься, получишь дальнейшие указания куда ехать.

Дыня сел в кабину, запустил двигатель и тронулся с места. Ворота особняка распахнулись, выпустили его и закрылись снова. «Бычок» запрыгал по ухабам лесной дороги. То, что Дыня заблудился, он понял уже на шестой минуте поездки. Но для того, чтобы окончательно убедиться в этом, понадобилось гораздо больше времени.

Он покрутился по лесу с полчаса, пока, наконец, сумел вырулить на асфальтовую дорогу. Оставалось выбрать, в какую сторону дальше ехать. Дыня уже

собрался подбрасывать монетку, но тут судьба распорядилась за него.

К своему изумлению он увидел, как на дорогу справа от него вышел его злейший враг — Хорст. И что самое интересное — он стоял рядом с черным бумером. Дыня глазам своим не верил. Но тут же отбросил сомнения, усмехнулся, вдавил в пол педаль газа и вывернул баранку, поворачивая направо...

Особняк Анвара обложили по науке. На сей раз Вадим избрал прием психического давления. Грузовики с его бойцами разгрузились в прямой видимости особняка. Вадим взял в руки громкоговоритель.

— Эй, Анвар, сдавайся, ты окружен! С твоим Полковником в школе уже разобрались! У тебя нет шансов!

Из особняка в ответ не донеслось ни звука. Вадим собрал своих офицеров на военный совет, к ним присоединились Крюк и Дмитрий.

— Ну, братцы, и что мы с вами имеем? Власти уже в курсе, им кто-то сообщил о теракте и его завершении.

— Наверное, сам Полковник и позвонил, — предположил Крюков. — Ему бардак на руку. А в верхних эшелонах власти сейчас паника — будь здоров. Они там наверняка против террористов большие силы собирают под руководством генерала Орлова. Только бы атомную бомбу на нас сбросить не догадались. Что еще?

— Минут десять назад из ворот выехал «бычок» под тентом, — доложил один из офицеров. — Скрылся в лесу. Подозреваю, что Анвар наркотики эвакуирует. Разрешите действовать?

Вадим отрицательно покрутил головой.

— Нет, ты мне здесь будешь нужен. На перехват пойдет Хорст. Говоришь, десять минут как уехали? Ну, ничего, может, они в лесу застряли. Давай, Дмитрий, бери троих бойцов и перекрой выезд на шоссе.

— Может, «рябуху» мою где найдешь, — размечтался Крюков.

Хорст погрузился в черный бумер, оставшийся после гибели Ибрагима бесхозным, и погнал его в сторону шоссе.

Крюков подошел к Вадиму.

— Ну что, разрешишь мне снова на разведку? Мы с дядей Семой готовы. У него там дочка.

Вадим не успел ответить: калитка рядом с воротами особняка приоткрылась, и из нее выскочила девушка.

— Быстро, прикройте ее! — приказал Вадим бойцам.

Трое разведчиков тут же взяли на мушку окна особняка. Двое других бросились навстречу беглянке, но Крюков рванул наперерез и в броске повалил обоих на землю. В тот же момент прогремел взрыв.

— На ней шахидский пояс был! — крикнул сыщик сбитым с толку бойцам.

Им повезло, они упали за бетонный блок. Подарок строителей закрыл их от града осколков.

В этот момент калитка снова приоткрылась, и на улицу выбежала вторая жертва Анвара. Вадим поступил негуманно, но единственно возможным способом.

Точным выстрелом он ранил ее в ногу, и она упала, не успев отойти и на два шага от ворот. Вероятно, Анвар нажимал на кнопку радиовзрывателя, не глядя. Этот взрыв чуть не разметал его собственный забор. В окне второго эта-

жа показалось и исчезло его довольное лицо. Для связи с осаждающими он воспользовался системой караоке.

— Эй вы! — загредел его усиленный колонками голос. — Убирайтесь! Получили сюрприз? У меня таких много! Если не уйдете, я их всех сразу выпущу! Считаю до десяти! Раз!.. — Анвар вдруг осекся, словно его отвлекли от беседы более важные дела.

Так оно и было. Не успел Анвар продиктовать осаждающим свой ультиматум, как к нему подбежал побледневший, с выпученными от ужаса глазами, дежурный по питомнику.

— Хозяин, беда!

Анвар в гневе отшвырнул микрофон и повернулся к нему.

— Что еще?!

— Вот!.. — дежурный указал пальцем на лестницу, по которой прямо на Анвара снизу бежала одна из его кукол — Оксанка!

Вид ее мог обратить в бегство роту спецназовцев. Оскаленные зубы, налитые кровью глаза. Но страшнее всего было то, что на ней был пояс шахидки, а оголенные провода взрывателя она держала в руках. Оказавшиеся поблизости бандиты пугливо жались к стенам и разбежались, как только растрепанная фурия миновала их.

— Э, что случилось, зачем бежишь, э? — изрядно перетрусив, забормотал Анвар.

— Я в прошлый раз на выходе была, а мне половинную дозу! — рычала Оксанка в бешенстве. — Мне полная доза полагается! Одну сучку привели — за мой счет ширяют, другую, третью! Я работаю, меня ломает, а мои дозы на сторону сливают! Давай дозу или взорву всех!

Анвар беспомощно уставился на дежурного.

— Где у вас наркота хранится?

Но тот только руками развел.

— Я не знаю... Ибрагим все запирает!

— А своего товара у тебя нет? Давай, ишак, не жмись! На том свете он тебе не понадобится.

Дежурный призадумался. Видимо, раньше такая мысль ему в голову не приходила. Но Оксанка ждать не желала. Ее ломало.

— Считаю до трех! Раз... Два... Три...

Вообще-то она не собиралась замыкать проводки, хотела только поугадать, но координация движений у нее была нарушена, а руки тряслись. Между контактами проскочила искра. Вспышка взрыва отразилась в темно-карих глазах Анвара...

Крюков видел, как в глубине комнаты на втором этаже особняка вдруг вспух огненный шар, он легко выдавил окна наружу, следом донесся грохот взрыва. На землю с шумом посыпались осколки стекла и куски бетона.

— Чего это они? — не понял дядя Сема.

— Фиг их знает, — отозвался сыщик. — Спички чехам не игрушка. Веди нас, Сусанин, своими партизанскими тропами. Надо твою дочку искать...

Дыня придавил к полу педаль газа. Он желал одного — покончить с Хорстом раз и навсегда, размазать его по асфальту, потом вернуться и справиться

нужду на его раздавленные останки.

Хорст стоял и даже не пытался убежать. «Бычок» летел на него, как разъяренный слон. Сквозь лобовое стекло было видно искаженное гримасой ненависти лицо Дыни. Он заранее праздновал победу. Неожиданно Хорст вскинул правую руку: выстрелы из «Макарова» с глушителем были, как и полагается, бесшумны и незаметны. Точно напротив водителя на стекле появились три пулевых отверстия. Дыня выпустил руль и завалился набок. Машину повело влево, передний бампер «бычка» просвистел в полуметре от головы Хорста. Он едва успел рыбкой нырнуть в кювет. Машина ткнулась в отбойник и заглохла.

Дверь кабины распахнулась. Из нее вывалился на землю Дыня, весь залитый кровью, словно оживший в ходе резекции труп. Сначала он встал на четвереньки, потом с трудом выпрямился, опершись спиной о машину. Откуда-то в его руке появился пистолет, но все его движения были замедлены, как будто он находился на глубине десяти метров под водой.

Хорст перевернулся на спину и, держа «Макаров» двумя руками, выстрелил ему в лоб из положения лежа...

От бумера к ним бежали спецназовцы с автоматами наперевес, но в их помощи уже не нуждались ни оставшийся в живых Хорст, ни мертвый Дыня.

Дмитрий жестом показал им, что можно вернуться к машине и ехать дальше, а сам забрался в открытую кабину «бычка» и попытался его завести. Не сразу, но это ему удалось. Задним ходом Хорст выбрался на шоссе и покатил вслед за ушедшим вперед черным бумером. Он почти добрался до поселка, когда в зеркале заднего вида увидел догоняющую его «Волгу» салатового цвета. «Волга» пошла на обгон, и Хорст опознал в ней угнанную Полковником от школы «рябуху» Крюкова.

«Рябуха» взяла правее и притерла «бычок» к обочине. Обе машины остановились. Водительская дверь «рябухи» открылась, из нее выскочил... Шварц. Он бросился к грузовичку, изрыгая проклятья.

— Где тебя носит? И в какую сторону ты ехал? Заблудился, что ли? Или забыл, о чем мы договорились? — он рванул на себя водительскую дверь машины и только тут заметил, что за рулем сидит не Дыня.

В следующую секунду он узнал Хорста и не то удивился, не то испугался.

— Ты?

— Я... Не ждал?

— Черт его знает... То есть, конечно, не тебя ожидал увидеть... — очень серьезно сказал Шварц. — Но и не очень удивлен. От тебя можно ждать чего угодно, ты же у нас безбашенный. Жаль, что мы так и не стали друзьями.

— Ну, может быть, еще станем? — спросил Хорст, прикидывая, успеет ли он выхватить своего «макара» раньше, чем это сделает его бывший наставник. — У нас ведь, как говорится, все впереди.

— Вот хрен ты угадал. Я с покойниками не общаюсь, а впереди у тебя только одно мероприятие — твои же похороны. И держи руки так, чтобы я видел! — с пистолетом в руке Шварц выглядел более чем убедительно. — Ты меня давно достал, — признался он. — Прощай, мудила... — теперь он держал пистолет на уровне переносицы Хорста.

— Зачем же обзывать, Миша? Офицер должен быть образцом культуры.

Хотя, по правде говоря, офицер из тебя, как из дерьма пуля. Так что ты бы бросил пистолетик-то, Волгин.

За спиной Шварца-Волгина стоял Крюков и, в свою очередь, целился в него из «Макарова» с глушителем.

— А если я в него выстрелю? — с напряжением в голосе спросил Волгин.

— Стреляй, — Крюков сдержанно засмеялся. — Этот пацан меня тоже достал.

Волгин-Шварц чертыхнулся и бросил пистолет на землю. Потом медленно поднял руки.

— Твоя взяла, мусор. Теперь тебе за меня обязательно медаль дадут. А, может, и две.

— Повернись, — велел Крюков. — С чего ты решил, что я тебя буду в плен брать? Мне твоя голова нужна. Камина у меня на даче нет, прибью над печкой, украшу рогами. Зимними вечерами любоваться буду на свой трофей.

Крюков врал чрезвычайно убедительно. Печки у него никогда не было, как, впрочем, и дачи. Но Волгин ему поверил, потому что хорошо изучил Крюкова и его передовые методы работы.

— Да за что меня убивать, а, Крюк? Что я тебе сделал? — голос Волгина дрогнул, в нем послышалась нотка паники: — Ну, поиграл с пацанами в фашистов. И что? Кому плохо стало?

— А людей убитых не считаешь? Тех, кого сам убил, и тех, на кого Дынню, дебила своего, натравил?

Волгин, несмотря на серьезность ситуации, громко расхохотался.

— Нашел кого жалеть — это ведь жида, чурки, фашисты! Кто они тебе?

— Люди, — напомнил ему опер. — И у каждого есть мама... А Витю Мокеева забыл? Он был моим другом.

— Да? Другом?! Что ты понимаешь?! Мокеев был со мной в деле. И заявка от нашей комиссии на него была, а ты влез. Не убивал я его!

«Рябуха» закачалась на рессорах, как будто из нее кто-то пытался выбраться наружу, и не мог. Хорст подошел к ней и дернул заднюю дверцу. Из салона вывалилась Машка, за ней Крамской. Они были скованы одними наручниками. На Машке был поверх штормовки надет черный пояс-фартук. Выглядела она неважно: лицо осунувшееся, под глазами темные круги, но взгляд все тот же — смелый и задорный.

Хорст вынул ключи из замка зажигания. На брелоке, сделанном из кольца гранаты, нашелся и ключ от наручников. Через секунду пленники уже растирали затекшие руки. И тут до Крюкова дошло — сработало шестое чувство, — что он лажанулся. С чего он взял, что у Волгина не может быть другого оружия, кроме того, которое он бросил?

Воспользовавшись тем, что внимание сыщика было отвлечено, Волгин сделал неуловимое движение рукой. Крюков в последний момент заметил компактный пистолет, выскользнувший из рукава и направленный в его сторону. Грянул выстрел. Все, что успел сделать опер, это уйти кувырком с линии выстрела. Упал он не совсем удачно — не рассчитал. Его собственный пистолет ткнулся в землю глушителем и выскользнул из пальцев.

Крамской метнулся на землю, подхватил выпавший у Крюкова ствол и выстрелил в Волгина, практически не целясь. Но и тот успел спустить курок второй раз. Пуля Крамского вошла ему в глаз, и он кулем рухнул в траву. Его же

пуля ударила в бронежилет Крамского, заставила пошатнуться, но тот остался на ногах.

— Ты ранен? — забеспокоился Крюков.

— Нет, я в танке, — начальник «Отдела расизма» похлопал себя по голубенькому форменному бронежилету.

— Спасибо тебе, — тепло поблагодарил его сыщик. — А вон и наши пилят, как всегда через пять минут после того, как в них исчезла необходимость.

— Это как водится, — улыбнулся Крамской. — Не горюй, меня Миша тоже как последнего лопуха взял. Кто же мог подумать, что он оборотнем окажется?

К ним подкатила машина с подкреплением. Из машины выскочили разведчики с Вадимом во главе.

— Как там Анвар? — спросил Крюков. — Надеюсь, не выжил?

— Нормально, — ответил Вадим. — Ключки собрали, опознали. Дядя Сема дочку нашел, живую, почти здоровую, и еще кучу девчонок освободили. А Полковника снова упустили. И дочку Гершензона не нашли.

— Здесь она, — сыщик кивком указал в сторону Машки. — И Полковник здесь.

— Зато друг твой жив оказался, только продырявлен маленько, — Вадим махнул рукой в сторону своего джипа.

Оттуда с кряхтением и стонами выбрался Алан с забинтованным плечом. Он слышал последние слова опера.

— Слушай, Крюк, будь другом, оставь Полковника мне. Я его одной рукой задушу!

Сыщик невесело усмехнулся.

— Ты немного опоздал. Его только что наглухо завалили.

— Как завалили? — изумился Алан. — Вот же он стоит! Да еще с пушкой.

Он, а вместе с ним и все остальные, посмотрели на Крамского. Тот понял, что попался, причем — глупее некуда. Он схватил левой рукой за шиворот Машку, а в другой зажал черный пульт взрывателя.

— Все взорвемся! — заорал он, подняв его над головой. — А ну, осади назад! — он перехватил руку и сгибом локтя сильно сжал Машину шею.

Лицо ее покраснело от удушья, но это никак не отразилось на ее упрямстве.

— Ты же меня невестой звал, суженый хренов, — сдавленным голосом сказала она. — Теперь женись хоть на хромой кобыле, а на меня не рассчитывай...

Полковник, он же Оборотень, он же начальник «Отдела расизма» Гена Крамской задом пятился к «рябухе». Машку он тащил за собой, ноги девушки волочились по земле. Крюков бросил взгляд на Хорста: на его лице читалась мрачная решимость. Все, что сыщик смог сделать, это опередить его. Бросившись к Маше, он обхватил ее руками, вырвал из захвата и откатился вместе с ней в сторону от машины. Крамской с быстротой молнии захлопнул дверь «рябухи». Теперь его можно было откупорить разве что выстрелом из противотанкового гранатомета типа «мухи». В тот же момент по бронированному корпусу и стеклам «рябухи» хлестнули выстрелы разведчиков.

Крюков поднялся на ноги и помог встать Маше. Сквозь стекло он видел лицо Крамского. Оно выражало противоречивые чувства — злобу и отчаяние сменила садистская улыбка. О чем он думал? Процался с многомиллиардным состоянием, которое так и не успел присвоить. Или мысленно цитировал дра-

матурга Островского: «Так не доставайся же ты никому»?

Хорст подошел к Маше и обнял ее за плечи, а она его за пояс. Оба застыли, как статуя влюбленных. Разведчики, не поворачиваясь спиной к «рябухе», стали медленно отступать назад.

Крамской опять злорадно усмехнулся, поднял руку с пультом, чтобы видели окружающие, и нажал кнопку подрыва. Дмитрий так стиснул Машу в объятьях, что та вскрикнула. Все, кроме них, бросились на землю.

У Крюкова перед глазами, как и полагается, за долю секунды промелькнула вся жизнь, будто альбом с фотографиями пролистал. Вот он в детском саду на горшке, вот ему дарят на Новый год игрушечную железную дорогу... Вот он вступает в пионеры... Первая прочитанная книжка, первый секс в подъезде, второй в песочнице... Вот ему бьют по морде в армейском сортире. Тут он блюет в метро на станции «Площадь Революции», а тут выступает на комсомольском слете передовиков производства... Он бы смотрел и дальше, но раздался взрыв.

Из-за того, что он произошел в замкнутом пространстве, последствия были ужасающими. В стекла изнутри ударили брызги крови и фрагменты разорванного в клочья человеческого тела. Зрелище почище любого ужастика. Крепкий пуленепробиваемый корпус и бронированные стекла выдержали, но выбитая взрывом искореженная дверь отлетела к ногам Маши и Хорста. Если бы он разжал объятия, девушка без сил опустилась бы на землю, да и его самого трясло от возбуждения. В воздухе запахло гарью.

Разведчики подтянулись к изуродованной «рябухе». Все молчали, обсуждать произошедшее никому не хотелось. Но Крюков почувствовал необходимость что-то сказать, чтобы разрядить обстановку. Поэтому сыщик решил затронуть более нейтральную тему.

— Кажется, ты осталась без жениха, — подмигнул он Маше, имея в виду «подрывника».

— Ничего подобного, жених имеется, — заявил Дмитрий. — Мы вас, товарищ капитан, к себе на свадьбу приглашаем, правда, Маш, — спросил он радостно посмотревшую на него девушку. — Смотри, что у меня есть...

На его ладони лежало кольцо от гранаты. Он надел его на Машин тонкий, почти детский палец.

— Ничего, потом подгоним по размеру, — засмеялся Дмитрий, обнял Машу за талию и поцеловал в губы. — С сегодняшнего дня начинаю отращивать волосы, как ты на это смотришь?

— Знаешь, мне все равно, — счастливо улыбаясь, ответила та. — Разве это главное?

«Судя по всему, трудностей с взаимопониманием у этой пары не будет», — с легкой, светлой завистью подумал Крюков.

В нем вдруг зашевелился отцовский инстинкт, о существовании которого он не подозревал. Ему захотелось перекрестить и благословить молодых, но тут же это православное чувство столкнулось в его подсознании с атеистическими рефлексамы бывшего узника пионерских лагерей. Две волны столкнулись и погасили друг друга. Крюкова снедали тоска и грусть.

— Ладно, ребята, принимайте поздравления, за мной подарок, — сказал он печально, — я вам нутрию живую организую. Представляете, вы домой приходите, а она навстречу и хвостом виляет... Эх, да что там... — он махнул рукой,

повернулся и пошел к машине...

В Москву они возвращались на «Волге» Мусы. За рулем сидел Крюков, рядом Хорст. На заднем сиденье расположился забинтованный Алан, которого подпирали с двух сторон Машка и бабушка Фира. За окнами сгущались сумерки.

Алан, морщась от боли, рассказывал:

— Я давно знал, что Полковник имеет дурную привычку переодеваться в милицейскую форму и в ней уходить с места теракта. Поэтому я вынул пластиковую взрывчатку из шахидского пояса Машки и напихал ее за подкладку с внутренней стороны бронежилета Петровича. А Машкин пояс набил замазкой, ее там, в подвале целый ящик был. Ну вот, Полковник переделся в броник, как я и думал. А потом все просто — нажал кнопку на пульте и сам взорвался. Нам повезло, что он в твоей бронированной машине оказался. — Он озадаченно нахмурился и спросил сыщика: — Слушай, а как же ты теперь без своей тачки будешь?

— И не говори, — вздохнул Крюков, — придется «запор» покупать. — Он пристально взгляделся в темнеющую дорогу впереди. — Блин, это что за парад военной техники?

Навстречу им, сияя огнями, шла целая колонна бронетранспортеров. Сверху над ней в еще не потемневшем окончательно небе барражировала пара вертолетов. Позади бронетехники мчались микроавтобусы журналистов.

— Не иначе, всем народом на террористов поднялись, — высказал предположение Крюков.

Он посигналил фарами дальнего света и поставил свою машину чуть наискосок посреди трассы. Головной бронетранспортер затормозил, за ним остановилась вся колонна. Движение по трассе застопорилось.

Крюков вылез из машины, из бронетранспортера выбрался генерал Орлов в камуфляже. Они двинулись навстречу друг другу.

— Я уже в курсе всех событий, — сказал он в точке встречи, крепко пожимая руку Крюкову. — Ну вот, сыщик, дело и закрыто. Поздравляю...

Тележурналисты и фоторепортеры, как стая воронов, слетелись на поживу. Крюков буквально ослеп от ярких вспышек. Правда, основной интерес у представителей прессы вызвал генерал. Он приосанился и, глядя в камеры, хорошо поставленным голосом начал вещать что-то уместное в подставленные к лицу микрофоны. Вопросы сыпались один за другим.

Наконец один из журналистов обратил внимание на скромно стоявшего в сторонке Крюкова. Он махнул рукой оператору, чтобы тот направил камеру на капитана.

— Вы не из «Дружбы» едете? — спросил он без всякой надежды в голосе.

— Оттуда, — кивнул сыщик.

— Насколько нам известно, в поселке школа захвачена террористами? — оживился журналист.

Крюков нацепил на лицо самую простоватую из своих улыбок и сказал, глядя в объектив:

— Захват имел место, однако террористы уже ликвидированы. Была небольшая перестрелка, но давно закончилась. Никто из заложников не пострадал. Я так думаю, туда криминалистов надо посылать и сыщиков по убой-

ным делам. Боюсь, местные не справятся. Пользуясь случаем, обращаюсь к полковнику Шабанову из Москвы, — он сделал камере ручкой. — Женя, тебя ждет в «Дружбе» приятный сюрприз. Труп с больш-и-и-ми руками. Ты его давно искал. Так что в отпуск не торопись уходить, это дело не терпит суеты.

Сыщик вернулся в машину и продолжил путь домой. Он подумал, что неплохо было бы отправить Женьке Шабанову открытку, но так и не смог решить — с поздравлениями или с извинениями...

Эпилог

Настал день, когда опер Крюков снова переступил порог Управления спецслужбы. Казалось, в последний раз он видел родные стены целую вечность тому назад. За истекший период здесь ничего не изменилось. Так же мудро переглядывались с портретов на противоположных стенах писанные маслом президент и Дзержинский, так же висел под потолком табачный дым. Так же полулежал на стуле с блаженной улыбкой на лице Барчонок. Только за столом вместо Витьки Мокеева сидел молодой опер, пришедший недавно после окончания милицейской школы. Крюков даже не запомнил, как его зовут.

— Пасешь скотину? — спросил сыщик. — Кайфует, плесень?

Молодой опер кивнул и произнес с раздражением:

— Ему кайф, нам геморрой. Опять наширялся и аварию, гад, устроил. Три машины вдребезги. А самому хоть бы что.

— Жертвы есть? — спросил Крюков.

— А как же? Сидеть бы ему, только этого урода снова папаша отмажет.

Крюков подошел к Барчонку и от души похлопал его по щекам вместо дефибриляции. Тот, казалось, был выше мелких обид, и даже не заметил этого. Он продолжал парить в своих героиновых облаках.

«Дело закрыто», — сказал генерал Орлов.

Так, да не так. Непотопляемый Баринов, как всегда, вышел сухим из проруби. И он по-прежнему будет наживаться на смертях и слезах людей благодаря использованию должности. Потому что работа у него такая. Кто к нефтяной трубе присосался, кто к газовой, а Барин — к трубе властных полномочий. А по сути власть — те же деньги, это только вопрос конвертирования.

Вместо погибших — Анвара и Оборотня-Крамского — он найдет себе новых заплечных дел мастеров. Это ведь, так сказать, переменный состав. Тот самый «подтирочный материал», как говаривал Крамской. Дураков на свете много и, скорее всего, Барин без кадров не останется. А этот подонок Баринов-юниор задавит еще десяток ни в чем не повинных людей, прежде чем сам разобьется в лепешку.

— Посмотрим, может быть, и не отмажет, — процедил сквозь зубы сыщик. — Где номер телефона Барина?

Молодой опер протянул ему бумажку с цифрами.

— Я сам хотел позвонить, но боялся, что сорвусь, гадостей наговорю. А мне бы еще хотелось тут поработать.

— Надежды юношей питают, — меланхолично заметил Крюков, набирая номер. — А вот мне что-то тут работать расхотелось. Знаешь, есть такое животное, типа нутрии — выхухоль. А есть еще нахухоль и похухоль. Вот их я и буду разводить на пенсии. Алло? Приемная? Господин Баринов позовите, пожалуйста. Это насчет его сына. Да, спасибо.

— Баринов слушает, — раздалось в трубке.

Крюков изобразил лицом и телом майора Поповича и гаркнул в трубку:

— Гаварыт джжурный по Управлению спяцслужбы майор Ёпэрэсэтович!

— Ну, что еще? — голос Баринова выражал недовольство и скуку.

Крюков выдержал паузу по Станиславскому. Получилось вполне по-мхатовски.

— У меня для вас трагическое сообщение. Крепитесь. Мужайтесь. Вам известен красный «феррари» с номером... — сыщик назвал цифры номерного знака машины Барчонка. — Значить, тут такое дело. Произошла авария. Машина, значить, разбита напрочь, как из-под локомотива вынули.

— Это машина моего сына! Что с ним?! Он не пострадал?! Отвечай, мать твою! — Барин заорал в трубку так, что едва не оглушил сыщика.

Теперь следовало бы успокоить вельможу и сообщить ему, что свершилось чудо, и его драгоценный ублюдок жив-здоров и отделался двумя царапинами. Но у Крюкова язык не поворачивался сказать правду, а врать тоже не хотелось.

— Мы его потеряли... Мужайтесь... Крепитесь... — повторил он уже без всякого лукашенковского акцента.

— Он... Он погиб? — едва смог вымолвить Барин.

— Да, — снова не покривил душой опер. — Восстановлению в человеческом виде не подлежит. Погиб для общества окончательно и бесповоротно, — он хотел положить трубку, но проклятая привычка говорить правду снова взяла верх, и сыщик добавил: — Он погиб, но, разумеется, в переносном смысле...

Поздно — Баринов его не дослушал. Вернее, прежде чем Крюков успел закончить разговор, в трубке раздался сильнейший грохот, будто где-то там, на другом конце провода, упал большой шкаф. Потом абонент отключился. Короткие гудки возвестили, что связь прервалась.

Сыщик перезвонил. На этот раз ждать пришлось довольно долго. Наконец трубку взяла женщина, вероятно секретарь.

— Господина Баринова будьте добры, — вежливо попросил Крюков.

После паузы женщина взволнованно сообщила:

— Борис Николаевич не сможет подойти. У него, кажется, insult.

Нет, Крюков не был по природе злым человеком. Он не пустился в пляс, не разразился торжествующим мефистофельским смехом. Он просто решил для себя, что теперь дело действительно закрыто. И положил трубку...

Коридоры управления были непривычно пусты. И это в начале рабочего дня? Крюков даже подумал, что в горячке последних событий все перепутал и явился на работу в выходные. Или неутомные думские заседатели придумали какой-нибудь новый праздник, а он про него не слыхал? Например, День Выхухолеведа. А может, все сотрудники управления похищены пришельцами с Альдебарана, а то и откуда подальше?

Этот вариант пришлось отбросить, когда Крюков приблизился к открытым дверям дежурки. Оттуда доносился мерный хруст, как будто кто-то шагал по рассыпанной по полу скорлупе. Люди! Есть кто живой? Ау!

Он заглянул в дверь и ему стал понятен механизм возникновения хруста. Источником его был майор Алеша Попович, профессиональный борец с чипсами. Развалившись в кресле за пультом дежурного, он горстями забрасывал в

рот сухие пластинки картофеля, а его плохо закрывающийся рот служил мощным резонатором.

— О, Крюк, здорова! — обрадовано крикнул Попович со своим неистребимым белорусским акцентом. — Ты где был? Я уж думал, что тебя убили.

— Нет, мяня на курсы бяларусского языка командировали, — в тон ему ответил опер.

— Брешешь! А ну скажи што-нябудь! — потребовал майор.

Крюков залез двумя пальцами в его пакет с чипсами, достал оттуда пару коричневых картофельных лепестков и поморщился.

— Вот, к примеру, хочешь, скажу по-белорусски — «плохая картошка»?

— Валяй.

Крюков сделал серьезное лицо и сказал голосом Левитана:

— Бульба нынча ни в пязду!

— Ну, Крюк, ты даешь! — Майор Попович чуть не подавился чипсами от смеха.

И закашлялся: видно, непрошенная чипсина попала не в то горло.

Когда он немного пришел в себя, сыщик поинтересовался:

— А где народ?

— Все на собрании. Торжественное заседание по случаю завершения месячных по борьбе с фашизмом.

Сам заместитель министра приехал поздравлять! — Он переключил рычажок громкоговорящей связи на пульте дежурного, и помещение заполнил густой бас Альпенгольда.

«Не генерал, а Шаляпин. Ему бы в опере петь, а он тут с нами время теряет, — с некоторой долей самоуничижения подумал Крюков. — А чем я лучше? Нет, решено. Нутрии и еще раз нутрии! Будущее — за кооперативами. В будущем вообще никаких милиционеров не будет, все ментуры позакрывают за ненужностью, так учил великий Ленин».

Алеша Попович с трепетом вслушивался в начальственные речи.

— Слушай, Крюк, — вдруг засуетился майор, — посиди тут за меня маленько! Там Альпенгольд уже награды вручает. Сейчас мне будут благодарность объявлять. В присутствии замминистра! А здесь делов-то всего ничего — на телефонные звонки отвечать...

Может быть, раньше Крюков и пошел бы ему навстречу, но теперь, после решения связать свою судьбу со звероводством, он стал непреклонен.

— Ни фига, это ты сегодня дневальный, — беззаботно улыбнулся опер. — А у меня дембельский аккорд! — Он повернулся на каблуках и вышел из дежурки...